

СВ. АДАМАСИИ ВСЯКИИ

СВ. АДИАНАСИИ ВСЯКИИ

И ЕГО

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНИЯ

Св. АѠНАСІЙ ВЕЛИКІЙ

АРХІЕПИСКОПЪ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ

И ЕГО

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ

НѢКАНѠРА

ЕПИСКОПА АРХАНГЕЛЬСКАГО И ХОЛМОГОРСКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА

1893

Св. АѢНАСІЙ ВЕЛИКІЙ

АРХІЕПИСКОПЪ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ

И ЕГО

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ

НѢКАНѢРА

Епископа Архангельскаго и Холмогорскаго

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА

1893

17

Александр

Отъ Казанскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Мая 9 дня 1893 года.

Профессоръ академіи П. Знаменскій.

078
37

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Его жизнь и нравы—правило для епископовъ; его догматы—законы для Православія (Похвальное слово св. Аѳанасію св. Григорія Богослова).

Великую правду изрекъ о святомъ Аѳанасіи Великомъ святой Григорій Богословъ, сказавъ, что его жизнь и нравы могутъ служить правиломъ жизни, а вѣрованія—догматическими узаконеніями. И это имѣло и имѣетъ значеніе какъ для давноминувшихъ вѣковъ, такъ и для нашего времени, обуреваемого и непорядочностію жизни многихъ и невѣріемъ большинства, и притомъ тѣмъ невѣріемъ, съ которымъ такъ усиленно и настойчиво боролся всю свою многотрудную жизнь святой Аѳанасій Великій, т. е. съ невѣріемъ въ Господа Спасителя нашего Іисуса Христа, какъ Единороднаго Сына Божія, Единосущнаго Отцу.

Посему обзоръ жизни великаго вселенскаго учителя, его многочисленныхъ трудовъ и твореній въ защиту истинной вѣры можетъ быть въ настоящее время вдвойнѣ полезнымъ, т. е. и въ смыслѣ указанія въ немъ положительнаго примѣра вѣры и образца

*

осуществленія ея въ неуклонно истинно-христіанской жизни, и въ смыслѣ указанія тщетности усилій современнаго невѣрія водрузить свое знамя на не-сокрушимой стѣнѣ Православія, упирающагося на такіе гранитные столпы его, какимъ былъ на примѣръ святой Аѳанасій.

Жизнь и вѣра святаго Аѳанасія такъ тѣсно связаны между собою, что его жизнь была всецѣлымъ выраженіемъ его вѣры, а вѣра была его жизнію, такъ что у него не было жизни внѣ вѣры и вѣры—безъ жизни. Это былъ чистѣйшій алмазъ, который, съ какой бы стороны ни разсматривали его, всегда и вездѣ оказывался одинаково драгоцѣннымъ, свѣтлымъ и прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ. По слову того же Богослова Григорія, *«онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ добродѣтели въ совокупности ихъ»!* Но и онъ, подобно всѣмъ святымъ, не сразу достигъ такой высоты духа. И онъ былъ юнымъ, былъ мужемъ и старцемъ. И онъ сначала былъ руководимъ другими, а потомъ управлялъ великимъ множествомъ другихъ. И онъ страдалъ и торжествовалъ побѣды. Съ этихъ точекъ мы и обозримъ его многолѣтнюю и разнообразную жизнь, по ея многоразличнымъ соотношеніямъ съ императорами, патріархами, множествомъ епископовъ, пресвитеровъ и мірянъ всего тогда извѣстнаго міра, простиравшагося отъ Александріи до Констан-

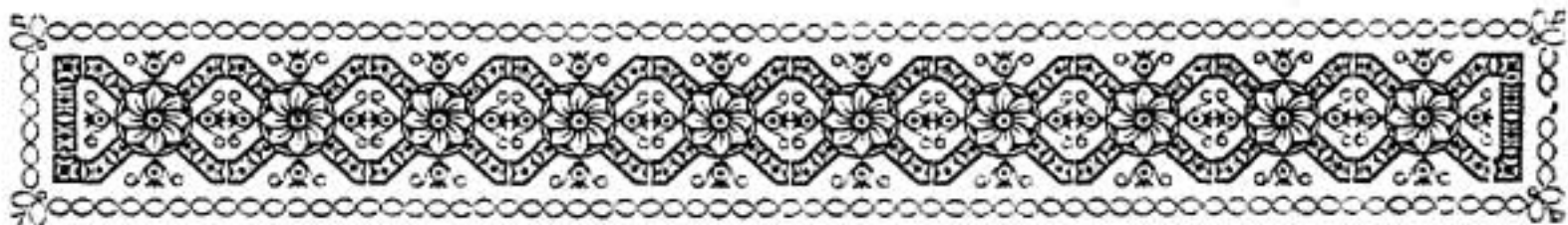
тинополя и отъ Рима до Іерусалима и Антіохіи. Были времена, когда о святомъ Аѳанасіи говорилъ весь христіанскій міръ, и были моменты, когда, повидимому, на немъ одномъ опиралась судьба всего Православія. безпощадно гонимаго и притѣсняемаго злыми еретиками аріанами. И святой Аѳанасій, удержавъ неистовый натискъ безчисленнаго сонма этихъ злодѣевъ, вынесъ побѣдоносно знамя Православія цѣлымъ и невредимымъ; а въ своихъ твореніяхъ и живыхъ воспоминаніяхъ современниковъ о его неустанной борьбѣ съ еретиками онъ оставилъ вѣковѣчные памятники несокрушимости Православія никакими его врагами, исходящими изъ самыхъ вратъ адовыхъ, а тѣмъ болѣе неуязвимаго мелкими современными нападками на него.

Одинъ нашъ богословъ, начиная свой замѣчательный трудъ о святомъ Аѳанасіи, писалъ: «христіанская Церковь, многократно подвергавшаяся гоненіямъ и всякаго рода бѣдствіямъ, о которыхъ предсказалъ Божественный Основатель ея Іисусъ Христосъ (Іоан. XVI), ни отъ чего и ни отъ кого не испытала столь великой опасности, какъ отъ еретиковъ. Еретики, посягая и на внѣшнее благосостояніе вѣрующихъ, стремились преимущественно возмутить внутренній миръ ихъ, похитить у нихъ истинное сокровище—чистоту вѣры и благочестія, извращали святая

истины богооткровеннаго ученія и такимъ образомъ посягали прямо на то, безъ чего самая Церковь не была бы истинною Христовою Церковію... Изъ всѣхъ же ересей, возникавшихъ въ Церкви отъ временъ Апостольскихъ донынѣ, самая опасная, гибельная и сопровождавшаяся важнѣйшими послѣдствіями есть ересь аріанская... Ересь аріанская по всей справедливости можетъ быть названа хитрѣйшимъ изобрѣтеніемъ духа злобы. Эта ересь вызвала защитниковъ вѣры на востокѣ и западѣ... Но между ними первое мѣсто не только по времени, но и по силѣ, дѣятельности и неутомимости занимаетъ святой Аѳанасій» ¹⁾).

¹⁾ См. «О заслугахъ святаго Аѳанасія для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ», соч. бакалавра С.-Петербур. дух. акад. магистр. Е. Ловягина, 1850 г., стр. 1—4.

Жизнь святаго Аѳанасія.

Дѣтство и юность.

Дѣтство и юность святаго Аѳанасія протекли въ столицѣ Египта—Александріи, гдѣ и родился онъ около 297 года по Р. Х. Родители его были бѣдные люди, однако занимавшіе хорошее положеніе, и были добрые христіане, которыхъ онъ вѣроятно скоро лишился, а потому и взятъ былъ въ ранней юности въ домъ архіепископа Александрійскаго Александра.

Историкъ Руфинъ, посѣтившій Александрію при жизни святаго Аѳанасія, такъ рассказываетъ объ этомъ событіи: «однажды благочестивый архіепископъ Александръ праздновалъ день рожденія своего замученнаго предшественника—архіепископа Петра, и ожидалъ нѣкоторыхъ изъ своего духовенства на (духовное) торжество. Окна его дома выходили къ морю, и когда онъ стоялъ, смотря изъ нихъ по направленію къ гавани, то увидѣлъ на берегу толпу мальчиковъ. Они играли въ церковныя церемоніи. Полагая, что дѣти зашли въ своихъ играхъ очень далеко, архіепископъ приказалъ нѣкоторымъ изъ духовенства посмотрѣть за этими играми, и затѣмъ велѣлъ привести мальчиковъ въ свое присутствіе. Мальчики сознались,

что они сдѣлали Аѳанасія епископомъ, и что онъ крестилъ тѣхъ изъ нихъ, которые были оглашенными, чрезъ погруженіе въ море, со всѣми установленными формами. Находя, что вопросы задавались должнымъ образомъ и отвѣты давались правильно, архіепископъ рѣшилъ признать это крещеніе дѣйствительнымъ, но дополнилъ его муромазаніемъ. Онъ позвалъ родителей мальчиковъ, дѣйствовавшихъ въ качествѣ пресвитеровъ, и посовѣтовалъ имъ, чтобы они воспитывали ихъ для священства. Аѳанасію онъ позволилъ закончить свое образованіе и затѣмъ удержалъ его въ своемъ домѣ, подобно тому какъ Самуилъ былъ воспитанъ въ скиніи Господней». Этотъ рассказъ удивителенъ, но его нельзя считать невозможнымъ, такъ какъ онъ сообщенъ почтеннымъ историкомъ и признается многими изслѣдователями. Впрочемъ, и помимо сего свидѣтельства извѣстно, что Аѳанасій съ раннихъ лѣтъ занималъ мѣсто въ домѣ архіепископа Александра и жилъ съ нимъ «какъ сынъ съ отцомъ». Это пребываніе Аѳанасія въ домѣ архіепископа, въ качествѣ любимца его, не могло не отразиться на обширности и всесторонности его образованія, начатаго подъ руководствомъ родителей, которые по обычаю времени познакомили его съ основами какъ религіознаго ученія, такъ и свѣтскаго. Быть можетъ теперь Аѳанасій, какъ юный клирикъ, не могъ какъ прежде посѣщать знаменитѣйшую Александрійскую бібліотеку того времени (состоявшую изъ десятковъ тысячъ рукописныхъ книгъ), гдѣ языческіе риторы и философы

охотно предлагали свои знанія и руководство всѣмъ ищущимъ мудрости и краснорѣчія, но за то онъ теперь могъ ближе стать къ зависимой отъ архіепископа христіанской Александрійской школѣ, въ которой къ этому времени накопилось свое великое книжное сокровище, обогатившееся отъ одного ея знаменитаго учителя и руководителя Оригена 6000-ми рукописей.

Кромѣ сего дѣтство Аѳанасія совпало съ періодомъ ужаснаго гоненія на христіанъ при Діоклитіанѣ, а потому на крѣпость и силу склада его религіознаго развитія имѣли вліяніе многіе исповѣдники, потерпѣвшіе въ это время отъ языческаго гоненія, а также и св. мученики, о страданіи коихъ столь многіе могли рассказывать тогда, какъ очевидцы.

Аѳанасій изучилъ грамматику и риторику, былъ знакомъ съ Гомеромъ и Платономъ и со всею філософіею, изучилъ юриспруденцію. Но главное вниманіе Аѳанасія было обращено на изученіе и усвоеніе Священнаго Писанія и пониманіе его, въ пользу котораго такъ много потрудился Оригенъ и другіе учителя Александрійскіе. И Аѳанасій такъ зналъ всѣ книги Священнаго Писанія, какъ не многіе знали и одну книгу.

По сообщенію историка Созомена, святой Аѳанасій еще въ юности сдѣланъ былъ писцомъ и домашнимъ секретаремъ Александрійскаго архіепископа. Это также благодѣтельно вліяло на развитіе Аѳанасія и расширяло горизонтъ его понятій и практическихъ цер-

ковныхъ обобщеній. Всемирная столица морской торговли и образованности того времени—Александрія съ первыхъ временъ христіанства была одною изъ великихъ церковныхъ митрополій, начало которой положено было святымъ Апостоломъ и Евангелистомъ Маркомъ. Около же этого времени авторитетъ Александрійскаго первосвятителя простирался надъ сотнею епископовъ Египта, Ливіи и Пентаполя. Къ этому же патріархату принадлежали пустыни Өивайдская, Синайская, Нитрійская и Арсинойская, первые великіе обитатели коихъ, отцы и основатели монашества: Антоній Великій, Пахомій, Макарій и многіе другіе очень нерѣдко заходили въ Александрію, гдѣ у нихъ и довершалъ Аѳанасій свое подвижническое развитіе. Особенно, говорятъ, онъ былъ друженъ съ святымъ Антоніемъ Великимъ, которому онъ въ теченіе нѣкотораго времени прислуживалъ и *«милъ воду на его руки»*. Не могло конечно не повліять на пламенную душу юнаго Александрійца, какъ 80-лѣтній старецъ Антоній бодро стоялъ въ бѣломъ овчинномъ плащѣ предъ пышнымъ и могущественнымъ префектомъ Александріи и мужественно и мудро защищалъ отъ несправедливыхъ преслѣдованій христіанъ, не смущаясь никакимъ страхомъ. И вотъ гдѣ, быть можетъ, загорѣлась та Божественная искра неугасимой ничѣмъ ревности по истинной вѣрѣ, которая горѣла въ юномъ Аѳанасіи и пылала до конца его жизни, распростра- няя повсюду теплоту любви и свѣтъ вѣры христіанской болѣе чѣмъ 50 лѣтъ при жизни и донынѣ по

смерти. Какъ бы заблаговременно подготовляемый Промысломъ Божиимъ къ великому своему служенію христіанскому міру, святой Аѳанасій весьма рано былъ поставленъ въ діакона, а потомъ возведенъ и въ архидіакона. Живя при архіепископѣ, святой Аѳанасій былъ во многомъ ему помощникомъ, такъ какъ, кромѣ широкаго образованія, онъ обладалъ проницательнымъ умомъ, и, что всего важнѣе, всегда горѣлъ ревностію объ истинной вѣрѣ, цѣнимой имъ выше всего. Труды по патріархату конечно много занимали его, но юный аскетъ находилъ время и для самостоятельныхъ занятій, ища въ нихъ выраженія своего одушевленія вѣрою. Къ этому времени относится его «Слово противъ язычниковъ»¹⁾, въ которомъ онъ показываетъ нелѣпость идолопоклонства (бывшаго тогда еще въ немалой силѣ), доказываетъ истину единобожія и указываетъ пути къ истинному Богопознанію. Доводы Аѳанасія и самобытны и могущественны. Къ этому же времени относятся знаменитое произведеніе «О воплощеніи Слова», гдѣ говорится о необходимости воплощенія Сына Божія для возстановленія падшаго человѣчества и доказывается съ полною основательностію, что воплотившееся Слово есть Единородный Сынъ Божій²⁾. Этотъ завѣтный предметъ юношески-

¹⁾ См. Приложение 1-е.

²⁾ Сочиненіе это представляетъ одну изъ раннихъ попытокъ изложенія этой важнѣйшей христіанской истины въ философско-религіозной формѣ и обнаруживаетъ въ авторѣ, вмѣстѣ съ ясностію представленія средоточной важности ученія о Божественномъ достоинствѣ лица Христа, пламенную силу убѣжденія въ немъ. См. Приложение 2-е.

пламенной вѣры святаго Аѳанасія былъ потомъ основнымъ предметомъ несокрушимаго убѣжденія въ пору его твердаго мужества и славнѣйшимъ предметомъ упованія при концѣ многотрудной жизни, отягченной неустанною борьбою съ еретикомъ Аріемъ и его приверженцами.

Арій въ это время былъ приходскимъ священникомъ въ Александріи, неподалеку отъ дома архіепископа (въ Баукалисѣ), а потому, конечно, онъ давно былъ небезызвѣстенъ святому Аѳанасію. Но еще ближе сталъ знакомъ онъ Аѳанасію, когда о его еретическомъ мнѣніи заговорила вся Александрія и когда престарѣлый архіепископъ долженъ былъ бороться съ нимъ не однимъ авторитетомъ епископской власти, но и силою вразумленія, обличенія и посрамленія.

Вотъ при семь-то послѣднемъ и былъ для своего архіепископа правою рукою архидіаконъ Аѳанасій.

Арій былъ воспитанникъ Антіохійской школы Лукіана, отличавшейся въ пониманіи слова Божія буквализмомъ, а въ Александріи больше любили смыслъ аллегорическій, таинственный. Но это неблагопріятное образованіе Арія не очень обнаруживалось. Человѣкъ вообще мятежный и безпокойный, онъ однако скрывалъ свой нравъ подъ маскою святости. Многіе его товарищи уже давно были епископами, какъ напр. Евсевій Никомидійскій, Марій Халкидонскій. И онъ думалъ быть епископомъ и былъ кандидатомъ на епископство вмѣстѣ съ Александромъ, по избраніи котораго Арію казалось оскорбительно, что избрали не его. Отсюда-то вотъ и пошли его раздоры съ сво-

имъ архипастыремъ, окончившіеся нечестивымъ провозглашеніемъ отъ Арія богохульной ереси о сотворенности Сына Божія и подчиненности Его Богу.

Александръ съ Аѳанасіемъ сначала увѣщевалъ Арія частно, при чемъ вся хитрая логика послѣдняго и вкрадчивость рѣчи совершенно ступшевывались предъ пронизательностію ума и ясностію доводовъ всецѣло преданнаго истинѣ святаго Аѳанасія. Но Арій не вразумлялся, и архіепископъ собралъ соборъ. Еретикъ и здѣсь утверждалъ смѣло, что Сынъ подчиненъ Отцу и что *«было такое время, когда Его не было»*, что *«Отецъ и Сынъ крайне неподобны, до безконечности»*. Онъ даже называлъ Сына *«тварію или сотвореннымъ бытіемъ»*. Очевидно, это было возвращеніе къ язычеству, такъ какъ лжеученіемъ Арія Христосъ уподоблялся полубогамъ: Озирису, Геркулесу или теософическимъ силамъ, о коихъ учили Филонъ и другіе Александрійскіе ученые и философы. Изувѣрство Арія глубоко возмутило истинно вѣрующихъ, но нашлись слабые, которые прельстились мнимыми доказательствами искуснаго въ словѣ еретика, и соборъ не пришелъ ни къ какому опредѣленію. Лукаво и нелѣпо смѣшивая вѣчныя и божественныя отношенія между вѣчнымъ Отцомъ и совѣчнымъ Сыномъ съ отношеніями человѣческой жизни, аріане, обращаясь къ женщинамъ, спрашивали глупыхъ женщинъ: *«скажи, пожалуйста, имѣла ли ты сына, прежде чѣмъ сдѣлалась матерію?»* Услышавъ о семъ, святой Аѳанасій съ негодованіемъ восклицалъ: *«они называютъ себя*

христіанами и въ то же время измѣняютъ славу Божію въ подобіе образа тлѣннаго чловѣка». Въ 321 году архіепископъ Александръ созвалъ другой соборъ противъ Арія. Святой Аѳанасій ясно доказывалъ, что Христосъ есть Богъ воплощенный и что ересью Арія затрогируется преданность христіанскихъ душъ Спасителю ихъ, и Арій былъ осужденъ вмѣстѣ съ 2 епископами и 11 діаконами. За Арія вступился другъ его Евсевій, епископъ Никомидійскій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ вслѣдствіе того, что дворъ императора Константина Великаго тогда находился въ Никомидіи, куда отправился и Арій, сначала смутивъ многихъ своими еретическими пѣснями и поэмами, вышедшими подъ названіемъ *Θαλίи*. Пѣсни эти пѣлись рыбаками и разносчиками. Споры христіанъ осмѣивались въ театрѣ. Черезъ сестру императора дошелъ слухъ о сихъ спорахъ и до Константина Великаго. Въ сентябрѣ 323 года онъ разбилъ Ликинія, и весь Греко-Римскій міръ принадлежалъ ему. Боясь большаго смущенія, онъ не поѣхалъ самъ въ Александрію, но послалъ туда самаго маститаго іерарха—Осію, епископа Кордубскаго. Но на ослѣпленныхъ аріанъ не подѣйствовала и мудрая простота ученія старца, убѣленнаго сѣдинами, какъ они не вняли и огневымъ рѣчамъ молодаго архидіакона. Императоръ употребилъ и еще нѣсколько мѣръ, въ надеждѣ, что «Богъ не преминетъ обличить обманъ Арія, если онъ обманулъ его или скрылъ что-либо». И Богъ дѣйствительно не преминулъ обличить обманъ Арія на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ.

Участіе святаго Аѳанасія на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ.

Участіе святаго Аѳанасія на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ было самое дѣятельное. Мысль о созваніи въ 325 г. 1-го Вселенскаго Собора въ г. Никеѣ принадлежала святому равноапостольному императору Константину Великому. Онъ же далъ и всѣ средства къ осуществленію этого величайшаго дѣла, открывшаго въ исторіи Церкви новый періодъ и положившаго твердѣйшее обоснованіе ея порядковъ. И какое чудное было это собраніе! Здѣсь былъ святой Паѳнуцій, епископъ Оивайдскій, который едва держался на своемъ мѣстѣ, волоча ногу, жилы которой были подрѣзаны во время пребыванія его въ рудникахъ, и свидѣтельствуя однимъ своимъ высохшимъ пустымъ глазомъ о томъ страданіи, которое онъ претерпѣлъ за вѣру во время діоклитіанова гоненія. Здѣсь былъ Павелъ, епископъ Месопотамской Неокесаріи, поднимавшій для благословенія руку, сожженную огнемъ. Тамъ были Іаковъ Низибійскій и Персіанинъ Іоаннъ, именовавшійся митрополитомъ Индіи. Тамъ былъ святой Николай Мирликійскій чудотворецъ и Евстаѳій Антіохійскій, подвергшійся потомъ гоненію отъ язычниковъ. Здѣсь былъ святой Спиридонъ, епископъ Кипрскій, который возведенъ былъ въ епископскій санъ изъ пастушескаго состоянія и такъ посрамилъ философа Евлогія, что послѣ нѣсколькихъ словъ Спиридонъ спросилъ его: вѣруетъ ли онъ во Христа, и Евлогій отвѣтилъ

«въручу» и тотчасъ же согласился принять крещеніе. Словомъ, здѣсь былъ величайшій сонмъ святыхъ отцевъ, исповѣдниковъ и учителей вѣры со всѣхъ концовъ тогда извѣстнаго міра, всего около 318 членовъ Собора, кромѣ множества лицъ окружавшихъ ихъ и бывшихъ съ императоромъ. Самъ императоръ Константинъ Великій смутился, вошедши въ этотъ священный сонмъ представителей всѣхъ церквей нераздѣльнаго тогда міра. Императоръ былъ облаченъ во всѣ блистательныя принадлежности восточной царственности. Отличаясь при обыкновенныхъ случаяхъ прямой поступью и почти львинымъ блескомъ своихъ яркихъ очей, теперь онъ шелъ между рядами епископовъ съ поникнутыми взорами. На его щекахъ выступилъ замѣченный всѣми румянецъ. Онъ приблизился къ своему мѣсту и занялъ его только тогда, когда получилъ на это знакъ отъ епископовъ. Рядомъ съ нимъ сѣлъ предсѣдатель Собора авраамоподобный старецъ Осія, епископъ Кордубскій (въ Испаніи), а по другую сторону приближенный къ императору Евсевій, епископъ Никомидіи, въ епархіи котораго была Никея. Оправившись, Константинъ произнесъ рѣчь, въ которой умолялъ всѣхъ позаботиться о мирѣ.

Члены Собора были различны по образованію: многіе изъ нихъ болѣе были сильны вѣрою, нежели научными знаніями; но не мало здѣсь было и высокообразованныхъ людей, какъ напримѣръ Евсевій Кесарійскій, открывшій Соборъ рѣчью къ императору.

Главный интересъ Собора сосредоточивался на Аріи и его лжеученіи. Первымъ обвинителемъ его выступилъ патріархъ Александрійскій Александръ, имѣвшій вездѣ съ собою своего наперсника и неутомимаго сотрудника въ лицѣ архидіакона Аѳанасія, который былъ болѣе всѣхъ подготовленъ для борьбы съ еретичествомъ Арія, и по своей пламенной ревности объ истинной вѣрѣ чаще другихъ выступалъ противъ разглагольствованій Арія.

Арію было около 60 лѣтъ, а святому Аѳанасію не болѣе 30. Внѣшность Арія была отталкивающая. Лицо у него было блѣдное, взоры поникнутые, черты лица истощенныя, волосы заплетенные, фигура высокая и тощая; говорилъ онъ вкрадчиво-очаровательно; но манеры его часто отличались взрывами такого сильнаго возбужденія, которое заставляло многихъ называть его Ариманомъ (богомъ зла). Аѳанасій же былъ человѣкъ небольшого роста, но его бодрая живость, свѣтлые взгляды и чисто ангельское лицо были предметомъ почти общаго восторга. Тщетно хитрый Арій и его приверженцы (особенно Евсевій Никомидійскій) старались ввести въ обманъ простодушныхъ разными изворотами словъ и мыслей. Всѣ ухищренія ихъ мудро и быстро были изобличаемы, всѣ ложныя основанія раскрываемы Аѳанасіемъ. Тонкій умъ и несокрушимая логика святаго Аѳанасія скоро сдѣлались ужасомъ для его враговъ. Вскорѣ было указано одно слово, которымъ вѣрно опредѣлялось существо Сына Божія въ Его отношеніи къ Отцу. Это слово:

омоусіосъ, единосущный. Святой Аѳанасій доказалъ важность этого слова въ опроверженіи еретичества Арія и необходимость его введенія въ Символь вѣры, такъ какъ имъ показывалось въ полнѣйшемъ смыслѣ божественное и соравное со Отцемъ существо Сына Божія Іисуса Христа. Тщетно нѣкоторые старались замѣнить слово «омоусіосъ» похожимъ словомъ *оміусіосъ*, подобосущный, которое совершенно извращаетъ православное ученіе. Утвержденіе Символа вѣры сопровождалось анаѳематствованіемъ аріанства. Книги Арія рѣшено было подвергнуть сожженію. Самъ Арій былъ изгнанъ, равно какъ Ѳеона и Секундъ, единственные епископы, которые не хотѣли оставить аріанства. Никейскій Символь вѣры былъ законченъ прибавленіемъ членовъ вѣры въ Духа Святаго, въ Церковь и будущую жизнь на 2-мъ Вселенскомъ Соборѣ въ Константинополѣ (381 г.), подтвержденъ на 3-мъ Вселенскомъ Соборѣ въ Ефесѣ (431 г.) и запечатлѣнъ на 4 Соборѣ (451 г.) въ Халкидонѣ. Въ прощальной рѣчи императоръ снова молилъ всѣхъ избѣгать распрей и любить миръ. Епископы отправились домой, какъ и прибыли на Соборъ, на императорскій счетъ. По одному сказанію, многіе епископы были приглашены императоромъ въ основываемый имъ новый городъ—Византію (Константинополь). Здѣсь престарѣлый епископъ Митрофанъ, обратившись къ Александру, епископу Александрійскому, сказалъ, указывая на Аѳанасія: «ты также, братъ мой, будешь имѣть хорошаго преемника. Вотъ доблестный поборникъ Христа!

Много борьбы вынесеть онъ въ сообществѣ не только съ моимъ преемникомъ Александромъ, но и съ моимъ слѣдующимъ преемникомъ Павломъ». Сообщая о семъ, Фарраръ говоритъ: «какое бы историческое значеніе ни имѣло это сказаніе, оно во всякомъ случаѣ съ достаточностію указываетъ на то, что Аѳанасій, прибывшій въ Никею еще въ положеніи молодаго діакона лишь съ мѣстной извѣстностію, возвращался домой уже всемірно извѣстнымъ человѣкомъ».

Первые годы архіепископства святаго Аѳанасія и его изгнанія.

Вскорѣ по возвращеніи съ Собора, Александрійскій епископъ занемогъ. Аѳанасія въ это время въ Александріи не было. Умирающій старецъ блуждающимъ взоромъ искалъ того, кому онъ желалъ бы поручить свою паству. «Аѳанасій, Аѳанасій, сказалъ онъ, ты думаешь убѣжать! Нѣтъ, не убѣжишь!» И дѣйствительно, Аѳанасій не избѣжалъ священнаго жребія, предназначеннаго ему свыше. Лишь только явился онъ въ Александрію, какъ народъ сталъ неотступно просить отъ собравшихся епископовъ, чтобы они посвятили въ Александрію епископомъ Аѳанасія, что тѣ и исполнили. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ архіепископа Аѳанасія было обозрѣніе своего обширнѣйшаго архипастырскаго округа, смущеннаго еретичествомъ Арія и другими волненіями. Въ его округѣ было нѣсколько епископовъ, которые являлись къ нему со множе-

ствомъ вопросовъ, а тысячи пустынныхъ иноковъ встрѣчали его съ славословіями. И Аѳанасій, самъ будучи постникомъ и аскетомъ, съ восторженнымъ чувствомъ смотрѣлъ на это воинство Господне, которое вело борьбу съ исконнымъ врагомъ спасенія подъ опытнымъ руководствомъ началоположниковъ монашескаго житія—святыхъ Антонія и Пахомія. Смиренный авва Пахомій былъ здѣсь же; среди встрѣтившихъ своего патріарха, но боясь, чтобы онъ не поставилъ его во пресвитера, скрывался среди братіи. Увидѣвъ Аѳанасія, онъ пророчески воскликнулъ: «вотъ чело-вѣкъ Божій, которому придется много перенести за дѣло истинной вѣры». Что и сбылось. Изъ пустыни Ѡивайдской Аѳанасій взялъ многихъ иноковъ для возведенія въ разныя степени священства. Святый Аѳанасій усердно старался сдѣлать все возможное для своего патріархата. Достопамятнѣйшимъ событіемъ первыхъ лѣтъ его архипастырскаго служенія должно въ особенности назвать посвященіе имъ перваго епископа въ Абиссинію—Фрументія, чудесно попавшаго туда еще въ дѣтствѣ. Но главнѣйшимъ и важнѣйшимъ дѣломъ святаго Аѳанасія была его неустанная борьба съ аріанами, которые, видя въ немъ самую сильную опору Православія, всѣми возможными средствами старались его низложить и погубить. Жизнь святаго Аѳанасія въ непрестанной борьбѣ была повидимому невыносима. Враги преслѣдовали его съ неусыпною злобою; они не давали ему покоя ни на одинъ день. Но Аѳанасій, какъ крѣпкій гранитъ, былъ

несокрушимъ духомъ, всегда горѣвшимъ пламенною ревностію объ истинѣ. Борьба только закаляла его, и грозныя тучи, часто раздражавшіяся надъ его головою, только еще болѣе возбуждали его мощный духъ.

Судьбы Аѳанасія до того неразрывно сплетены были съ исторіею аріанскихъ споровъ, что Никейская и Аѳанасіевская вѣра стали однозначущими, и различныя невзгоды и торжества Аѳанасія были показателями печальнаго или отраднаго положенія Православія. По проискамъ аріанъ, святой Аѳанасій два раза былъ въ изгнаніи, три раза онъ принужденъ былъ удаляться въ Аѳриканскія пустыни и столько же разъ радостно возвращался въ свою епархію, непрестанно ратоборствуя противъ враговъ Православія.

Еретикъ Аріій, года черезъ 3, чрезъ посредство сестры императора, успѣлъ возвратиться изъ заточенія. Явившись къ государю, онъ притворился вѣрнымъ сыномъ Церкви и просилъ о возвращеніи ему общенія съ Церковію. Императоръ предоставилъ разсудить о семъ епископамъ, а между тѣмъ, по примѣру Арія, стали возвращаться изъ ссылки и другіе еретики, изъ которыхъ иные овладѣвали епископскими каѳедрами и поставляли на разныя священныя мѣста своихъ приверженцевъ, низлагая оклеветываемыхъ православныхъ епископовъ. Одинъ изъ приверженцевъ Арія потребовалъ, чтобы Аѳанасій принялъ Арія и его друзей въ общеніе съ собою. Но святой Аѳанасій отвѣчалъ, что онъ не можетъ принять осужденнаго Вселенскимъ Соборомъ. Тогда Аѳанасія оклеветали въ

жестокости надъ однимъ пресвитеромъ. Только что онъ успѣлъ опровергнуть эту клевету, какъ на него взвели рядъ новыхъ обвиненій. Императоръ Константинъ самъ пожелалъ видѣться съ Аѳанасіемъ и, по-видавшись, убѣдился въ полной невинности Аѳанасія и назвалъ его «человѣкомъ Божиимъ». Но клеветы враговъ не истощались. Аѳанасія обвиняли въ томъ, что онъ будто бы повелѣлъ сокрушить священные сосуды, найденные у одного мелетіанскаго (раскольническаго) священника, сожечь священныя книги и разрушить престоль.

Кромѣ того, еще говорили, что онъ умертвилъ мелетіанскаго епископа Арсенія, отсѣкъ у него руку для волхвованія и многое другое. Императоръ повелѣлъ разсмотрѣть эти обвиненія собору епископовъ, готовившихся къ освященію храма, построеннаго Константиномъ Великимъ надъ Гробомъ Господнимъ. Тамъ обвинители показывали руку, будто бы отсѣченную у Арсенія. Но обвиняемый спросилъ: «знаете ли кто-нибудь изъ васъ Арсенія въ лицо?» Нѣкоторые сказали: «мы знали его, когда онъ былъ живъ». Тогда Аѳанасій вывелъ закутаннаго покрываломъ человѣка, отдернулъ мантию съ его лица и сказалъ: «подними твою голову». «Не это ли Арсеній?» спросилъ онъ. Епископы, которые знали Арсенія, воскликнули: «это онъ!» Снимая съ него плащъ, Аѳанасій велѣлъ ему протянуть сначала одну руку, а затѣмъ другую: «вы видите, сказалъ онъ, у него двѣ руки. Гдѣ же третья, которую я отрубилъ?» Нашлись на-

глецы, которые говорили, что это волхвованіе, но раскаявшійся противникъ Аѳанасія — Арсеній ясно говорилъ о самомъ себѣ. Явилась подкупленная женщина, свидѣтельствовавшая противъ чести подвижника благочестія. Но обвиненіе это немедленно было опровергнуто однимъ находчивымъ пресвитеромъ — Тимоѳеемъ. Поднявшись съ своего мѣста, онъ спросилъ ее, показывая на себя, дѣйствительно ли она обвиняетъ его въ этомъ преступленіи? «Конечно», отвѣтила женщина, показывая такимъ образомъ всему собору, что она даже не знала Аѳанасія въ лицо. Посрамленные клеветники еще болѣе возбудились противъ Аѳанасія. Лучшіе члены собора оставили его, а еретики объявили Аѳанасія низложеннымъ и Арія ввели въ Церковь. Императоръ потребовалъ несправедливыхъ судей къ себѣ въ Константинополь. Здѣсь враги Аѳанасія возводили на него новыя клеветы. Между прочимъ они говорили, что Аѳанасій запретилъ подвозъ хлѣба изъ Александріи въ Константинополь. Видя полную невинность Аѳанасія и свирѣпое ожесточеніе враговъ его, императоръ Константинъ послалъ святаго Аѳанасія въ столицу Галліи (Франціи) — Триръ, а кафедру его не позволилъ занять никому.

Арія въ Александріи всетаки не приняли. Хотя архипастыря тамъ и не было, но любовь Александрійцевъ къ Аѳанасію сохранила чистоту ихъ вѣры и святую ревность о ней. «Изгнаніе Аѳанасія, писали Египетскіе епископы, было нашимъ изгнаніемъ». Духъ

Аѳанасія видимо жилъ здѣсь. И кромѣ того Александрійцевъ подкрѣпилъ святой Антоній Великій. Явившись среди многолюднаго города, 80-лѣтній пустынножитель торжественно исповѣдалъ Иисуса Христа Сыномъ Божіимъ, Присносущнымъ Словомъ и Мудростію Отчею, а ересь аріанскую назвалъ предтечею антихриста. Кромѣ того онъ просилъ письмомъ императора о возвращеніи Аѳанасія, но царь Константинъ, ничего такъ не желая, какъ мира, не рѣшился исполнить его просьбу, а равно и моленіе клира Александрійскаго.

Еретикъ же Аріій самъ явился въ столицу имперіи. Друзья его рѣшились ввести его въ церковь. Но, по молитвѣ Константинопольскаго архіепископа Александра, Господь не допустилъ Арія въ церковь. На пути къ церкви онъ былъ схваченъ внезапнымъ приступомъ боли въ желудкѣ и удалился за форумъ (царскую площадь). Прождавши его долго, сопровождающіе ему отправились къ нему и были поражены ужаснымъ зрѣлищемъ: у стараго ересіарха лопнуло чрево, и онъ лежалъ мертвый, плавая въ своей крови, представляя ужасное и поучительное зрѣлище. Почти всѣ здравомыслящіе увидѣли въ этомъ страшный судъ Божій.

Святой Аѳанасій, въ далекомъ своемъ заточеніи, вмѣстѣ съ вѣстію объ ужасной смерти Арія, услышалъ вскорѣ и о другой трогательной кончинѣ, о смерти святаго и великаго, равноапостольнаго императора Константина, который умеръ еще нося бѣлое одѣяніе,

полученное имъ при крещеніи. Хотя не всѣми одобряются нѣкоторыя распоряженія императора Константина относительно Аѳанасія, но послѣдній несомнѣнно убѣждался въ благодѣтельности своего изгнанія и зналъ, сколь вообще благонамѣренъ и благожелателенъ былъ императоръ Константинъ Великій, провозгласившій свободу христіанъ и ставшій самъ святымъ христіаниномъ первый изъ числа императоровъ. Аѳанасій жилъ въ Трирѣ, пользуясь общею любовію и особеннымъ попеченіемъ благочестиваго епископа Максимиана, который старался доставить въ изобиліи все необходимое, какъ Аѳанасію, такъ и его сожителямъ, хотя всѣ они жили, довольствуясь самымъ малымъ, чѣмъ невольно поражали окружающихъ ихъ. Еще болѣе поражали они своими рассказами о подвижничествѣ отшельниковъ Оивайдской пустыни, что конечно тоже не оставалось безъ благихъ послѣдствій. Книга же, написанная Аѳанасіемъ впоследствии, о святой жизни преподобнаго Антонія, такъ воспламенила многихъ ревнителей благочестія, что вскорѣ и въ Трирѣ явились свои отшельники.

Во время двухлѣтняго своего пребыванія въ Трирѣ, святой Аѳанасій познакомился съ дѣтьми Константина: Констансомъ и Константиномъ, сдѣлавшимися теперь императорами Запада, что также не осталось безъ вліянія на судьбы Церкви. Возвращаясь, по смерти Константина Великаго, въ свою патріархію, Аѳанасій дважды видѣлся съ Констанціемъ — третьимъ сыномъ Константина Великаго, которому достался Египетъ

и весь Востокъ, и принять былъ имъ радушно. Возвращеніе Аѳанасія принесло паствѣ его неописанную радость. Народъ, клиръ и епископы благодарили Бога за дарованное имъ утѣшеніе послѣ тяжелой скорби. Но это счастливое время было лишь краткимъ отдыхомъ для Аѳанасія отъ недремлющей враждебности аріанъ. Вскорѣ одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Аѳанасія Евсевій Никомидійскій успѣлъ пріобрѣсти неограниченное вліяніе на вѣроломнаго Констанція, который позволилъ поставить въ Александрію епископомъ Писта, изверженнаго Никейскимъ Соборомъ, при чемъ было послано письмо папѣ Римскому, чтобы онъ призналъ новоназначеннаго епископа. Но Аѳанасій собралъ соборъ и обратился съ окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ православнымъ пастырямъ, прося ихъ взаимно противодѣйствовать аріанамъ. Посланіе это отправлено было и въ Римъ, гдѣ принесшіе его встрѣтились съ посланными Евсевіемъ. Между ними завязался споръ. Папа Юлій охотно взялся разсмотрѣть дѣло спора. А императоръ повелѣлъ разсмотрѣть это дѣло епископамъ, собравшимся въ Антіохіи для освященія церкви, начатой еще при Константинѣ Великомъ. Здѣсь избрали въ Александрію новаго епископа Григорія. На страстной недѣлѣ онъ съ помощію войска, язычниковъ и евреевъ введенъ былъ въ соборный храмъ Александріи. Нехотѣвшіе принимать его подверглись заключенію въ темницы, нѣкоторыхъ били, другихъ сѣкли и всячески истязали. Аѳанасій, чтобы не подать повода къ еще большому гоненію, тайно

оставилъ Александрію. Находясь въ тайномъ убожищѣ, онъ написалъ сильное воззваніе къ епископамъ всѣхъ церквей. Здѣсь онъ изобразилъ всѣ ужасы нечестія, совершавшіеся предъ его глазами, и умолялъ подать помощь славной церкви Александрійской, попираемой еретиками. Онъ писалъ: «оскорбленіе нанесено не мнѣ только, но и всѣмъ вамъ. Страждетъ вѣра, проповѣданная Господомъ и Его Апостолами. Если виновенъ въ чемъ епископъ Александрійскій, то его должны судить свои, православные епископы, а не еретики»... Но благочестивые пастыри безсильны были сдѣлать что-либо для защиты Аѳанасія, такъ какъ еретикамъ покровительствовалъ императоръ. Они только плакали и молили Господа, Главу Церкви, о помощи ей въ трудномъ испытаніи. Святому Аѳанасію открыто было въ видѣніи, что жертвенникъ Господень будетъ оскверненъ. Но передавая о семъ, онъ прибавлялъ: «не унывайте, чада! Какъ Господь прогнѣвался, такъ Онъ же паки и исцѣлитъ, и Церковь восприметъ прежнюю красоту. Увидите изгнанныхъ возстановленными: только не оскверняйте себя общеніемъ съ аріанами»...

Въ 341 году папа Юлій пригласилъ Аѳанасія на соборъ въ Римъ, и онъ отправился туда и жилъ тамъ 3½ года; противники же его не явились. Папа и 50 епископовъ оправдали Аѳанасія. Казалось бы, что оправданіе это должно было имѣть силу, такъ какъ оно произнесено было посторонними епископами, взявшимися за разборъ дѣла по желанію враговъ святаго Аѳанасія. Но на Востокѣ все молчало предъ гроз-

нымъ давленіемъ еретической партіи. Императоръ занятъ былъ войною съ Персами и святому Аѳанасію пришлось долго жить въ Римѣ. Хотя онъ былъ принятъ здѣсь вообще радушно и къ нему съ благоговѣніемъ относились такія лица, какъ сестра Константина Великаго—Евтропія, однако сердце Аѳанасія глубоко тревожилось печальными вѣстями изъ Александріи. Какъ и въ Трирѣ, Аѳанасій въ Римѣ своими бесѣдами о жизни отшельниковъ Египетскихъ воспламенялъ слушателей, заставлялъ ихъ отрѣшаться отъ земныхъ привязанностей и тѣмъ положилъ прочныя основы для процвѣтанія въ Римѣ монашества. Знатная Римлянка Марцелла первая основала здѣсь иноческое общежитіе, въ которомъ собранныя ею подвижницы занимались духовными подвигами и усерднымъ изученіемъ слова Божія. Благочестивые пресвитеры Аммоній и Исидоръ, бывшіе здѣсь съ Аѳанасіемъ, также производили благотворное вліяніе на Римскихъ христіанъ, какъ своими мудрыми бесѣдами, такъ и аскетическою жизнію. Они не ходили никуда, кромѣ церкви, и дома постоянно подвизались въ молитвѣ. Не осталось безъ вліянія на Римлянъ и ученіе объ истинной вѣрѣ святаго Аѳанасія, тѣмъ болѣе, что имъ здѣсь было написано его «Изложеніе вѣры».

Во время пребыванія Аѳанасія въ Римѣ, скончалась его сестра въ Александріи, и его замѣститель не позволилъ погребсти ее. Епископы, пресвитеры и вообще всѣ приверженные къ Аѳанасію подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Слыша объ этихъ на-

силіяхъ, святой Аѳанасій глубоко скорбѣлъ и тужилъ. Наконецъ, по просьбѣ многихъ епископовъ и по настоянію Констанса, императоръ Констанцій созвалъ соборъ въ Сардикѣ изъ 170 епископовъ восточныхъ и западныхъ. Послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ Римѣ, святой Аѳанасій отправился чрезъ Миланъ въ Сардику. Здѣсь аріанствующіе дѣйствовали скопомъ; они даже и жили вмѣстѣ. Но видя, что ихъ злодѣйство не можетъ имѣть успѣха, они оставили соборъ. Прочіе епископы въ числѣ 101 разсмотрѣли дѣло Аѳанасія, оправдали святаго Аѳанасія, а его противниковъ обличили и объявили низложенными за ихъ еретическое ученіе и подвергли ихъ анаѳемѣ. Рѣшенія этого собора были объявлены всѣмъ церквамъ и подписаны епископами Галліи, Аѳрики, Египта, Италіи, Кипра и Палестины. Императоръ Констансъ самъ рѣшился явиться въ Александрію, чтобы возвести Аѳанасія на кафедру и разогнать враговъ его. Аріанствующіе же епископы, собравшіеся въ Филиппополѣ, объявили осужденными не только Аѳанасія, но и всѣхъ кто былъ за него, начиная съ Римскаго епископа Юлія, Кордубскаго Осіи и проч. Противящіеся имъ предавались по повелѣнію императора Констанція смерти. Въ Александрію послано было повелѣніе лишить жизни Аѳанасія и его приверженцевъ.

Вскорѣ однако Констанцій увидѣлъ всю низость аріанъ и, боясь угрозы брата, послалъ къ святому Аѳанасію приглашеніе возвратиться въ Александрію. Долго Аѳанасій опасался воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ. Удостоверившись послѣ 2-го и 3-го при-

глашенія въ неложности его, святой Аѳанасій рѣшился оставить свое убѣжище. Простившись съ вѣнценоснымъ покровителемъ своимъ, онъ заѣхалъ (изъ Аквилей) въ Римъ. Папа Юлій отправилъ съ нимъ въ Александрію посланіе, въ которомъ, прославляя подвиги Аѳанасія и вѣрность ему паствы, высказывалъ радость по случаю торжественнаго возвращенія его въ Александрію.

Возвращеніе Аѳанасія въ Александрію было величайшимъ торжествомъ не для него только и его церкви, но и всей вселенской Церкви, ибо Церкви еще нужны были его мужество и неустрашимость въ борьбѣ съ несмѣтными врагами Православія, еще нужно было его громоносное слово противъ проповѣдниковъ лжи.

Теперь Аѳанасія прекрасно зналъ Востокъ и Западъ, какъ непоколебимаго защитника Православія. Но это-то и сдѣлало жизнь его неизобразимо тревожною, не смотря на видимый миръ, наступившій на короткое время. Теперь многіе враги его стали писать ему, что они имѣютъ съ нимъ миръ и общеніе. Императоръ Констанцій увѣрялъ его съ клятвою, что онъ теперь не будетъ внимать никакимъ клеветамъ на него. Онъ писалъ къ епископамъ Египетскимъ и духовенству Александрійскому, что Аѳанасій возвращается по повелѣнію Божію и по опредѣленію верховной власти.

Наконецъ, въ 346-мъ году всѣми ожидаемый архипастырь явился среди своей паствы. Церковь Але-

ксандрійская обновилась духомъ; повсюду проявлялась особенная ревность по вѣрѣ. Явилось множество лицъ, желавшихъ посвятить себя иночеству. Клеветники умолкли. Враги старались казаться друзьями. Глубокое чувство благодарности къ Богу святой Аѳанасій выразилъ въ своемъ Пасхальномъ посланіи на 347 годъ. Къ этому же времени относится замѣчательное посланіе его къ Драконтію, хотѣвшему удалиться отъ посвященія во епископа.

Въ 350-мъ году покровитель Аѳанасія императоръ Констансъ былъ убитъ Магненціемъ. Аріане опять возобновили свои гнусныя клеветы. Святой Аѳанасій издалъ апологію, въ которой словами судей и свидѣтелей защищалъ свою невинность. Констанцій трижды увѣрялъ Аѳанасія въ его неприкосновенности, но самъ внималъ клеветникамъ, говорившимъ, что Аѳанасій былъ въ сношеніяхъ съ убійцею любимаго имъ императора. Для объясненія своего дѣла Аѳанасій отправилъ къ императору 5 епископовъ и 3 пресвитеровъ Александрійскихъ, но Констанцій потребовалъ его самого. Въ Арлѣ составился соборъ для низложенія Аѳанасія. Защищавшіе его ссылались въ заточеніе, какъ на примѣръ Павлинъ, епископъ Трирскій. Папскіе легаты уступили, но папа просилъ о новомъ соборѣ. Назначенъ былъ соборъ въ Миланѣ. Соборомъ овладѣли аріане. Евсевій Верчельскій предложилъ подписать Никейскій Символь вѣры; Діонисій Миланскій взялъ для этого бумагу, но властный аріанинъ Валентъ выхватилъ у него перо. Началось смятеніе,

и соборъ не состоялся. Засѣданія открылись во дворцѣ, гдѣ тайно присутствовалъ самъ императоръ, находясь за занавѣскою. Защитники Аѳанасія безбоязненно говорили за Аѳанасія; тогда Констанцій, не вытерпѣвъ, вышелъ изъ своей засады и сказалъ: «я самъ обвинитель Аѳанасія, для меня повѣрьте имъ». «Противно правиламъ Церкви—осуждать отсутствующаго и входить въ общеніе съ еретиками», возражали твердые защитники невиннаго страдальца. «Моя воля, вотъ для васъ правило», отвѣтилъ Констанцій. И обнаживъ мечъ, сказалъ: «или повинуйтесь моему требованію, или я васъ сошлю въ ссылку». И дѣйствительно многіе епископы были отправлены въ ссылку. Тѣмъ же угрожалъ императоръ и папѣ Ливерію. «Подпиши (осужденіе Аѳанасія) и возвратишься въ Римъ», говорилъ ему Констанцій. Ливерій же отвѣчалъ: «я уже простился съ братьями въ Римѣ. Посылай, куда хочешь». И онъ подвергся общей участи защитниковъ Аѳанасія, хотя и не выдержалъ исповѣдничества до конца. То же было и съ Осіею, столѣтнимъ архіепископомъ Испаніи, который однако на смертномъ одрѣ произнесъ анаѳемѣ на аріанскую ересь. Тогда, можно сказать, Аѳанасій былъ единственно виднымъ представителемъ и защитникомъ Православія. Но онъ не возгордился этимъ своимъ положеніемъ и очень участливо отнесся къ невыдержавшимъ страшнаго искушенія. Онъ писалъ по этому случаю: «преступленіе лежитъ не на томъ, кто устрашенъ, а на тѣхъ, кто медленной мѣрой вынудилъ къ преступному со-

глашенію». Теперь аріане напрягли всѣ свои силы противъ Аѳанасія, какъ единственнаго крѣпкаго защитника Православія. Въ Александрію посланъ былъ для низложенія Аѳанасія одинъ чиновникъ, но онъ не могъ исполнить возложеннаго на него порученія, такъ какъ народъ всецѣло преданъ былъ Аѳанасію. Потомъ начальникъ войска обложилъ храмъ, въ которомъ Аѳанасій служилъ всенощную. Солдаты вломились въ двери, пустили нѣсколько стрѣлъ, обнажили мечи, было нѣсколько человѣкъ убито. Когда вышла большая часть народа, клирики увлекли и Аѳанасія. Потомъ онъ удалился въ пустыню. Среди монаховъ Нитрійскихъ горъ и непроходимой Ѳиваиды у него было безчисленное множество друзей. Тамъ были Макарій Великій, Памвонъ, Піоръ и др. Но и здѣсь, спасаясь отъ сыщиковъ, онъ иногда долженъ былъ жить со звѣрьми. Предложена была большая сумма денегъ за голову Аѳанасія. Но Богъ видимо хранилъ его, какъ вѣрнаго слугу Своего и добраго пастыря, не забывшаго назидать свою паству изъ отдаленныхъ пустынь, горныхъ пещеръ и заброшенныхъ гробницъ. Во время 6-лѣтняго пребыванія своего здѣсь святой Аѳанасій написалъ множество посланій. Здѣсь, на примѣръ, написана была Апологія Констанцію, Апологія бѣгства и многое другое.

Въ Александріи въ это время церкви были переданы аріанамъ, и вѣрное Православію духовенство принуждено было бѣжать. Новый Александрійскій епископъ Георгій преслѣдовалъ православныхъ съ по-

моцію 3-хъ тысячъ воиновъ, которые предавали ихъ кострамъ, сѣкли и всячески истязали. 16 епископовъ были сосланы въ заточеніе, 30 были изгнаны, и имущество ихъ предано грабежу. На мѣсто ихъ поставили аріанъ. Но голосъ истины не умолкалъ. Изгнанники, проходя страны и города, всюду благовѣствовали истину и опровергали ересь аріанскую. Явились глубокомысленнѣйшія опроверженія ереси (напр. Иларія 12 книгъ о Святой Троицѣ). Явилось раздѣленіе среди самихъ аріанъ. Аѳанасій же болѣе, чѣмъ кто-либо, старался пользоваться своимъ уединеніемъ для дѣйствія на пользу Церкви оружіемъ слова. Онъ нашелъ себѣ тихое пристанище среди иноковъ Египетскихъ, откуда и писалъ множество писемъ христіанамъ для ободренія ихъ, а равно и подробно излагалъ истинное ученіе о Богѣ-Словѣ. Заклучая посланіе свое къ Египетскимъ епископамъ, онъ писалъ: «доселѣ они (аріане) не оставляютъ желанія пролить нашу кровь; но это нисколько меня не беспокоитъ, ибо знаю и увѣренъ, что терпящимъ будетъ награда отъ Спасителя». И епископы Египетскіе согласились терпѣть все. Когда Аѳанасій узналъ, что въ Александріи отняты у православныхъ ихъ храмы, то онъ писалъ: «они обладаютъ зданіями... но въ насъ вѣра. Разсудимъ, что болѣе: мѣсто, или вѣра?» Къ императору онъ послалъ апологію, въ которой выяснялъ свои отношенія къ императору Констансу и возмутителю Максенцію. Въ концѣ ея онъ писалъ: «умоляю тебя, государь, пріими сію апологію и возврати

епископовъ и другихъ клириковъ къ ихъ церквамъ, чтобы обнаружилось лукавство клеветниковъ, чтобы и самъ ты, государь, нынѣ и въ день суда, имѣлъ дерзновеніе сказать Господу и Спасителю нашему и Царю царей Іисусу Христу: не погубихъ отъ Твоихъ никогоже». Въ другой апологіи Аѳанасій оправдывалъ свое бѣгство изъ Александріи. «Отъ добрыхъ и кроткихъ людей никто не бѣгаетъ», писалъ онъ здѣсь. Поражая своихъ противниковъ, онъ щадитъ немощь бывшихъ, но оставившихъ его друзей, начиная съ императора, котораго онъ за приверженность къ арианству очень не похваляетъ и называетъ соотвѣтствующими положенію именами.

Сознавая всю величайшую важность колеблемой еретиками истины, Аѳанасій, не довольствуясь своими многочисленными, но краткими изложеніями истиннаго ученія, въ опроверженіе лжеученія составилъ три знаменитыя слова о Богѣ-Словѣ, принятыя Церковію съ торжествомъ, какъ побѣдоносное оружіе противъ еретиковъ арианъ. Черезъ 5—6 лѣтъ выступили на то же поприще: святой Василій Великій, а потомъ Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и др. Старецъ Аѳанасій (60-лѣтн.) былъ предводителемъ этой священной дружины. Такъ какъ ариане неправильно учили и о Святой Троицѣ и Духѣ Святомъ, то Аѳанасій писалъ и о сихъ тайнахъ ученія. Кромѣ того, въ описаніи исторіи современныхъ бѣдствій Церкви, онъ представилъ живое опроверженіе лжеучителей, чрезъ раскрытіе ихъ козней, насилій. Между тѣмъ какъ свя-

тый Аѳанасій проводилъ долгіе дни въ сказанныхъ трудахъ, находясь въ пустынѣ, назначенный вмѣсто него епископъ былъ изгнанъ Александрійскими гражданами, выведенными изъ терпѣнія его корыстолюбіемъ и притѣсненіями. Присланъ былъ императоромъ чиновникъ для наказанія возмущившихся гражданъ. Новый военачальникъ самъ отправился отыскивать въ пустынѣ святаго Аѳанасія, взявъ себѣ на помощь нѣсколько епископовъ. Думали его найти въ одномъ изъ Тавеннскихъ монастырей. Но ошиблись. Военачальникъ попросилъ молитвъ иноковъ о себѣ, но они отказались молиться съ тѣмъ, кто имѣетъ общеніе съ аріанами.

Конецъ гоненію на Аѳанасія положенъ былъ смертію императора Констанція (361 г.).

Послѣдніе дни жизни святаго Аѳанасія.

Послѣдніе дни жизни святаго Аѳанасія прошли большею частію въ Александріи. Императоръ Юліанъ, вступивъ на престолъ, отрекся отъ Христа и хотѣлъ снова возвратить [людей къ язычеству, утонченному чрезъ новоплатоническую философію. Съ удивительнымъ непониманіемъ смысла своего времени и предшествующихъ столѣтій «онъ думалъ, какъ говоритъ Фарраръ, что могъ поворотить назадъ тѣнь на циферблатѣ исторіи». Надѣясь, что находящіеся въ заточеніи христіане, въ случаѣ ихъ освобожденія, не преминутъ вступить въ погибельную борьбу

между собою, онъ повелѣлъ возвратитъ изъ ссылки всѣхъ православныхъ епископовъ. Въ числѣ другихъ возвратился и святой Аѳанасій къ великой радости своей паствы. Вскорѣ, по повелѣнію императора, стали возстановлять языческія жертвоприношенія, но Аѳанасій, будучи убѣжденъ, что возвратитъ міръ къ темнымъ временамъ язычества невозможно, спокойно совершалъ свое дѣло, водворяя всюду миръ. Онъ собиралъ разсѣянныхъ пастырей Церкви, разъяснялъ недоразумѣнія и стремился основать на незыблемомъ соборномъ согласіи ученіе вѣры. Соборъ епископовъ, бывшій въ Александріи, положилъ принимать въ Церковь всѣхъ возвращающихся отъ заблужденія ересей чрезъ принятіе Никейскаго Символа вѣры, и это снисходительное отношеніе къ падшимъ было принято почти всюду. Многіе поспѣшили присоединиться къ Церкви. Вліяніе Аѳанасія на весь христіанскій міръ встревожило Юліана. Онъ безъ разбора вызвалъ всѣхъ заточенныхъ, чтобы поссорить ихъ, но достигъ противнаго и потому повелѣлъ Аѳанасію оставить Александрію. Аѳанасій исполнилъ повелѣніе императора. Утѣшая провожавшихъ его со слезами, онъ говорилъ: «не плачьте, это небольшое облачко, оно скоро пройдетъ». Граждане просили оставить имъ Аѳанасія, но царь приказалъ изгнать его. Аѳанасій немедленно сѣлъ на судно, чтобы отправиться вверхъ по р. Нилу. Вскорѣ отправлена была за нимъ погоня. Воспользовавшись одной извилиной рѣки, Аѳанасій велѣлъ повернуть назадъ. Тутъ онъ встрѣтилъ императорскихъ

гонцовъ, которые закричали: «гдѣ Аѳанасій?» «Не очень далеко», отвѣтилъ Аѳанасій, и затѣмъ оба судна продолжали путь. Выйдя на берегъ, Аѳанасій удалился къ инокамъ Антиноя и Тавенны. Иноки, любя Аѳанасія, считали спасеніе его выше поста и другихъ подвиговъ и охотно спасали его, доставляя его то въ одинъ, то въ другой болѣе безопасный скитъ. Однажды ему сопутствовали авва Паммонъ и Θεодоръ Освященный, и бесѣдуя о только что совершенномъ убіеніи епископовъ Сиріи и Палестины, своими мудрыми рѣчами подкрѣпляли страдальца Аѳанасія. Но онъ, укрѣпившись молитвою, сказалъ имъ: «повѣрьте, мое сердце не бываетъ столько полно упованія во дни мира, сколько во время гоненія. Если я буду убитъ...» При словѣ: «убить», оба старца, улыбнувшись, переглянулись. «Что вы улыбаетесь?» спросилъ Аѳанасій. «Не думаете ли, что я боюсь смерти?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ преподобный Θεодоръ, въ этотъ самый часъ твой врагъ Юліанъ убитъ въ Персіи». Потомъ они посоветовали Аѳанасію возвратиться, чтобы представиться новому императору, и Аѳанасій исполнилъ совѣтъ прозорливцевъ. Юліанъ дѣйствительно погибъ въ Персіи въ указанный преподобнымъ часъ. Императоромъ сдѣлался Іовіанъ, который принялъ отъ Аѳанасія въ Антиохіи Никейскій Символь вѣры и отвергъ всѣ клеветы аріанъ на него. Но только что Аѳанасій успѣлъ возвратиться въ Александрію, какъ Іовіанъ скончался. Новый императоръ Валентіанъ принялъ въ соправители брата своего

Валента, извѣстнаго аріанина, у котораго и жена была аріанка. Опять начались гоненія на православныхъ. Всѣмъ православнымъ епископамъ велѣно было удалиться изъ городовъ. Граждане защищали Аѳанасія. Префектъ хотѣлъ схватить его тайно, но Аѳанасій благовременно удалился изъ города. Убоявшись народа, Валентъ повелѣлъ возвратить Аѳанасія, и онъ былъ возвращенъ, и больше его уже не тревожили. Послѣ этого почти въ продолженіи 6 лѣтъ Аѳанасій пользовался миромъ. Въ это время написано было знаменитое разсужденіе «О воплощеніи», а также праздничное посланіе 367 г., въ которомъ исчисляются книги Священнаго Писанія. Исполнилось 40 лѣтъ истинно святительскаго подвига Аѳанасія. Всѣ православные глубоко чтили его и всемѣрно старались сообразовать свою вѣру съ его ученіемъ. Они повергали на его разсмотрѣніе свои недоумѣнія, и онъ охотно устно и письменно разрѣшалъ ихъ. Онъ обличалъ заблуждающихся, ободрялъ исповѣдниковъ и всячески заботился объ умиротвореніи Церкви. Для сего, напр., писалъ папѣ Римскому Дамасу о низложеніи аріанина Авксентія, епископа Миланскаго, и Авксентій былъ низложенъ. Въ самыя послѣдніе годы свои Аѳанасій боролся съ Аполлинаріемъ, который неправо мыслилъ о чело-вѣчествѣ Іисуса Христа. Аѳанасій написалъ противъ него двѣ книги. Онъ защищалъ святаго Василія Великаго отъ несправедливыхъ нападеній на него за мнимыя неточности выраженій. Діодору же, епископу Тирскому, онъ писалъ: «не усиливайся спорить съ

еретиками, но побѣждай молчаніемъ ихъ многословіе, кротостію—ихъ злобу». Святому Епифанію, по поводу споровъ о празднованіи Пасхи, онъ дружески совѣтовалъ: «перестань гнѣваться, лучше молись, чтобы въ Церкви водворился прочный миръ и прекратились ереси». И самъ усердно о томъ молился. Кромѣ этого онъ заботился о примиреніи церквей Сиріи и Малой Азіи съ церковію Римскою, а также объ умиротвореніи церкви Антіохійской. Среди этихъ несмѣтныхъ, великихъ трудовъ Аѳанасія надвинулась на него и старость. Волосы его, бывшіе прежде каштановаго цвѣта, теперь уже блестѣли чисто снѣговою бѣлизною. Онъ былъ епископомъ 46 лѣтъ. Приближался и конецъ 47 года. Предвидя свою кончину, онъ посвятилъ на свое мѣсто старѣйшаго пресвитера Петра и 2 мая 373 года мирно почилъ о Господѣ. Православные горькими слезами оплакали кончину его и съ честію погребли его въ Александріи. Знаменитѣйшій витія того времени святой Григорій Богословъ почтилъ его извѣстнымъ похвальнымъ словомъ, и всѣ истинные христіане вознесли горячія мольбы о почившемъ великомъ защитникѣ вѣры. Еретики же аріане воспользовались его смертію для изгнанія православныхъ епископовъ и пресвитеровъ, уже немѣвшихъ прежней защиты. Самъ епископъ Петръ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ. Однако аріане вскорѣ потерпѣли на Востокѣ почти полное пораженіе и раздѣлились на мало извѣстныя секты (аномеевъ, оміевъ и оміусіанъ). Потомъ они нашли себѣ пріютъ

у Готовъ (предковъ Нѣмцевъ), которые водворились на развалинахъ Римской имперіи. Послѣ паденія Остготскаго королевства, не менѣе рьяными аріанами были Лонгобарды, но Богъ и здѣсь воздвигъ достойныхъ защитниковъ истинной вѣры. На Востокѣ, послѣ святаго Аѳанасія боролись съ аріанами святой Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, а на Западѣ: Викторинъ, святой Амвросій Медиоланскій, блаженный Августинъ—епископъ Иппонійскій, и другіе.

Значеніе личности святаго Аѳанасія и его дѣятельности.

Значеніе личности святаго Аѳанасія было, можно сказать, безпримѣрное. Характеризуя святаго Аѳанасія Великаго, святой Григорій Богословъ говорилъ, что онъ представлялъ въ себѣ рѣдкое совмѣщеніе добродѣтелей. «Энергичный и въ то же время полный такта и здраваго смысла, строгій и въ то же время полный сочувствія, достойный и въ то же время одаренный геніальностію, привлекательный какъ магнитъ и въ то же время твердый какъ алмазъ, святой Аѳанасій пользовался властію своей высокой должности безъ всякой заносчивости, показывая себя нѣжнымъ для слабыхъ, гостепріимнымъ для странниковъ, добрымъ для просящихъ, доступнымъ для всѣхъ, медленнымъ на гнѣвъ, пріятнымъ въ разговорѣ, еще болѣе пріятнымъ по настроенію, успѣшнымъ какъ въ бесѣдахъ, такъ и въ дѣятельности, ревностнымъ въ дѣлахъ благочестія, готовымъ помогать христіанамъ всякаго класса

и возраста, богословомъ съ людьми умозрительными, утѣшителемъ для огорченныхъ, посохомъ для престарѣлыхъ, руководителемъ для юныхъ, врачомъ для больныхъ»... (См. Похвальное слово). Главнымъ свойствомъ его ума была подвижность, его дѣятельности—умѣренность, его характера—мужество, его религіи—вѣрность. Вѣра вдохновляла и озаряла всю его жизнь. По замѣчанію же нѣкоего писателя, онъ съ самой юности воспламененъ былъ тою страстью, которая дѣлаетъ святыми,—именно любовію къ Іисусу Христу. По слову святаго Григорія Богослова, «онъ былъ разнообразенъ въ своихъ способахъ, единченъ въ своихъ цѣляхъ. Его энергія возбуждала даже безпечныхъ, и его уравновѣшенная мудрость сдерживала склонныхъ къ излишеству. Для заблужденія онъ былъ не только какъ бы мечемъ, но также и какъ бы очищающей вѣялкой, и его вліяніе не только было подобно ударамъ побѣдителя, но также подобно дыханію животворящаго духа». По замѣчанію Фаррара, «святый Аѳанасій Великій представляетъ примѣръ столь чистаго и благороднаго человѣка, какого когда-либо видѣла Церковь съ того времени, какъ Апостоль Павель былъ отведенъ изъ своей Римской тюрьмы на мученическую смерть. Онъ былъ адамантомъ для поражающихъ, магнитомъ для враждующихъ, человѣкомъ, который съ одной стороны былъ не болѣе способенъ уступать, чѣмъ мраморная скала, а съ другой привлекалъ къ себѣ необычайною кротостію и великодушнымъ *терпніемъ*». «Съ силой у него сочеталась кротость, и

насколько царствененъ былъ его темпераментъ, настолько же кротокъ былъ его духъ. Его біографія есть лучшій его панегирикъ».

«Въ теченіи 46 лѣтъ, среди разнообразныхъ испытаній и всевозможныхъ превратностей, Аѳанасій оставался *папой* Александрійскимъ (какъ зовутся его преемники донынѣ), владѣтелемъ кафедры святаго Марка, главой Александрійской церкви, и отсюда, по выраженію Григорія Назіанзена, главою міра. Какъ патріархъ, сильный народною любовію, онъ занималъ (иногда) положеніе почти верховнаго государя». Своею святою личностію, своимъ примѣрнымъ архипастырствованіемъ и особенно мужественною борьбою съ аріанствомъ святой Аѳанасій Великій пріобрѣлъ безусловное благоговѣніе не только отъ всей Церкви своего времени, но и отъ всѣхъ христіанъ всѣхъ временъ. Будучи самъ дѣвственникомъ, строгимъ подвижникомъ и беззавѣтно преданнымъ Господу борцомъ — скитальцемъ, святой Аѳанасій былъ великимъ другомъ и почитателемъ монаховъ подвижниковъ. Видя въ нихъ лучшихъ лицъ своего времени и глубоко цѣня ихъ преданность Церкви, онъ многихъ изъ нихъ поставилъ въ разныя степени священства и многихъ изъ нихъ возвелъ въ епископы, такъ какъ стѣсненные обстоятельства церковныя требовали отъ пастырей полной готовности на всякія лишенія. Вліяніе же сихъ епископовъ и въ особенности твердость вѣры ихъ еще болѣе располагали Аѳанасія избирать на высшія должности преимуще-

ственно иноковъ, такъ что въ послѣднее время изъ числа изгнанныхъ изъ Египта были и епископы изъ иноковъ. Примѣру Аѳанасія въ этомъ отношеніи слѣдовали и другіе представители церквей, ибо монашество всюду обращало на себя вниманіе народа и пастырей своею ревностію о православной вѣрѣ. И потому при избраніи епископа голоса большею частію стали склоняться къ избранію иноковъ. Кромѣ сего святой Аѳанасій, помимо личной своей жизни, представилъ еще живой образъ въ драгоцѣнномъ описаніи основателя монашеской жизни, святаго Антонія Великаго. Это произведеніе святаго Аѳанасія усердно читалось и читается на Востокѣ и Западѣ, вездѣ благотворно вліяя на безконечное множество лицъ. Чтеніе его между прочимъ рѣшило судьбу блаженнаго Августина, предавшагося потомъ всецѣло Господу Іисусу.

Богословы должны быть благодарны святому Аѳанасію потому, что они въ его твореніяхъ имѣютъ свидѣтельство о церковномъ истинномъ ученіи почти за 1600 лѣтъ, такъ какъ святой Аѳанасій училъ тому, что онъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ преемниковъ мужей апостольскихъ и самъ былъ такимъ свидѣтелемъ истины, который многократно страдалъ за истину. Наконецъ, и для всѣхъ христіанъ святой Аѳанасій служитъ образцомъ мужественнаго исповѣданія вѣры и неусыпнаго попеченія о чистотѣ ея, чѣмъ такъ неотложно необходимо заpastись многимъ, особенно въ виду того, что нынѣ многими вѣра истинная ниспровергается, и проповѣдуются ученія, которыя ме-

жду тѣмъ ясно опровергаются твореніями святаго Аѳанасія.

По замѣчанію одного нашего писателя, «значеніє святаго Аѳанасія для своего времени и послѣдующихъ временъ ничѣмъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ значеніє современнаго ему Константина Великаго. Оба они представляютъ собою средоточные пункты, около которыхъ въ двухъ различныхъ, но близко между собою соединенныхъ сферахъ совершаются всѣ знаменательныя событія IV вѣка. Оба они достойно почтены именемъ великихъ; но величію Константина, вмѣстѣ съ его высокими духовными дарованіями и оказанною ему Божією помощію, содѣйствовала, между прочимъ, и находившаяся въ его распоряженіи мірская власть; величіє же Аѳанасія—по преимуществу нравственное; проявлялось оно, главнымъ образомъ, въ страданіяхъ за Православіє и многотрудной борьбѣ съ хитросплетенными заблужденіями еретиковъ, нашедшими себѣ покровительство у сильныхъ міра и даже при императорскомъ дворѣ»¹⁾. Это былъ характеръ, какъ немногіе, характеръ сильный, въ величайшемъ древнемъ стилѣ. «Это мужъ, что называется, сложенный изъ одного цѣльнаго слитка, человекъ одной идеи». Но что руководило такимъ твердымъ характеромъ, на что направлена была его дѣятельность? Задачей цѣлой жизни Аѳанасія была защита догмата вѣчнаго Божества Іисуса Христа и единосущ-

¹⁾ См. Прибавл. къ Церковн. Вѣдом. 1890 года, № 4: Св. Аѳанасій Великій, архіеп. Александрійскій.

ности Его съ Богомъ Отцемъ... Источникомъ святаго одушевленія Аѳанасія была единственно ревность о славѣ Божіей... Но Аѳанасій обнаруживалъ неумолимую ревность только тамъ, гдѣ того требовало самое дѣло. Въ отношеніи къ маловажнымъ обстоятельствамъ онъ оказывалъ снисхожденіе. Напр. объ Оригенѣ онъ говорилъ съ уваженіемъ и благодарностію за его услуги. Уважая добродѣтели Аполлинарія, онъ, говоря противъ его заблужденій, не называлъ его имени. Но съ аріанами онъ не дозволялъ никакихъ сдѣлокъ. Онъ писалъ къ пустынникамъ Египетскимъ: «хотя бы братья насъ оставили, хотя бы друзья и знакомые измѣнили намъ, хотя бы никто не остался сострадать намъ и утѣшить насъ, и тогда у насъ надежда Господь. Истина хотя и можетъ быть помрачена на нѣскольکو времени, но сами гонители, наконецъ, должны будутъ узнать ее». Вмѣстѣ съ неуклонною твердостію онъ обладалъ даромъ проницательности. Вотъ почему онъ не только разоблачалъ всѣ заблужденія, но даже напередъ предсказывалъ тѣ уклоненія, которымъ подвергались враги его. Для защиты церковныхъ интересовъ онъ не призывалъ свѣтскую власть. Въ посланіи къ монахамъ онъ писалъ: «не мечемъ и стрѣлами, не съ помощію воиновъ возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и совѣтомъ». Приобрѣтши рѣдкое знаніе людей, онъ имѣлъ замѣчательный тактъ въ обращеніи съ ними. Употребляя строгія мѣры противъ еретиковъ и церковныхъ мятежниковъ, онъ среди преданной ему паствы умѣлъ поддержи-

вать кроткій и снисходительный характеръ мудраго управителя. Мудрость его въ управленіи церковію проявлялась между прочимъ и въ томъ, что онъ всецѣло владѣлъ даромъ избирать достойныхъ людей на церковныя должности, особенно высшія, при чемъ онъ обыкновенно давалъ предпочтеніе инокамъ, въ которыхъ умѣлъ препобѣждать сопротивленіе возлюбившихъ тишину и безмолвіе иноковъ предъ принятіемъ на себя многотруднаго и многоотвѣтственнаго епископскаго служенія и удалявшихся отъ него возвращать ¹⁾).

¹⁾ Желаящимъ имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности св. Аѳанасія можно рекомендовать статьи прот. А. В. Горскаго въ Прибавл. къ твор. Св. Отецъ, издав. при Моск. дух. академіи 1851 г., а также соч. Фаррара «Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей Церкви», пер. Лопухина, С.-Петербург. 1891 года, и капитальное сочиненіе професс. Ловягина «О заслугахъ св. Аѳанасія Великаго для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ», Спб. 1850 года.

О твореніяхъ святаго Аѳанасія Великаго.

Когда ты встрѣтиши книгу Аѳанасія, то если у тебя нѣтъ бумаги, запиши ее хотя на твоей одеждѣ (Козма, Pr. spir. XL).

Обстоятельства происхожденія твореній святаго Аѳанасія и величіе ихъ.

Почти всѣ творенія святаго Аѳанасія Великаго писались по поводу живыхъ обстоятельствъ церковно-религіозной жизни его времени. Великій переворотъ, совершавшійся во всѣхъ сферахъ міровой жизни его времени чрезъ смѣну язычества христіанствомъ, особенно сильно проявлялся въ центрѣ умственной жизни древняго міра—въ Александріи. Всѣ люди мысли и слова спѣшили такъ или иначе высказаться во время этого движенія. Не могъ отказаться отъ своего горячаго стремленія высказать святую истину, долженствовавшую смѣнить языческую ложь, и юный Аѳанасій. И вотъ первымъ плодомъ его богословскаго ума и христіанскаго одушевленія было его сочиненіе подъ названіемъ «Слово на язычниковъ».

Вставъ потомъ лицомъ къ лицу съ Аріемъ и аріанами, святой Аѳанасій всю мощь своихъ силъ употребилъ на ниспроверженіе страшной ереси этой, а вмѣстѣ и на упроченіе исконнаго истиннаго ученія о Божествѣ Іисуса Христа. Чаще онъ дѣйствовалъ въ

этомъ направленіи дѣломъ и словомъ. но нерѣдко прибѣгалъ и къ письменному выраженію и изложенію своего ученія о Богѣ вообще, о всѣхъ Лицахъ Святой Троицы въ частности, и о Сынѣ Божіемъ въ особен-ности. И отъ многихъ его писаній уцѣлѣли драго-цѣннѣйшіе письменные памятники вѣры Александрійскаго архидіакона, а потомъ и святителя Аѳанасія, а вмѣстѣ и многочисленной, вѣрной Православію, его паствы, находившей въ твореніяхъ святаго Аѳанасія выраженіе своей вѣры, раскрытіе ея и обоснованіе ея на разныхъ незыблемыхъ основахъ христіанскаго ученія, преимущественно же на Словѣ Божіемъ. Таковы были творенія святаго Аѳанасія: «Слово о воплощеніи Бога Слова», «Изложеніе вѣры», четыре слова противъ аріанъ, два слова противъ Аполлинарія, «Посланіе о вѣрѣ къ императору Іовіану». Все это были сочиненія по преимуществу вѣроучительныя (догматическія). Въ тѣхъ же цѣляхъ раскрытія истиннаго ученія и ниспроверженія заблужденій святой Аѳанасій нерѣдко весьма подробно, а иногда и кратко, объяснялъ многія мѣста Священнаго Писанія. Таковы, напр., его бесѣды на текстъ: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ*, посланіе къ Маркеллину объ истолкованіи псалмовъ и самое толкованіе на псалмы, бесѣды на Евангелія отъ Матѳея и Луки.

И какъ архипастырь, Аѳанасій нерѣдко долженъ былъ выступать съ письменнымъ словомъ назиданія и увѣщанія, тѣмъ болѣе, что въ то время предста-вители важнѣйшихъ Церквей вообще имѣли обыкно-

веніе писать окружныя посланія не только по поводу разныхъ выдающихся обстоятельствъ, но даже почти во всѣ праздники Пасхи. Изъ этого рода твореній св. Аѳанасія должно назвать: Жизнь св. Антонія. Сказаніе объ аввахъ Θεодорѣ и Паммонѣ. А сколько въ своей многотрудной и разнообразной событіями жизни писалъ онъ посланій и писемъ къ разнымъ лицамъ, начиная съ императоровъ и оканчивая простыми иноками? Многія изъ сихъ посланій сохранились доселѣ и служатъ драгоцѣннѣйшими источниками нравоученія и основами правой вѣры. Таковы, напр., посланіе объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора, Апологія къ императору Констанцію, Апологія о своемъ бѣгствѣ, 4 посланія къ Серапіону, посланія къ Аммуну, Руфиму, Драконтію и многія другія.

Изложеніе твореній св. Аѳанасія, ихъ внутренній характеръ, направленіе и главный предметъ.

Св. Аѳанасій, какъ уроженецъ Египта и житель Александріи, преимущественно говорилъ на господствующемъ языкѣ страны, т. е. Коптскомъ. Но какъ человекъ высокообразованный и архіепископъ одного изъ восточныхъ патріархатовъ, онъ весьма часто говорилъ и на общемъ языкѣ образованныхъ людей того времени, т. е. Греческомъ. Къ этому побуждало его и то, что онъ часто и подолгу живалъ въ разныхъ концахъ Имперіи: въ Палестинѣ, Константинополѣ, въ Римѣ и Миланѣ, гдѣ языкъ Греческій былъ

господствующимъ, особенно въ кругу духовенства и въ высшихъ сословіяхъ. Съ раннихъ лѣтъ, владѣя Греческимъ языкомъ, какъ роднымъ, св. Аѳанасій на немъ писалъ и свои творенія. Писалъ онъ большею частію по требованію неотложныхъ обстоятельствъ и не для того, чтобы плѣнять силою краснорѣчія своего, но чтобы засвидѣтельствовать древлепреданную истину и обличить лжеученіе. А потому изложеніе его твореній вообще отличается простотою и безъискусственностію рѣчи. Не всегда въ его твореніяхъ замѣтна систематичность, но за то онъ всегда строго логиченъ, внутренно-последователенъ, и рѣчь его вообще отличается необыкновенною точностію. вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на высоту и непостижимость излагаемыхъ имъ предметовъ вѣры, онъ во всемъ ясенъ и силенъ, такъ что его слова нельзя ни извращать, ни перетолковывать¹⁾. Выразивши ту или другую истину положительно, онъ весьма часто показываетъ ея вѣрность чрезъ ниспроверженіе тѣхъ ложныхъ мыслей, которыми лжеучители старались замѣнить или извратить ее. Отъ этого приема почти всѣ важнѣйшія произведенія св. Аѳанасія носятъ характеръ *догматико-полемическій*, т. е. тотъ характеръ, которымъ отличалась и вся жизнь его, исполненная непрерывной

¹⁾ Изъ сего очевидно, что св. Аѳанасій или твердо воспринялъ то, о чемъ училъ, или онъ столь часто училъ тому, о чемъ писалъ, что у него, не смотря на неудобство мѣста составленія многихъ твореній, нѣтъ ни въ чемъ противорѣчія или несогласія съ собою и напротивъ вездѣ неподражаемая сила слова и увлекательность.

борьбы съ врагами истины и стремленія утвердить православныхъ въ непоколебимыхъ правилахъ истинной вѣры и чистой жизни. Тотъ же и существенный предметъ всѣхъ главнѣйшихъ твореній св. Аѳанасія, а именно Божественное достоинство Лица Іисуса Христа, Единосушнаго Отцу Сына Божія. Этимъ главнымъ предметомъ вѣры и упованія жизни св. Аѳанасія въ разной мѣрѣ одушевлены всѣ главные письменные труды его, и такимъ образомъ всѣ они направлены къ ниспроверженію аріанъ и созиданію истинной вѣры въ Сына Божія, Господа Спасителя нашего, и Его Святой Церкви. Посему вѣрно сказалъ блаженный патріархъ Фотій о твореніяхъ св. Аѳанасія, что они представляютъ полный трофей побѣды надъ ересью аріанскою (Bibl. cod. CXXI).

Значеніе твореній святаго Аѳанасія Великаго.

Труды святаго Аѳанасія Великаго имѣли наибольшее значеніе въ свое время. Тогда, по словамъ святаго Кирилла Александрійскаго, они были «какъ-бы цѣлительный бальзамъ, оживлявшій вселенную», страдавшую многими недугами лжеученій.

Но сущность многихъ лжеученій того времени нерѣдко возвѣщается и нынѣ, а потому многія мысли и доводы св. Аѳанасія Великаго, особенно о Божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа, и нынѣ имѣютъ весь свой глубочайшій смыслъ и полное значеніе. И нынѣ, какъ и прежде, въ твореніяхъ св. Аѳа-

насія Великаго, какъ свѣтлаго вселенскаго учителя, могутъ находить образцы глубокомысленнаго толкованія—всѣ изъяснители Св. Писанія, богопросвѣщеннаго тайнозрителя—богословы, опытнаго пастырскаго собесѣдованія — пастыри, назидательнаго руководителя—учители, и вѣрнаго хранителя вселенскаго церковнаго единомыслія—всѣ христіане. На твореніяхъ св. Аѳанасія Великаго воспитались всѣ послѣдующіе вселенскіе великіе учителя. Имѣтъ съ ними знакомство, хотя бы ради историческихъ познаній, обязаны и всѣ просвѣщенные христіане. Главнѣйшее значеніе твореній св. Аѳанасія конечно обусловливается тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ христіанскихъ писателей, и потому въ писаніяхъ его можно находить отраженіе христіанской вѣры не только IV вѣка, но и первыхъ трехъ вѣковъ, многоразлично просвѣчивающихъ во множествѣ фактовъ и явленій, записанныхъ здѣсь. И помимо сего, творенія св. Аѳанасія, какъ произведенія одного изъ первыхъ богослововъ, стяжавшаго за свою многоцѣнную вѣроучительную жизнь и дѣятельность названіе Великаго, сами по себѣ имѣютъ всестороннее историческое значеніе. Какъ богомудрый мужъ, св. Аѳанасій часто и по долгу углублялся въ тайны Божественнаго ученія. И по мѣрѣ требованія обстоятельствъ, онъ выразилъ свои чувствованія и мысли въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ. Въ посланіи къ монахамъ онъ писалъ съ свойственною ему скромностію: «заклѣчить въ письменна все, что повидимому постигалъ я, невозможно;

и написанное мною есть только слабая тѣнь того, что скрывалось въ душѣ моей». Но такъ какъ онъ многократно вседушевно писалъ многимъ, то изъ общаго представленія мыслей, чувствъ и всѣхъ духовныхъ стремленій св. Аѳанасія получается величественный памятникъ христіанской вѣры, упованій и любви, достойныхъ общаго вниманія.

Изданія твореній святаго Аѳанасія.

Лучшими сборниками твореній святаго Аѳанасія Великаго считаются Монфуко 1698 года и аббата Минье 1857 года, изданные въ Парижѣ, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, а также каноника Брайта, изданный въ Оксфордѣ 1881 года съ введеніемъ.

Русскій переводъ всѣхъ сочиненій святаго Аѳанасія сдѣланъ Московскою духовною академіею; изданъ въ Москвѣ въ 1851—4 годахъ, въ 4-хъ томахъ (по 400—500 стр.).

Содержаніе твореній святаго Аѳанасія довольно подробно сообщается въ сочиненіи профессора Е. Ловягина: «О заслугахъ святаго Аѳанасія для Церкви», въ сочиненіи Филарета архіепископа Черниговскаго: «Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви», а также въ свято-отеческой христоматіи, составленной протоіереемъ Н. Благоразумовымъ, 1883 г. Немногія мѣста изъ твореній св. Аѳанасія приводятся въ свято-отеческой христоматіи М. Поторжинскаго 1877 г., а именно:

отрывокъ изъ бесѣды на слова: *вся Мнѣ предана суть...*, изъ бесѣды о слѣпорожденномъ, равно какъ въ книгѣ Барсукова «Образцы святоотеческой и Русской проповѣди», издан. 1887 г., а именно: на арианъ слово третье (48 страницъ), слово на текстъ: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (5 страницъ) и изъ слова о воплощеніи Бога-Слова (2½ страницы). Кромѣ этихъ, собственно проповѣдническихъ отрывковъ, мы въ своемъ Изборникѣ по возможности помѣщаемъ замѣчательныя творенія святаго Аѳанасія изъ всѣхъ родовъ ихъ, чтобы такимъ образомъ дать возможность имѣть всестороннее знакомство со всѣми выдающимися твореніями святаго Аѳанасія Великаго. Изъ сихъ твореній самое обширнѣйшее и самое замѣчательное «на арианъ слово третье», которое приводится вполнѣ, какъ имѣющее догматико-полемическое значеніе и нынѣ. Житіе преподобнаго Антонія сокращено нѣсколько, по преимуществу въ тѣхъ частяхъ, гдѣ излагается таинственное ученіе святаго Антонія о дѣйствіяхъ злыхъ духовъ, какъ не всѣмъ вполнѣ доступное. Слово на язычниковъ тоже нѣсколько сокращено, по неудобству частностей о языческихъ мифологіяхъ и тому подобнымъ. Изъ 1-го слова о воплощеніи Бога-Слова, по обширности его, взята только нѣкоторая часть, ибо подробное ученіе о Словѣ излагается въ 3-мъ словѣ, которое приводится почти все.

Можно думать, что въ указанномъ составѣ твореній святаго Аѳанасія всякій найдетъ достаточно матеріала, полнаго самаго насущнаго духовнаго интереса, а вмѣстѣ и достаточное количество особенностей, коими отличаются произведенія великаго церковнаго учителя, какъ со стороны ихъ внѣшней формы и внутренняго содержанія, такъ и метода ихъ, которымъ особенно достославенъ геній святаго Аѳанасія. Твореніями святаго Аѳанасія, можно сказать, положено было прочное начало тому подлинно научно-богословскому раскрытію христіанскихъ истинъ, которое по справедливости стяжало названіе золотого вѣка христіанской письменности.

Святой Аѳанасій первый ясно созналъ невыгодныя стороны прежней по преимуществу філософской постановки христіанскихъ произведеній. Онъ первый вполнѣ настойчиво обратился къ наиболее подходящимъ способамъ христіанскаго изслѣдованія, а именно къ раскрытію и объясненію истинъ вѣры изъ положительныхъ источниковъ ея—Священнаго Писанія и Священнаго Преданія, и тѣмъ поставилъ христіанскую науку на ту родную почву, на которой она послѣдовательно процвѣтаетъ до-нынѣ. Такимъ образомъ, святой Аѳанасій былъ не только первымъ славнымъ представителемъ золотого (IV) вѣка, но и основоположителемъ новой эры богословствованія.

Онъ говорилъ: *«ученіе о Божествѣ преподается не въ умственныхъ доводахъ; но при посредствѣ вѣры и благоговѣнно-благочестиваго помысла»*. И въ его изслѣдо-

ваніяхъ вѣра всегда была руководительнымъ началомъ, а разсудочные доводы имѣли значеніе только второстепенное. Онъ подчинялъ разумъ вѣрѣ и чрезъ это явился великимъ учителемъ не своего только времени, но и вѣковѣчнымъ образцомъ, достойнымъ всеобщаго подражанія.

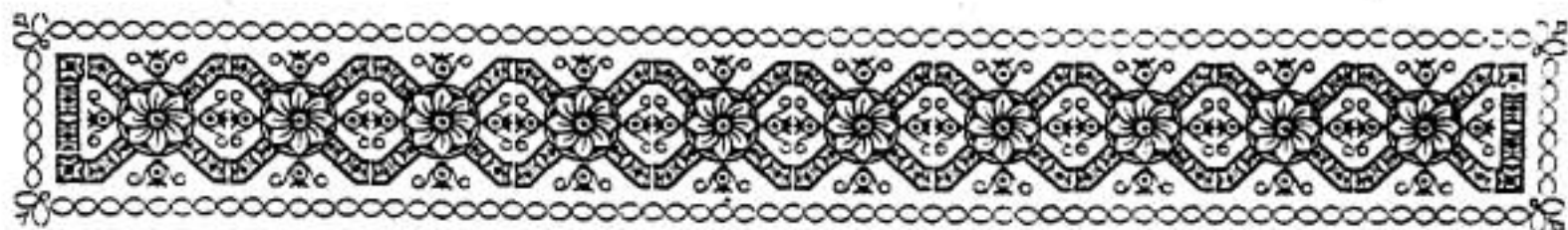
Истинно-богословскій методъ раскрытія истинъ христіанскаго ученія, выработанный святымъ Аѳанасіемъ, вызывался потребностями времени, т. е. еретическими извращеніями смысла Священнаго Писанія, но это-то и составляетъ особенную цѣнность твореній святаго Аѳанасія, не теряющихъ посему значенія своего и нынѣ, такъ какъ и нынѣ многія лжеученія держатся на извращенномъ пониманіи разныхъ изреченій Священнаго Писанія, всячески распатываемого современными раціоналистами, совершенно отвергшими другой таковой же источникъ вѣроученія, т. е. Священное Преданіе. Но пока не упразднится способъ раскрытія христіанскаго ученія, на вѣки запечатлѣнный въ твореніяхъ святаго Аѳанасія, пока вѣра не потеряетъ значенія первоосновы въ богословскомъ ученіи, будутъ тщетны всѣ подкопы подъ незыблемую твердость основныхъ христіанскихъ истинъ, каковы ученіе о Святой Троицѣ вообще и Сынѣ Божіемъ въ частности. Трудami святаго Аѳанасія Православіе восторжествовало побѣду надъ аріанствомъ. И въ будущемъ православные восторжествуютъ надъ разными проповѣдниками раціонализма, если они будутъ усердно читать безсмертныя творенія

мужественнаго и побѣдоноснаго поборника православнаго ученія, будутъ поучаться отъ святаго Аѳанасія какъ вѣроученію, вполне истинному и древнѣйшему, такъ и выраженію его, самому естественному и общедоступному.

Никаноръ .

Епископъ Архангельскій и Холмогорскій.

2 мая 1893 года.

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ СВ. АѦНАСІЯ ВЕЛИКАГО.

Слово на язычниковъ ¹⁾.

Вѣдѣніе благочестія и вселенской истины не столько имѣеть нужду въ человѣческомъ наставленіи, сколько познается само собою, потому что едва не вопіеть о себѣ ежедневно въ дѣлахъ, а свѣтлѣе солнца открываетъ себя въ Христовомъ ученіи. О вѣрѣ во Христа Спасителя—необходимо изложить и сообщить сіе тебѣ письменно, чтобы ученія, заключающагося въ словѣ нашемъ, не почелъ кто маловажнымъ, и не сталъ предполагать, будтобы вѣра во Христа неразумна.

¹⁾ Это одно изъ самыхъ раннихъ произведеній святаго АѦанасія Великаго и однако оно въ высшей степени глубокомысленно и весьма содержательно.

Послѣ краткаго предисловія, онъ входитъ въ довольно подробное разсмотрѣніе язычества и показываетъ его лживость и душепагубность, какъ въ источномъ зломъ его началѣ (подчиненіи злымъ чувственнымъ стремленіямъ къ удовольствію), такъ и въ нравственно-пагубныхъ послѣдствіяхъ. Существенное содержаніе языческихъ вѣрованій и нелѣпость идолопоклонства изобличаются съ многоразличныхъ сторонъ, при чемъ обращено особенное вниманіе на разные доводы, которые приводились въ пользу языческихъ вѣрованій въ то время, изъ коихъ впрочемъ нѣкоторые не лишены интереса и теперь, какъ напримѣръ происхожденіе всего изъ матеріальныхъ частей.

Далѣе сообщается положительное ученіе о Творцѣ, Промыслителѣ міра и Спасителѣ, чему предшествуютъ довольно подробныя замѣчанія о

Такія же клеветы въ укоризну нашу слагають язычники. Они громко смѣются надъ нами, указывая не на иное что, а только на крестъ Христовъ. Но тѣмъ паче можно пожалѣть о безчувствіи ихъ. Клевета на крестъ, не видятъ они силы креста, наполнившей цѣлую вселенную, не видятъ, что крестомъ стали явны для всѣхъ дѣла боговѣдѣнія.

Итакъ, сперва обличу, сколько могу, невѣжество невѣрующихъ, чтобы, по обличеніи лжи, сама собою возсіяла, наконецъ, истина.

Въ началѣ не было зла, потомучто и теперь нѣтъ его во святыхъ, и для нихъ вовсе не существуетъ оно. Но люди, въ послѣдствіи, сами противъ себя начали примышлять и воображать злое. Отсюда же, конечно, образовали себѣ и первую мысль объ идолахъ, не сущее представляя какъ сущее.

Создатель міра и Царь царей Богъ, превысшій всякой сущности и человѣческаго примышленія, какъ благій и все превосходящій добротою, сотворилъ родъ человѣческой по образу Своему, собственнымъ Словомъ Своимъ, Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и чрезъ уподобленіе Себѣ содѣлалъ его созер-

душѣ, какъ первоисточникъ богопознанія и безсмертной жизни въ Богѣ. При семъ достойно вниманія то, что ученіемъ о благоустроенности вселенной святой Аѳанасій пользуется для опроверженія многобожія, а при изложеніи ученія о твореніи онъ весьма обстоятельно излагаетъ участіе въ твореніи Сына Божія и опредѣляетъ Его вѣчное отношеніе къ Отцу.

Такимъ образомъ, первое произведеніе святаго Аѳанасія было какъ бы введеніемъ въ то специальное его ученіе о Словѣ, которому онъ потомъ посвятилъ нѣсколько своихъ дальнѣйшихъ сочиненій, направленныхъ противъ аріанъ.

пателемъ и знателемъ сущаго, давъ ему мысль и вѣдѣніе о собственной Своей вѣчности, чтобы человекъ, сохраняя сіе сходство, никогда не удалялъ отъ себя представленія о Богѣ и не отступалъ отъ сожитія со святыми, но, имѣя въ себѣ благодать Подателя, имѣя и собственную свою силу отъ Отчаго Слова, былъ счастливъ и собесѣдовалъ съ Богомъ, живя невинною, подлинно блаженною и бессмертною жизнію. Такъ и Священныя Писанія о первомъ сотворенномъ человекѣ, который на Еврейскомъ языкѣ названъ Адамомъ, говорятъ, что въ началѣ съ непостыднымъ дерзновеніемъ устремленъ былъ онъ умомъ къ Богу и сожительствовалъ со святыми въ созерцаніи мысленнаго, какое имѣлъ въ ономъ мѣстѣ, которое святой Моисей, въ переносномъ смыслѣ, наименовалъ *раемъ* (Быт. II, 8).

Такимъ, по сказанному, Создатель содѣлалъ родъ человѣческой, и желалъ, чтобы такимъ же и пребылъ онъ. Но люди, вознерадѣвъ о совершеннѣйшемъ и полѣнившись постигнуть оное, охотнѣе взыскали того, что ближе къ нимъ; ближе же къ нимъ было тѣло и тѣлесныя чувства.

Уклонившись отъ созерцанія мысленнаго, употребляя во зло частныя тѣлесныя силы, услаждаясь разсматриваніемъ тѣла, замѣчая, что удовольствіе для нея есть нѣчто доброе, душа въ обольщеніи своемъ злоупотребила наименованіемъ: *доброе*, и подумала, что удовольствіе есть самое существенное добро. Полюбивъ же удовольствіе, душа начала различными спо-

собами воспроизводить оное; потомучто, по природѣ будучи дѣятельною, хотя отвращается отъ добраго, однакоже не прекращаетъ своей дѣятельности, и потому обращаетъ свою дѣятельность уже не на добродѣтель, и не на то, чтобы созерцать Бога, но, остановясь мыслию на не сущемъ, употребляетъ способности свои превратно, пользуясь ими для измышленныхъ ею вожделѣній; ибо сотворена свободно, можетъ какъ преклоняться на доброе, такъ и отвращаться отъ добраго; отвращаясь же отъ добраго, непременно останавливается мыслию на противномъ тому. Потомъ, усматривая свои способности и злоупотребляя ими, воображаетъ, что можетъ обратить и тѣлесные члены на противоположное. Потому и руки подвигнувъ на противное, стала ими убивать, и слухъ употребила на преслушаніе, и иные члены, вмѣсто законнаго чадородія, — на прелюбодѣянія, и языкъ, вмѣсто благохваленія, — на хулы, злословіе и ложныя клятвы, опять и руки — на татьбу и на то, чтобы бить подобныхъ намъ челоуѣковъ, и обоняніе — на разнообразіе благовоній, возбуждающихъ къ похотливости, и ноги — на скоростъ *изліати кровь* (Притч. I, 16), и чрево — на пїянство и на пресыщеніе безъ мѣры.

Все же это — порокъ и душевный грѣхъ, и не иное что сему причиною, какъ отвращеніе отъ совершеннѣйшаго.

Нѣкоторые изъ Еллиновъ, уклонясь съ пути и не познавъ Христа, утверждали, что зло существуетъ самостоятельно и само по себѣ: и въ этомъ погрѣ-

шаютъ они по двумъ отношеніямъ. Или Создателя лишаютъ достоянія быть творцемъ сущаго, ибо не будетъ Онъ Господомъ сущаго, если зло, какъ они говорятъ, само по себѣ имѣетъ самостоятельность и сущность. Или опять, желая, чтобы Онъ былъ творцемъ всяческихъ, по необходимости дѣлаютъ Его и творцемъ зла, потомучто, по словамъ ихъ, и зло—въ числѣ существъ. А сіе окажется нелѣпымъ и невозможнымъ, потомучто зло не отъ добра, не въ немъ и не чрезъ него. Ибо не будетъ уже то и добромъ, что имѣетъ смѣшанную природу, или стало причиною зла.

И нѣкоторые еретики, отпавъ отъ церковнаго ученія и потерпѣвъ крушеніе въ вѣрѣ, въ безуміи своемъ приписываютъ также злу самостоятельность. Кромѣ же истиннаго Отца Христова, воображаютъ себѣ иного бога, и сего нерожденнаго творца зла и виновника злобы признаютъ и создателемъ твари. Но не трудно опровергнуть ихъ Божественнымъ Писаніемъ и тѣмъ же самымъ человѣческимъ разумомъ, которымъ, измысливъ сіе, приводятся они въ бѣснованіе. Такъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, подтверждая слова Моисеевы, что *Господь Богъ единъ есть* (Второзак. VI, 5), говоритъ въ Евангеліи Своемъ: *исповѣдаю Ти ся, Отче, Господи небесе и земли* (Матѣ. XI, 25). Если же единъ Богъ, и Онъ—Господь неба и земли, то какъ быть иному богу, кромѣ Его? Гдѣ будетъ признаваемый ими богъ, когда въ цѣломъ объемѣ неба и земли все наполняется единымъ истин-

нымъ Богомъ? И какъ иному быть творцемъ того, надъ чѣмъ Господь есть Самъ Богъ и Отецъ Христовъ, по Спасителеву слову? Но если станутъ утверждать сіе существованіе двухъ равныхъ боговъ, то смотри, въ какое впадутъ нечестіе. Между равномошными невозможно будетъ найтись превосходнѣйшему и совершеннѣйшему. Ибо если безъ воли одного существуетъ другое, то въ обоихъ—равная сила, и въ обоихъ—немошь; въ обоихъ—равная сила, потомучто бытіемъ своимъ превозмогаютъ изволеніе другъ друга; и въ обоихъ—немошь, потомучто, когда не хотятъ они, противъ воли выходитъ дѣло; и благій существуетъ противъ воли злаго, и злый—противъ воли благаго. Да и вообще, какъ будутъ два существа противоположныя другъ другу? Или что будетъ раздѣлять ихъ, чтобы существовали они одно внѣ другаго? Вмѣстѣ имъ быть невозможно, потомучто разрушительны одно для другаго; не могутъ же существовать и одно въ другомъ, потомучто несоединимо и неподобно естество ихъ. Слѣдовательно, раздѣляющимъ ихъ окажется нѣчто третіе; и оно будетъ также богъ.

Итакъ, поелику такая мысль ихъ оказывается нетвердою,—необходимо просіять истинѣ церковнаго вѣдѣнія, а именно, что зло не отъ Бога и не въ Богѣ, что его не было въ началѣ, и нѣтъ у него какой-либо сущности; но люди, съ утратою представленія о добрѣ, сами себѣ, по своему произволу, стали измышлять и воображать не сущее.

Такъ произошло и образовалось въ началѣ изобрѣтеніе и примышленіе зла людьми. Но нужно сказать уже и о томъ, какъ люди дошли до идолослуженія. Изъ сего узнаешь, что изображеніе идоловъ было вовсе не отъ благаго, но отъ злобы. А что имѣетъ худое начало, то, будучи всецѣло худо, никогда ни въ чемъ не можетъ быть признано добрымъ.

Душа человѣческая, не удовольствовавшись измышленіемъ зла, постепенно начала вдаваться еще въ худшее. Познавъ различія удовольствій, утвердившись въ забвеніи божественнаго, услаждаясь же тѣлесными страстями, и имѣя въ виду одно настоящее и уваженіе къ нему, душа помыслила, что нѣтъ уже ничего, кромѣ видимаго, но одно преходящее и тѣлесное—для нея добро. Отсего, исполнившись всякихъ плотскихъ вожделѣній, и смущаемая уваженіемъ къ чувственному, наконецъ, Того Бога, Котораго предала забвенію въ умѣ, воображаетъ въ тѣлесномъ и чувственномъ, имя Божіе присвоивъ видимому, и то одно прославляя, что ей кажется угоднымъ, и на что взираетъ она съ пріятностію. Итакъ, идолослуженію предшествуетъ зло какъ причина. Люди, научившись примышлять себѣ не сущее зло, вообразили себѣ также и не сущихъ боговъ. Обезумѣвшіе люди, погружившись въ плотскія пожеланія и мечтанія, предавъ забвенію и понятіе и мысль о Богѣ, при слабомъ своемъ разсудкѣ, лучше же сказать, при отсутствіи разума, видимыя вещи вообразили себѣ богами, прославляя

тварь паче Творца, и обожая скорѣе произведенія, нежели ихъ виновника и создателя—Владыку Бога.

Какъ скоро умъ человѣческій отступилъ отъ Бога, люди, ниспадая въ понятіяхъ и помыслахъ, прежде всего создали божескую честь небу, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, подумавъ, что они—не только боги, но и виновники всего прочаго. Потомъ, еще ниже нисходя омраченными помыслами, наименовали богами эѳиръ, воздухъ и что въ воздухѣ. Поступивъ же далѣе во злѣ, возвеличили уже богами стихіи и начала тѣлеснаго состава: теплоту, холодъ, сухость и влажность. И какъ совершенно упавшіе влачатся по землѣ, подобно землянымъ улиткамъ, такъ злочестивѣйшіе изъ людей, павъ и унизившись въ представленіи о Богѣ, въ число боговъ включили, наконецъ, людей и изображенія людей, какъ еще живыхъ, такъ уже и умершихъ. А возжелавъ еще худшаго и остановившись на томъ мыслию, божественное и премірное Божіе имя перенесли уже на камни, на дерева, на пресмыкающихся въ водѣ и на сушѣ, и изъ безсловесныхъ—на животныхъ свирѣпыхъ; имъ стали воздавать всякую божескую честь, отвратились же отъ истиннаго, дѣйствительно сущаго, Бога Отца Христова. И, о если бы хотя на этомъ остановилась дерзость неразумныхъ, и не сквернили они себя большимъ злостіемъ, простираясь еще далѣе! Ибо нѣкоторые до того унизились мыслию и омрачились умомъ, что измыслили себѣ, и вмѣстѣ обоготворили, даже то, что вовсе никогда не существовало, и чего не видно между

сотворенными вещами. Смѣшавъ и разумное и бес-словесное, и сочетавъ между собою несходное по природѣ, кланяются они тому, какъ богамъ. Таковы у Египтянъ боги съ песьими, змѣиными и ослиными головами, а у Ливіянъ Аммонъ съ головою овна. Иные же, взявъ отдѣльно тѣлесные члены: голову, плеча, руки, ноги,—каждый членъ включили въ число боговъ и стали обожать, какъ будто недовольствуясь поклоненіемъ цѣлому тѣлу въ его совокупности. Другіе простерли далѣе свое нечестіе и обоготворили то, что было предлогомъ къ изобрѣтенію сихъ боговъ и къ собственному ихъ злонравію, то есть, сластолюбіе и вожделѣніе,—и сему кланяются. Таковы у нихъ Эротъ и Афродита въ Павосѣ. Другіе же, какъ бы соревнуя другъ другу въ худомъ, дерзнули причестъ къ богамъ своихъ государей и дѣтей ихъ, или изъ почтенія къ властвовавшимъ, или страшась ихъ самоуправства; таковы въ Критѣ пресловутый у нихъ Зевесъ, въ Аркадіи—Эрмій, у Индовъ—Діонисій, у Египтянъ—Изида, Озирисъ и Оръ. И нынѣ Антиноя, любимца Римскаго царя Адріана, хотя знаютъ, что онъ человѣкъ, и человѣкъ не благодѣтельный, но весьма развратный, чтуть, страшась того, кто далъ о немъ повелѣніе. Ибо Адріанъ, находясь въ Египтѣ, когда умеръ служитель его сластолюбія Антиной, любя юношу и по смерти, повелѣлъ воздавать ему божескую честь; а тѣмъ и самъ себя обличилъ, и вмѣстѣ далъ знать вообще объ идолослуженіи, что не иначе изобрѣтено оно у людей, какъ изъ вожделѣнія къ воображаемому.

Не такъ давно бывало (а можетъ быть, и донынѣ сіе соблюдается), что сенатъ Римскій о своихъ отъ начала бывшихъ царяхъ, или о всѣхъ, или о комъ изволить и заблагоразсудить онъ, дѣлалъ постановленіе: «быть имъ въ числѣ боговъ», и предписывалъ воздавать имъ божескую честь. Если которые ненавистны сенату, то объявляетъ онъ природу ихъ, и какъ враговъ именуетъ людьми; а которые угодны ему, тѣмъ за доблестныя дѣла повелѣваетъ воздавать божескую честь, какъ будто сенаторы имѣютъ власть дѣлать богами, хотя сами они—люди, и не отрицаютъ того, что они—смертные. А между тѣмъ надлежало бы, чтобъ дѣлающіе другихъ богами тѣмъ паче сами были боги; потомучто творящее должно быть совершеннѣе творимаго. Но обычай сей не новъ и не въ Римскомъ начался сенатѣ, напротивъ же того, съ давнихъ временъ получилъ начало, и напередъ замышленъ съ понятіемъ объ идолахъ. Ибо древніе, пресловутые у Еллиновъ, боги: Зевсъ, Посидонъ, Аполлонъ, Ифестъ, Ермій, и—женскаго пола: Ира, Димитра, Аѳина, Артемида, удостоены именованія боговъ по указамъ извѣстнаго по исторіи у Еллиновъ Өисея.

Въ Египтѣ и донынѣ еще совершается плачь объ утратѣ Озириса, Ора, Тифона и другихъ. Додонскія утвари и кориванты въ Критѣ доказываютъ, что Дій не богъ, а человѣкъ, и рожденъ плотояднымъ отцемъ. И удивительно то, что самый мудрый и много похваляемый у Еллиновъ за то, что уразумѣлъ Бога,

т. е. Платонъ, идетъ съ Сократомъ въ Пирей поклониться изображенію Артемиды, сдѣланному человѣческимъ искусствомъ!

О таковыхъ и подобныхъ симъ изображеніяхъ идолобѣсія, давно, и за-долго прежде, научило Писаніе, говоря: *Начало блуженія умышленіе идоловъ: изобрѣтеніе же ихъ, тлѣніе живота. Нижє бо быша отъ начала, нижє будутъ во вѣки: тщеславіемъ бо чловѣческимъ внидоша въ міръ, и сего ради кратокъ ихъ конецъ вѣтнися. Горькимъ бо плачемъ стѣхуа отецъ скоро восхищеннаго чада образъ сотворивъ, егже тогда чловѣка мертва, нынѣ яко жива почте, и предаде подручнымъ тайны и жертвы: потомъ временемъ возмогшій нечестивый обычай, аки законъ хранимъ бысть, и мучителей повелѣніемъ почитаема бяху изваянная. Ихже бо въ лице не могуще чествовати чловѣцы дальнаго ради обитанія, издалежа лице изобразивше, явный образъ почитаемаго царя сотвориша, яко да отстоящаго аки близь сущаго ласкаютъ съ прилѣжаніемъ. Въ продолженіе же нечестія и не разумѣющихъ понуди художниково искусство. Сей бо хотя угодити державствующему, произведе хитростію подобіе на лучшее: множество же чловѣкъ привлечено благообразіемъ дѣла, прежде вмагъ чествованнаго чловѣка, нынѣ въ бога вѣтнися. И сіе бысть житію въ прельщеніе, яко или зоключенію, или мучительству послуживше чловѣцы, несообщно имя каменію и древамъ обложиха (Премудр. XIV, 12—21).*

Но самое представленіе язычниковъ о богахъ своихъ обличаетъ идолопоклонство.

Если кто возьметъ во вниманіе *дѣяній* такъ называемыхъ ими *боговъ* (начну сперва съ сего), то найдетъ, что они не только не суть боги, но даже гнуснѣйшіе были изъ людей. Ибо каково видѣть у стихотворцевъ описанныя распутства и непотребства Діевы? Каково слышать, что Дій похищаетъ Ганимеда, совершаетъ тайныя прелюбодѣянія, боится и мучится страхомъ, чтобы противъ воли его не были разорены Троянскія стѣны? Каково видѣть, что онъ скорбитъ о смерти сына своего Сарисдона, хочетъ помочь ему и не можетъ, что противъ него злоумышляютъ другіе такъ называемые боги, именно: Аѳина, Ира и Посидонъ, а ему помогаютъ женщина Ѳетида и сторукій Эгеонъ? Поэтому, справедливо ли считать богомъ того, кто совершилъ такія черныя дѣла, какихъ общіе Римскіе законы не дозволяютъ дѣлать и простымъ людямъ? Или, зная, что Діомидомъ ранены Арей и Аѳродита, а Иракломъ—Ира и преисподній, котораго называютъ адскимъ богомъ, Персеемъ же—Діонисій, Аркадомъ—Аѳина, что Иѳестъ сринуть и сталъ хромымъ,—кто не заключитъ худо объ ихъ природѣ и не откажется утверждать, что они—боги? Слыша же, что подлежатъ они страданію и тлѣнію, не признаетъ ли ихъ не болѣе какъ людьми, и людьми немощными, и не станеть ли скорѣе дивиться тѣмъ, которые наносили имъ раны, нежели имъ раненымъ?

А поэтому, жалѣть наипаче должно о тѣхъ, которые вводятся симъ въ обманъ. Ненавидятъ они

любодѣя, который приступаетъ къ женамъ ихъ, но не стыдятся боготворить учителей любодѣйства; и что по законамъ непозволительно у людей, то не стыдятся приписывать такъ называемымъ богамъ своимъ.

Притомъ, кланяющіеся камнямъ и деревьямъ не примѣчаютъ, что ногами они попираютъ и жгутъ подобныя вещи, а часть тѣхъ же вещей именуютъ богами. Что не задолго прежде употребляли на свои нужды, то самое, сдѣлавъ изъ сего изваяніе, въ безуміи своемъ чувствуютъ, вовсе не примѣчая и не рассуждая, что кланяются не богамъ, но искусству ваятеля. Пока не обтесанъ еще камень, и не обдѣлано вещество, — до тѣхъ поръ попираютъ ихъ и пользуются ими на потребы свои, часто и низкія; а когда художникъ, по наукѣ своей, приведетъ ихъ въ соразмѣрность и напечатлѣетъ на веществѣ образъ мужа или жены, тогда, свидѣтельствуя благодарность свою художнику и купивъ ихъ у ваятеля за деньги, кланяются уже имъ какъ богамъ. Нерѣдко же и самъ дѣлатель истукановъ, какъ бы забывъ, что имъ они сработаны, молится собственнымъ своимъ произведеніямъ, и что недавно обтесывалъ и обрубалъ, то, по искусственной обдѣлкѣ, именуетъ богами.

Но, можетъ быть, злочестивые прибѣгнутъ въ этомъ случаѣ къ свойству стихотворцевъ, говоря, что отличительная черта стихотворцевъ изображать несуществующее и лгать, слагая басни въ удовольствіе слушателей. Но если стихотворцами вымышлены

боги, которыхъ нѣтъ, то почему же поклоняются имъ, какъ существующимъ?

Кто-нибудь изъ нихъ скажетъ слѣдующее: стихотворцы лгутъ, говоря о непотребныхъ дѣянiяхъ боговъ, а въ похвалахъ, когда Дiя называютъ отцемъ боговъ, верховнымъ, Олимпiйскимъ и царствующимъ на небѣ, не вымышляютъ они, говорятъ же истину. Но не я одинъ, а и всякiй другой можетъ сказать, что это разсужденiе идетъ противъ нихъ; потому что изъ прежнихъ опять доводовъ, въ укоръ имъ, обнаружится истина. Дѣянiя изобличаютъ, что они—люди; а похвалы—выше человѣческой природы. Но то и другое не согласно между собою; и небожителямъ не свойственно дѣлать подобныя дѣла, и о дѣлающихъ подобныя дѣла никто не предположитъ, что они—боги. Что же остается подумать?

Какое оправданiе, какое доказательство представлять суевѣрные чтители сихъ боговъ, что это дѣйствительно боги? Развѣ обратятся къ тому, что высоко цѣнятъ ихъ изобрѣтенiя, полезныя для жизни, и скажутъ: и богами они признаны за то, что были полезны для людей. Зевсъ, какъ сказываютъ, владѣлъ искусствомъ ваятельнымъ, Посидонъ—судоходнымъ, Ефестъ—кузнечнымъ, Аѳина—ткацкимъ, Аполлонъ изобрѣлъ музыку, Артемида—псовую охоту, Ира—искусство одѣваться, Димитра—земледѣлiе, другiе же—иныя искусства, какъ повѣствуютъ о нихъ историки. Но эти и подобныя имъ познанiя должны люди приписывать не имъ однимъ, а общей человѣческой при-

родѣ, углубляясь въ которую, люди изобрѣтають искусства. Ибо искусство, по словамъ многихъ, есть подражаніе природѣ. Поелику, какъ люди, по природѣ способны они были пріобрѣтать познанія въ положенныхъ для людей предѣлахъ, то нимало не удивительно, если, вникнувъ въ свою природу и пріобрѣтя о ней познаніе, изобрѣли они искусства. Если же утверждаютъ, что за пріобрѣтеніе искусствъ справедливо было наименовать ихъ богами, то и изобрѣтателей другихъ искусствъ слѣдуетъ наименовать богами на томъ же основаніи, на какомъ они удостоены сего наименованія. Финикіяне изобрѣли письмена, Омиръ—героическую поэзію, елемець Зенонъ—діалектику, сиракузянинъ Кораксъ—риторическое искусство, Аристей ввелъ въ употребленіе пчелиный медъ, Тринтолень—сѣяніе жита, спартанецъ Ликургъ и аѳинянинъ Солонъ издали законы, Паламидъ изобрѣлъ словосочиненіе, числа, мѣры и вѣсы, а другіе, по свидѣтельству историковъ, сдѣлали извѣстными иныя различныя и для человѣческой жизни полезныя вещи. Поэтому, если познанія дѣлають богами, и за нихъ стали ваять боговъ, то необходимо, чтобы, подобно имъ, стали богами и тѣ, которые впоследствии были изобрѣтателями другихъ вещей. Если же послѣднихъ не удостоиваютъ божеской чести, а признають людьми, то слѣдуетъ и Дію, и Иру, и другихъ не именовать богами, но вѣрить, что и они были люди, тѣмъ болѣе, что не были они и благонравны; какъ и самымъ изваяніемъ кумировъ

язычники доказываютъ, что боги ихъ не иное что, какъ люди.

Такъ называемые у Еллиновъ философы и люди свѣдущіе, когда обличаютъ ихъ въ этомъ, не отрицаютъ, что видимые ихъ боги суть изображенія и подобія людей и безсловесныхъ, но въ оправданіе свое говорятъ: для того у насъ все сіе, чтобы чрезъ это являлось намъ Божество и давало отвѣты; потому что невидимаго Бога невозможно иначе и познать, какъ при помощи подобныхъ изваяній и обрядовъ. А другіе, сихъ превосходя любомудріемъ и думая сказать нѣчто еще болѣе глубокомысленное, говорятъ: учрежденія и изображенія сіи введены для призванія и явленія божественныхъ Ангеловъ и Силъ, чтобы, являясь въ сихъ изображеніяхъ, сообщали людямъ вѣдѣніе о Богѣ; это какъ бы письмена для людей; читая ихъ, по бывающему въ нихъ явленію божественныхъ Ангеловъ, могутъ они познать, какое имѣть понятіе о Богѣ. Такъ баснословятъ, а не богословствуютъ (не скажемъ сего) языческіе мудрецы! Но если кто со тщаніемъ изслѣдуетъ разсужденіе сіе, то найдетъ, что и сихъ мнѣніе не менѣе ложно, какъ и показанныхъ прежде.

Спросимъ, какъ же Богъ познается чрезъ идоловъ: по причинѣ ли вещества, изъ какого сдѣланы идолы, или по причинѣ даннаго имъ образа? Если по причинѣ вещества, то какая нужда въ образѣ? Почему Богъ не является просто во всемъ веществѣ, прежде

нежели сдѣлано изъ него это? А если причиною божественнаго явленія бываетъ сдѣланный изъ вещества образъ, то какая нужда въ веществѣ золота, или чего-либо иного? Почему Богу не являться лучше въ самыхъ въ природѣ существующихъ животныхъ, которыхъ образъ имѣютъ на себѣ изваянія? На семъ основаніи мысль о Богѣ была бы лучше, если бы являлся Онъ въ одушевленныхъ живыхъ существахъ, словесныхъ или бессловесныхъ, и не нужно было ожидать Его явленія въ вещахъ неодушевленныхъ и недвижущихся. Въ этомъ случаѣ язычники впадаютъ въ нечестіе, въ которомъ всего больше противорѣчатъ сами себѣ. Естественныхъ животныхъ, четвероногихъ, птицъ и пресмыкающихся почитаютъ мерзостію и гнушаются ими, или по причинѣ ихъ свирѣпости, или по нечистотѣ, и однакоже, изваявъ подобія ихъ изъ камня, дерева, золота, боготворятъ оныя.

Если Божество челоѣкообразно, а потому и идолы такъ изображаются, то для чего присвояютъ Божеству и подобія бессловесныхъ? Если же у Него подобіе бессловесныхъ животныхъ, то почему присвояютъ Ему изваянія существъ словесныхъ? А если въ Немъ то и другое, и въ томъ и другомъ видѣ представляютъ они Бога, потомучто имѣетъ подобіе и бессловесныхъ и словесныхъ существъ, то для чего раздѣляютъ соединенное и отдѣльно дѣлаютъ изваянія бессловесныхъ и изваянія людей, а не всегда изваянія ихъ имѣютъ видъ тѣхъ и другихъ, каковыя из-

ображенія дѣйствительно находятся въ баснословіи, на примѣръ: Скилла, Харибда, Иппокентавръ, и у Египтянъ—Анубисъ съ головою пса? Надлежало бы или только такъ изображать ихъ имѣющихъ двоякую природу, или, если имѣютъ одинъ только образъ, не вымышлять для нихъ другаго. И еще, если они имѣютъ мужескій образъ, то для чего придаютъ имъ и подобія женскія? И если женскій имѣютъ образъ, то для чего ложно представляютъ ихъ въ образѣ мужей?

Вообще, если представляютъ себѣ Божество тѣлообразнымъ, а потому воображаютъ у Него, и изваяніямъ даютъ, чрево, руки, ноги, также выю, грудь, уши, члены, у людей служащія къ дѣторожденію, то смотри, до какого нечестія и безбожія унизился умъ ихъ, когда могъ такъ думать о Божествѣ. Ибо Божеству слѣдовало бы посему претерпѣвать непремѣнно и все прочее, свойственное тѣлу, то есть, быть разсѣкаемымъ, дѣлимымъ, и даже, вообще, подверженнымъ истлѣнію. Сіе же и подобное сему свойственно не Богу, а скорѣе — земнымъ тѣламъ, потому что Богъ безплотенъ, нетлѣненъ, безсмертенъ, и ни въ комъ ни для чего не имѣетъ нужды. А посему можно осудить язычниковъ въ неразуміи за то, что именуютъ богами идоловъ, которыхъ сами дѣлаютъ; просятъ спасенія у тѣхъ, которыхъ искусствомъ своимъ предохраняютъ отъ тлѣнія; молятся объ удовлетвореніи своихъ нуждъ тѣмъ, о комъ знаютъ, что требуютъ собственной ихъ попечительности; и заключая

ихъ въ небольшихъ зданіяхъ, не стыдятся называть владыками неба и всей земли.

И не изъ сего только можно усматривать безбожіе язычниковъ, но также и изъ того, что о самыхъ идолахъ мнѣнія ихъ не согласны. Ибо не одни и тѣ же именуются у всѣхъ богами, но большею частію, сколько есть народовъ, столько вымышлено и боговъ. Случается же, что одна область и одинъ городъ раздѣляются между собою во мнѣніяхъ о почитаніи идоловъ. Финикіяне не знаютъ боговъ, признаваемыхъ Египтянами. Египтяне поклоняются не однимъ и тѣмъ же идоламъ съ Финикіянами. Скиѣы не пріемлютъ боговъ Персидскихъ, а Персы—Сирскихъ и т. д. Крокодилу поклоняются одни какъ Богу, у жителей же ближайшихъ мѣстъ почитается онъ мерзостію. Льва чтутъ одни какъ Бога, а внѣ города не только не воздаютъ ему чести, но даже встрѣтивъ убиваютъ его какъ звѣря.

Египтяне чтутъ вола и Аписа, т. е. тельца; а другіе вола и тельца приносятъ въ жертву Дію. Ливіане признаютъ богомъ овна, котораго и называютъ Аммономъ; а у другихъ овенъ часто закалается въ жертву. Инды воздаютъ честь Діонисію, симъ именемъ, въ переносномъ смыслѣ, называя вино; у другихъ же вино употребляется на возліаніе инымъ богамъ.

Нѣкоторые дошли уже и до такого злочестія и безумія, что закалываютъ и приносятъ въ жертву ложнымъ богамъ своимъ самыхъ людей, тогда какъ боги

сіи суть подобіе и образъ людей; приносятъ, такимъ образомъ, лучшее худшему, одушевленныхъ закалають въ жертву неодушевленнымъ, разумныхъ приводятъ на закланіе не имѣющимъ движенія. Скиѣы, именуемые Таврійскими, въ жертву такъ называемой у нихъ дѣвѣ, закалають претерпѣвшихъ кораблекрушеніе и взятыхъ въ плѣнъ Еллиновъ. Въ древности Египтяне приносили людей въ жертву Ирѣ, а Финикіяне и Критяне принесеніемъ въ жертву дѣтей своихъ умилостивляли Крона. И древніе Римляне чело-вѣческими жертвами чтили Діа, называемаго Латіаріемъ. Такъ или иначе, но всѣ вообще и сквернили и сквернились; сквернились сами, совершая убійства, и сквернили храмы свои, окуряя ихъ подобными жертвами.

Но, можетъ быть, превосходнѣйшіе изъ язычниковъ и исполненные удивленія къ твари, будучи пристыжены обличеніями въ сихъ мерзостяхъ, и сами не отрекутся, что дѣйствительно сіе предосудительно и стоить обличенія, но останутся въ той мысли, что служеніе міру и частямъ міра есть несомнѣнное для нихъ и неоспориваемое вѣрованіе. Даже будутъ хвалиться, что не камни, ни дерева, вообще не изображенія людей и безсловесныхъ, птицъ, гадовъ и четвероногихъ чествуютъ и обожаютъ они, но солнце, луну, все небесное украшеніе, а также—землю и все влажное естество. При семъ скажутъ: никто не можетъ доказать, будто бы и это по природѣ не боги, когда для всякаго явно, что они—не вещи неоду-

шевленные и безсловесныя, но по природѣ выше людей, потому что одни населяютъ небо, а другіе—землю.

И сіе мнѣніе стоить того, чтобы разсмотрѣть и подвергнуть оное изслѣдованію. Но прежде, нежели приступимъ къ разсмотрѣнію и начнемъ доказательство, достаточно замѣтить, что сама тварь едва не вошетъ противъ нихъ, указывая на своего Творца и Создателя—Бога, надъ нею и надъ всѣмъ царствующаго Отца Господу нашему Іисусу Христу, отъ Котораго отвращаются сіи мнимые мудрецы, поклоняются же происшедшей отъ Него твари и боготворятъ ее, хотя сама она поклоняется своему Творцу и исповѣдуетъ Того Господа, отъ Котораго отрицаются они ради ея. Она показываетъ и даетъ знать, что Отецъ Слова есть дѣйствительно Господь и Творецъ сихъ частей, требующій отъ нихъ непрекословнаго Себѣ повиновенія, какъ говоритъ и Божіе законоположеніе: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же рукѹ Ею возвѣщаетъ твердь* (Псал. XVIII, 1).

Достовѣрность сего не сокрыта отъ взоровъ, но весьма очевидна всякому, у кого не вовсе ослѣплено умное око. Ибо если кто возьметъ во вниманіе отдѣльныя части твари и будетъ разсматривать каждую въ особенности, на примѣръ: и солнце возьметъ само по себѣ, и луну отдѣльно, а также и землю, и воздухъ, и теплоту, и холодъ, и сухость, и влажность, внѣ взаимной ихъ между собою связи, и каждую изъ сихъ частей станетъ разсматривать особо, какъ она есть сама по себѣ,—то, безъ сомнѣнія, най-

детъ, что ни одна часть міра сама для себя не достаточна, но всѣ онѣ имѣютъ нужду одна въ другой, и только при взаимной другъ другу помощи дѣлаются самостоятельными.

Кто же, при всей малосмысленности, не знаетъ, что четыре стихіи, изъ которыхъ образовалось естество тѣль,—разумѣю теплоту и холодъ, сухость и влажность,—поддерживаются только въ совокупномъ соединеніи, а раздѣленные и разобщенныя, отъ преобладанія преизбыточествующей изъ нихъ, дѣлаются уже одна для другой разрушительными? Теплота истребляется увеличивающимся холодомъ; а холодъ, опять, уничтожается силою теплоты. Сухое увлажняется влажнымъ, и послѣднее изсушается первымъ. Посему какъ же вещи сіи будутъ богами, имѣя нужду въ помощи другихъ? Или какъ можно просить у нихъ чего-либо, когда сами одна отъ другой требуютъ себѣ содѣйствія? Если у насъ слово о Богѣ, то Онъ ни въ комъ не имѣетъ нужды, самодоволенъ, самоисполненъ, въ Немъ все состоится, лучше же сказать, Онъ всему даетъ самостоятельность.

Но, можетъ быть, язычники, имѣя доказательство передъ глазами, и сами сознаются, что части творенія, взятыя раздѣльно и сами по себѣ, не достаточны; станутъ же утверждать, что, когда всѣ части, совокупленныя вмѣстѣ, составляютъ одно великое тѣло, тогда цѣлое есть Богъ.

Но сіе весьма далеко отъ понятія о Богѣ. Богъ есть цѣлое, а не части; Онъ не изъ различныхъ

составленъ вещей, но Самъ есть Творецъ состава всякой вещи. Смотри же, какъ нечестиво выражаются о Божествѣ, которые такъ говорятъ о Немъ. Если Богъ состоитъ изъ частей, то, безъ сомнѣнія, окажется Себѣ Самому неподобнымъ, и составленнымъ изъ вещей неподобныхъ. Ибо если Онъ—солнце, то не луна; если—луна, то не земля; и если—земля, то не будетъ моремъ. А такимъ образомъ, перебирая каждую часть отдѣльно, найдешь несообразность такого ихъ разсужденія.

Но согласно съ истиннымъ умозрѣніемъ, можно еще и иначе обличить ихъ безбожіе. Если Богъ по естеству безплотенъ, невидимъ, неосязаемъ, то почему представляютъ они Бога тѣломъ, и, что видимо глазами и осязуемо рукою, тому воздаютъ божескую честь? И еще, если утвердилось уже такое понятіе о Богѣ, что Онъ во всемъ всемогущъ, и ничто не обладаетъ Имъ, но Онъ всѣмъ обладаетъ и надъ всѣмъ владычествуетъ,—то обоготворяющіе тварь какъ не примѣчаютъ, что она не подходитъ подъ такое опредѣленіе Бога?! Когда солнце бываетъ подъ землею, свѣтъ его затемняетъ земля, и онъ невидимъ. Луну же днемъ скрываетъ солнце блистаніемъ своего свѣта. Земные плоды нерѣдко побиваетъ градъ; огонь отъ прилива воды угасаетъ; зиму гонитъ весна, а лѣто не позволяетъ веснѣ преступать свои предѣлы, и лѣту опять осень воспрещаетъ выходить изъ собственныхъ своихъ предѣловъ. Итакъ, если бы это были боги, то надлежало бы, чтобы они не были преодолюваемы

и затмѣваемы другъ другомъ, но всегда находились одно при другомъ, и вмѣстѣ производили общія свои дѣйствія.

Посему, какъ доказано въ словѣ, по всей справедливости, не могутъ быть истинными богами ни солнце, ни луна, ни другая какая часть твари, а тѣмъ паче—изваяніе изъ камней, изъ золота и изъ другихъ веществъ, и также—вымышленные стихотворцами Зевсъ, Аполлонъ и другіе. Напротивъ того, одни суть части творенія, другія—вещи неодушевленные, а третьи были только смертные люди. Потому служеніе имъ и обоготвореніе ихъ есть внушеніе не благочестія, но безбожія и всякаго злочестія, и доказательство великаго уклоненія отъ вѣдѣнія единого и единственно истиннаго Бога, разумѣю же—Отца Христова. А когда изобличено сіе, и доказано, что языческое идолослуженіе исполнено всякаго безбожія, и введено не на пользу, а на погибель человѣческой жизни,—теперь, по изобличеніи заблужденія, пойдѣмъ, наконецъ, путемъ истины и обратимъ взоръ къ Вождю и Создателю вселенной—Отчему Слову, чтобы чрезъ Него уразумѣть намъ и Бога Отца Его и показать язычникамъ, сколько удалились они отъ истины. Сказанное доселѣ клонилось только къ изобличенію заблужденій въ мірѣ; путь же истины будетъ имѣть цѣлію дѣйствительно сущаго Бога.

Къ познанію же и точному уразумѣнію истины имѣемъ нужду не въ комъ другомъ, а только въ себѣ самихъ. Путь къ Богу не такъ далекъ отъ насъ, какъ

превыше всего Самъ Богъ; Онъ не внѣ насъ, но въ насъ самихъ. Спаситель, давая разумѣть и подтверждая это, сказалъ: *Царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. XVII, 21). Внутри же себя имѣя вѣру и Царствіе Божіе, можемъ вскорѣ узрѣть и уразумѣть Царя вселенной—спасительное Отчее Слово. Да не отговариваются служащіе идоламъ Еллины, и вообще, никто другой да не обольщаетъ самъ себя, будто бы нѣтъ у нихъ такого пути, а потому и имѣютъ они предлогъ къ своему безбожію. Всѣ мы вступили на путь сей, и всѣмъ онъ открытъ, хотя и не всѣ имъ идутъ, но многимъ желательно оставлять его; потому что влекутъ ихъ со-внѣ житейскія удовольствія.

А если кто спроситъ: что же это за путь? Отвѣчаю:—душа каждаго, и въ ней умъ; потому что однимъ умомъ можетъ быть созерцаемъ и уразумѣваемъ Богъ. Развѣ нечестивые, какъ отреклись отъ Бога, такъ откажутся и отъ того, что имѣютъ душу? Это и всего справедливѣе было бы сказать имъ; потому что неимѣющимъ только ума свойственно отрицаться отъ его Творца и Создателя Бога. Посему-то для людей простыхъ нужно вкратцѣ доказать и то, что всякій человѣкъ имѣетъ душу, и душу разумную.

Первымъ не малымъ признакомъ того, что душа человѣческая разумна, служитъ отличеніе ея отъ безсловесныхъ; ибо по естественной привычкѣ называемъ ихъ безсловесными по тому самому, что родъ человѣческій разуменъ. А потомъ не маловажнымъ будетъ доказательствомъ и то, что одинъ человѣкъ

разсуждаетъ о находящемся внѣ его, мысленно представляетъ и то, чего нѣтъ передъ нимъ, и опять разсуждаетъ и обсуживаетъ, чтобы изъ обдуманнаго избрать лучшее. Безсловесныя видятъ то одно, что передъ ними, стремятся къ тому одному, что у нихъ передъ глазами, хотя бы впослѣдствіи былъ отъ того имъ вредъ; но человѣкъ стремится не къ видимому, а напротивъ того, видимое глазами обсуживаетъ разсудкомъ; не рѣдко, устремившись уже, разсудкомъ бываетъ удержанъ, и что имъ обдумано, обсуживаетъ снова. Сіе свойственно только людямъ, и сіе-то есть разумность человѣческой души, пользуясь которою отличается она отъ безсловесныхъ, и доказываетъ о себѣ, что она дѣйствительно не одно и то же съ видимымъ въ тѣлѣ. Тѣло часто лежитъ на землѣ, а человѣкъ представляетъ и созерцаетъ, что на небѣ.

А для тѣхъ, которые дошли даже до безстыдства неразумности, строгимъ доказательствомъ послужить и слѣдующее. Тѣло по природѣ смертно; почему же человѣкъ размышляетъ о безсмертіи, и не рѣдко, изъ любви къ добродѣтели, самъ на себя навлекаетъ смерть? Или, тѣло—временно; почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣчное, и поэтому пренебрегаетъ тѣмъ, что у него подъ ногами, вожделѣваетъ же вѣчнаго? И такъ, что же это опять будетъ, какъ не душа разумная и безсмертная? Все сіе доказываетъ не иное что, какъ разумную душу, владычествующую надъ тѣломъ. Тѣло не само себя движетъ, но приводится

въ движеніе и движется другимъ, какъ и конь не самъ себя впрягаетъ, но понуждаетъ его владѣющій имъ. Посему-то и даются людямъ законы—дѣлать доброе и отвращаться порока; для безсловесныхъ же, лишенныхъ разумности и мышленія, и худое остается невнятнымъ и неразличимымъ.

Кромѣ этого необходимо знать, что душа и бессмертна. Познаніе же о семъ всего болѣе облегчается для насъ познаніемъ тѣла и различеніемъ души отъ тѣла. Ибо если въ словѣ нашемъ доказано, что душа—не одно и то же съ тѣломъ, тѣло же по природѣ смертно,—то необходимо душѣ быть бессмертною по тому самому, что она не подобна тѣлу. И опять, если, по доказанному, душа движетъ тѣло, а сама ничѣмъ другимъ не приводится въ движеніе,—то слѣдуетъ изъ сего, что душа самодвижна и, по сложеніи съ себя тѣла въ землю, опять будетъ сама себя приводить въ движеніе. Ибо не душа подвергается смерти, умираетъ же тѣло, вслѣдствіе разлученія съ нимъ души. Посему, если бы душа приводима была въ движеніе тѣломъ, то, по разлученіи съ движущимъ, ей слѣдовало бы умереть. А если душа движетъ и тѣло, то тѣмъ паче необходимо ей приводить въ движеніе и себя. Приводя же себя въ движеніе, по необходимости будетъ она жить и по смерти тѣла; потому что движеніе души не иное что есть, какъ жизнь ея; какъ, безъ сомнѣнія, и о тѣлѣ говоримъ, что тогда оно живетъ, когда движется, и тогда бываетъ смерть его, когда прекращается въ немъ движеніе. Но сіе яснѣе

можно видѣть изъ душевной дѣятельности, пока душа еще въ тѣлѣ. Если и тогда, какъ душа заключена въ тѣлѣ и соединена съ нимъ, не ограничивается она малостію тѣла и не соразмѣряется съ оною: тѣло лежитъ иногда на одрѣ, и какъ бы уснувъ смертнымъ сномъ, пребываетъ недвижимо, а душа по силѣ своей бодрствуетъ, возвышается надъ природою тѣла, и хотя пребываетъ въ тѣлѣ, но, какъ бы преселяясь изъ него, представляетъ и созерцаетъ, что превыше земли, не рѣдко же, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ и Ангеламъ, пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ, и бесѣдуетъ съ ними, — то, разрѣшившись отъ тѣла, когда будетъ сіе угодно соединившему ее съ онымъ Богу, не тѣмъ ли паче, и не въ большей ли еще мѣрѣ, приобрѣтетъ она яснѣйшее вѣдѣніе о безсмертіи? И помышляетъ и мудрствуетъ она о безсмертномъ и вѣчномъ, потому что она сама безсмертна.

Посему-то душа имѣетъ понятіе и о созерцаніи Бога, и сама для себя дѣлается путемъ, не со-внѣ заимствуя, но въ себѣ самой почерпая вѣдѣніе и разумѣніе о Богѣ Словѣ. А поэтому утверждаемъ (о чемъ говорено уже было и прежде), что язычники, какъ отреклись отъ Бога и кланяются, вещамъ неодушевленнымъ, такъ, думая о себѣ, что нѣтъ въ нихъ разумной души, и причисляя себя къ безсловеснымъ, въ этомъ самомъ несутъ наказаніе за свое безуміе. Если же увѣрены они (какъ и въ правѣ быть увѣренными), что есть въ нихъ душа, и имѣютъ высокое понятіе

о своей разумности,—то для чего, какъ бы не имѣя души, отваживаются поступать вопреки разуму, не мудрствуютъ, какъ должно мудрствовать, но ставятъ себя выше и Божества? Ибо сами имѣя безсмертную и невидимую ими душу, уподобляютъ Бога вещамъ видимымъ и смертнымъ. Какъ отвратились они мыслию отъ Бога и не сущее стали представлять себѣ богами, такъ могутъ возвыситься умомъ души своей и снова обратиться къ Богу.

Когда душа слагаетъ съ себя всю излившуюся на нее скверну грѣха и соблюдаетъ въ себѣ одинъ чистый образъ, тогда (чему и быть слѣдуетъ) съ просвѣтлѣніемъ онаго, какъ въ зеркалѣ, созерцаетъ въ немъ Отчій образъ—Слово и въ Словѣ уразумѣваетъ Отца, Котораго образъ есть Спаситель. Или, если учене души недостаточно, потомучто умъ ея омрачается внѣшнимъ, и не видитъ она лучшаго,—то вѣдѣніе о Богѣ можно также заимствовать отъ видимаго; потомучто тварь порядкомъ и стройностію, какъ бы письменами, даетъ уразумѣть и возвѣщаетъ своего Владыку и Творца.

Богъ благъ, человѣколюбивъ, благопопечителенъ о сотворенныхъ Имъ душахъ; и поелику по естеству Онъ невидимъ и непостижимъ, превыше всякой сотворенной сущности, а родъ человѣческій, происшедшій изъ ничего, не достигъ бы вѣдѣнія о Немъ не-сотворенномъ,—то посему-то самому и привелъ Онъ тварь Словомъ Своимъ въ такое устройство, чтобы Его, невидимаго по естеству, могли познавать люди

хотя изъ дѣль. Апостоль Павель пишетъ къ Римлянамъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть* (Римлян. I, 20). Ибо, взирая на небесный кругъ, на теченіе солнца и луны, на положенія и круговращенія прочихъ звѣздъ, совершающіяся различно и по противоположнымъ направленіямъ, впрочемъ такъ, что при всемъ разнообразіи соблюдается звѣздами одинаковый порядокъ, — кто не прійдетъ къ той мысли, что не сами себя привели онѣ въ устройство, но есть иной приводящій ихъ въ устройство Творецъ? И видя, что зима уступаетъ мѣсто веснѣ, весна—лѣту, лѣто—осени, что сіи времена года по природѣ противоположны, одно охлаждаетъ, другое палитъ, одно питаетъ, а другое истощаетъ, однако же, всѣ они равно и безвредно служатъ къ пользѣ людей, — кто не подумаетъ, что есть Нѣкто совершеннѣйшій всего этого, и Онъ, приводя все въ равенство, всѣмъ правитъ, хотя и не видишь ты Его? И такъ, вещи, по природѣ одна другой противоборствующія и противоположныя, не соединились бы между собою, если бы не былъ совершеннѣе ихъ связавшій ихъ Господь, Которому уступаютъ и повинуются и самыя стихіи, какъ рабы послушные владыкѣ. Каждая стихія не противоборствуетъ другой, стремясь къ тому, что свойственно ей по природѣ, но всѣ онѣ соблюдаютъ между собою согласіе, признавая соединившаго ихъ Господа. По природѣ онѣ противоположны, а по изволенію Правящаго ими дружелюбны. Но если бы не были при-

водимы въ единое сраствореніе высшимъ повелѣніемъ, то какимъ бы образомъ стеклись и соединились тяжелое съ легкимъ, или сухое съ влажнымъ, или круглое съ прямымъ, или огонь съ холодомъ, или, вообще, море съ землею, или солнце съ луною, или звѣзды съ небомъ, и воздухъ съ облаками, когда каждая вещь не сходна съ другою по природѣ? Въ такомъ случаѣ увидѣли бы мы уже не благоустройство, но разстройство, не порядокъ, но безчиніе, не приведеніе въ единый составъ, а во всемъ разъединеніе, не соблюденіе мѣры, а отсутствіе оной; потому что, при раздорѣ и противоборствѣ каждой отдѣльной части, или все уничтожилось бы, или что-либо одно оказалось одерживающимъ верхъ. Но и это опять доказывало бы разстройство цѣлаго; потому что оставшееся что-нибудь одно и лишенное содѣйствія всего прочаго дѣлало бы цѣлое не соразмѣрнымъ, какъ въ тѣлѣ оставшаяся одна нога и одна рука не сохраняютъ въ себѣ цѣлаго тѣла. Итакъ, поелику во всемъ открывается не безчиніе, но порядокъ, не отсутствіе мѣры, но соразмѣрность, не разстройство, но благоустройство и всестройное сочетаніе міра, — то необходимо заключить и составить себѣ понятіе о Владыкѣ, Который все соединилъ и скрѣпилъ, во всемъ произвелъ согласіе. Хотя и невидимъ Онъ очамъ, но порядокъ и согласіе вещей противоположныхъ даютъ уразумѣть ихъ Правителя, Распорядителя и Царя. Если увидимъ, что городъ, населенный множествомъ различныхъ людей, большихъ и малыхъ, богатыхъ и бѣд-

ныхъ, также—старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, управляется добропорядочно, и жители, хотя различны между собою, но единомысленны: ни богатые не возстаютъ на бѣдныхъ, ни большіе на малыхъ, ни молодые на старыхъ, но всѣ равномѣрно живутъ въ мирѣ; если, говорю, примѣтимъ все сіе, то безъ сомнѣнія поймемъ, что единомысліе поддерживается присутствіемъ градоправителя, хотя и не видимъ его. Такъ, видя порядокъ и стройность вселенной, необходимо представлять Властителя вселенной Бога, и притомъ одного, а не многихъ.

И самый порядокъ міроуправленія и согласная во всемъ стройность доказываютъ не многихъ, но единого Міроуправителя и Вождя—Слово. Если бы тварь имѣла многихъ правителей, то не соблюдался бы такой во всемъ порядокъ, но все пришло бы опять въ безпорядокъ, потому что каждый бы изъ многихъ наклонялъ все къ своему намѣренію и противоборствовалъ другимъ. И наоборотъ, единый порядокъ и единомысліе многихъ и разныхъ доказываютъ, что у нихъ одинъ начальникъ. Такъ, поелику въ цѣломъ мірѣ есть всестройный порядокъ, ни горнее не возстаетъ противъ дошняго, ни дошнее противъ горняго, но все стремится къ одному порядку,—то слѣдуетъ представлять себѣ не многихъ, а единого Правителя и Царя всей твари, Который все озаряетъ свѣтомъ Своимъ и приводитъ въ движеніе.

Не должно думать, что у твари много правителей и творцовъ, но—съ строгимъ благочестіемъ и истиною

согласно—вѣровать въ единого ея Создателя, что ясно доказываетъ и самая тварь. Во-первыхъ, если бы одинъ міръ произошелъ отъ многихъ, то показывалъ бы безсиліе сотворившихъ, потому что одно дѣло совершено многими, а это немаловажный признакъ, что свѣдѣніе каждаго въ дѣлѣ творенія было не совершенно. Ибо, если бы и одного было достаточно, то не стали бы взаимныхъ недостатковъ восполнять многіе. Сказать же, что въ Богѣ есть недостатокъ, не только нечестиво, но и крайне беззаконно. Надобно же знать и то, что если бы міръ произведенъ былъ многими, то имѣлъ бы различныя и несходныя между собою движенія, потому что, имѣя свои отношенія къ каждому изъ сотворившихъ, имѣлъ бы и столько же различныхъ движеній. Отъ различія же, какъ говорено было и прежде, опять произошли бы разстройство и во всемъ безпорядокъ. И корабль, управляемый многими, не поплыветъ прямо, пока кормиломъ его не овладѣетъ одинъ кормчій. Итакъ, поелику тварь одна, и міръ одинъ, и порядокъ въ немъ одинъ, то должно представлять себѣ и единого Царя и Создателя твари Господа. Ибо и Самъ Создатель для того сотворилъ одинъ всецѣлый міръ, чтобы устройство многихъ міровъ не привело къ мысли о многихъ создателяхъ. Поелику же твореніе одно, то вѣруемъ, что и Творецъ онаго одинъ.

Кто же сей Создатель—это всего болѣе необходимо уяснить и сказать утвердительно, чтобы иной, невѣдѣніемъ сего введенный въ заблужденіе, не по-

чель Создателемъ кого другаго и отсего не впаль опять въ одинаковое съ язычниками безбожіе. Думаю же, что никто не имѣеть о семъ колеблющагося мнѣнія. Ибо если въ словѣ нашемъ показано, что такъ называемые стихотворцами боги—не боги, и обоготворяющіе тварь изобличены въ заблужденіи, вообще же доказано, что языческое идолослуженіе есть безбожіе и нечестіе,—то, по уничиженіи идоловъ, совершенно необходимо, наконецъ, нашей вѣрѣ быть благочестивою, и Богу, Которому мы поклоняемся и Котораго мы проповѣдуемъ, быть единымъ и истиннымъ Богомъ, Господомъ твари и Создателемъ всякаго существа. Кто же это, какъ не всесвятый и превысшій всякой сотворенной сущности Отецъ Христовъ? Онъ, какъ наилучшій кормчій, собственною Своею Премудростію и собственнымъ Своимъ Словомъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, спасительно управляетъ, и распоряжаетъ всѣмъ въ мірѣ, и все творить, какъ Самъ признаетъ сіе наилучшимъ. И никто не долженъ сомнѣваться въ этомъ. Ибо если бы движеніе твари было не разумно, и вселенная носилась, какъ ни есть, то справедливо могъ бы иной не вѣрить утверждаемому нами. Если же тварь приведена въ бытіе словомъ, премудростію и вѣдѣніемъ, и во всемъ мірѣ есть благоустройство, то необходимо настоятелемъ и строителемъ сего быть не иному кому, какъ Божію Слову.

Словомъ же называю не то, которое внѣдрено и прирождено въ каждой изъ сотворенныхъ вещей, и

которое иные обикли называть сѣменоноснымъ¹⁾; такое слово неодушевленно, ни о чемъ не мыслить, ничего не представляетъ, но дѣйствуетъ только внѣшнимъ искусствомъ, сообразно съ знаніемъ влагающаго оное. Также не то разумѣю слово, какое имѣеть словесный человѣческій родъ, не слово сочетаваемое изъ слоговъ и напечатлѣваемое въ воздухъ. Но разумѣю живаго и дѣйственаго Бога, источное Слово Благаго и Бога всяческихъ, Слово, Которое и отлично отъ сотворенныхъ вещей и отъ всякой твари, и есть собственное и единственное Слово благаго Отца, вселенную же сію привело въ устройство и озаряетъ Своимъ промышленіемъ. Какъ благое Слово благаго Отца, Оно благоустроило порядокъ вселенной, сочетавая противоположное съ противоположнымъ и устрояя изъ сего единое согласіе. Какъ Божія сила и Божія премудрость, Оно вращаетъ небо и, повѣсивъ землю ни на чемъ не опирающуюся, водрузило ее Своимъ мановеніемъ. Имъ солнце стало свѣтоноснымъ и озаряетъ вселенную. Отъ Него и луна имѣеть свою мѣру свѣта. Имъ и вода повѣшена на облакахъ, и дожди наводняютъ землю, и море заключено въ предѣлы, и земля украшена всякаго рода растеніями и произращаетъ зелень. Если бы какой невѣрующій, слыша утверждаемое нами, спросилъ: дѣйствительно ли

¹⁾ По ученію Зинона и Стоиковъ, какъ Богъ называется *сѣменоноснымъ словомъ* (*ὁ λόγος σπέρματικός*), такъ и начала всѣхъ сотворенныхъ вещей, вложенныя въ нихъ Богомъ, именуется *сѣменоносными же словами* (*οἱ λόγοι σπέρματικοί*).

есть Божіе Слово?—то сомнѣніемъ о Божіемъ Словѣ показалъ бы онъ свое безуміе. Между тѣмъ, имѣетъ онъ доказательство въ видимомъ, что все состоялось Божіимъ Словомъ и Божіею Премудростію, и ни что сотворенное не утвердилось бы, если бы не было, по сказанному, произведено Словомъ, и Словомъ Божіимъ. Но, будучи Словомъ, Оно, какъ сказано, не изъ слоговъ сочетается, подобно человѣческому слову, а есть неизмѣняемый образъ Отца Своего. Люди сложены изъ частей и сотворены изъ ничего; у нихъ и слово—слагаемое и разлагающееся. Но Богъ есть Сый и не сложенъ; потому и Слово Его есть Сый; Оно не сложно, но есть единый и Единородный Богъ и Благій происшедшій отъ Отца, какъ бы изъ благаго источника; Оно все приводитъ въ устройство и содержитъ.

И подлинно досточудна причина, по которой Слово, и Божіе Слово, низшло къ сотворенному; она показываетъ, что и неприлично было совершиться сему иначе, а не такимъ образомъ, какъ дѣйстви-тельно совершается. Естество сотворенныхъ вещей, какъ происшедшее изъ ничего, само въ себѣ святое, есть что-то текучее, немощное, смертное. Богъ же всяческихъ—по естеству благъ и выше всякой доброты, и посему человѣколюбивъ; потому что въ благомъ не можетъ ни къ кому быть зависти. Посему-то не завидуетъ Онъ никому въ бытіи, но хочетъ, чтобы всѣ наслаждались бытіемъ, и всѣмъ могъ Онъ являть Свое человѣколюбіе. Все сотворивъ вѣчнымъ Словомъ

Своимъ и осуществивъ тварь, не попустилъ ей увлекаться и обуреваться собственнымъ своимъ естествомъ, отчего угрожала бы ей опасность снова прийти въ небытіе, но, какъ Благій, управляетъ вселенною и поддерживаетъ ее въ бытіи Словомъ же Своимъ, Которое Само есть Богъ, чтобы тварь, озаряемая владычествомъ, промышленіемъ и благоустроеніемъ Слова, могла твердо стоять въ бытіи, какъ причастная подлинно сущаго отъ Отца Слова и Имъ вспомооществуемая въ бытіи, и не подверглась бы тому, чему могла бы подвергнуться (т. е. небытію), если бы не соблюдалъ ее Богъ-Слово, *Иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ вся твари: яко Тъмъ и въ Немъ состоятся всяческая, видимая и невидимая: и Той есть глава Церкви* (Колос. I, 15—18), какъ въ святыхъ Писаніяхъ учатъ служители истины.

Сіе-то всемогущее, всесовершенное, Святое Отчее Слово, нисшедши во вселенную, повсюду распространило силы Свои, озаривъ и видимое и невидимое, въ Себѣ все содержитъ и скрѣпляетъ, ничего не оставивъ лишеннымъ силы Своей, но оживотворяя и сохраняя все и во всемъ, и каждую вещь въ особенноти, и вдругъ все въ совокупности. Покорствуя Сему Богу-Слову, иное оживотворяется на землѣ, а иное осуществляется на небѣ. Его силою все море и великій океанъ совершаютъ движеніе свое въ собственныхъ своихъ предѣлахъ, и вся суша одѣвается зеленью и украшается разными всякаго рода растеніями. И чтобы не длить времени, каждую извѣстную

вещь именуя особо, скажу: изъ всего, что существуетъ и бываетъ, ничего нѣтъ такого, что произошло бы и состоялось не въ Словѣ и не Словомъ, какъ говорить и Богословъ: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 1, 3).

Слово—Божія Премудрость, держа вселенную и что въ воздухѣ, сводя съ тѣмъ, что на вемлѣ, а что на небѣ—съ тѣмъ; что въ воздухѣ, цѣлое сочетавая съ частями и обращая Своимъ мановеніемъ и изволеніемъ, прекрасно и стройно производитъ единый міръ и единый въ мірѣ порядокъ; Само неподвижно пребываетъ у Отца, и все приводитъ въ движеніе Своимъ снисхожденіемъ во вселенную, чтобы каждая вещь благоугодна была Отцу Его. Ибо въ томъ открывается чудное дѣйствіе Божества Его, что однимъ и тѣмъ же мановеніемъ, не въ разныя времена, но вдругъ, и все въ совокупности, и прямое и круглое, горнее, среднее, дольнее, влажное, холодное, теплое, видимое и невидимое, обращаетъ и приводитъ въ устройство, сообразно съ природою каждой вещи. И чтобы понять это изъ примѣра, представь утверждаемое нами въ подобіи большаго хора поющихъ. Хоръ состоитъ изъ разныхъ людей, изъ дѣтей и женъ, стариковъ и также молодыхъ; вдругъ одинъ управляющій хоромъ подаетъ знакъ, и каждый поетъ по своимъ способностямъ и силамъ, мужъ какъ мужъ, дитя какъ дитя, старый какъ старый, и молодой какъ молодой; но всѣ въ совокупности выводятъ одну стройную пѣснь.

Самъ же Вождь и Царь всего, Собою утверждая все, дѣлаетъ все къ славѣ и вѣдѣнію Отца Своего, и дѣлами, какія совершаетъ Онъ. Какъ, возрѣвъ на небо и разсмотрѣвъ его украшеніе и свѣтъ звѣздъ, должны мы восходить мыслию къ Слову, Которымъ все приведено въ благоустройство; такъ, представляя умомъ Божіе Слово, необходимо намъ представлять и Отца Его Бога, отъ Котораго исходя, справедливо именуется Слово Истолкователемъ и Ангеломъ Отца Своего. Сіе можно намъ видѣть и на себѣ самихъ. Когда у человѣка исходитъ слово, заключаемъ, что источникъ слова есть мысль, и вникая въ оное, усматриваемъ означаемую словомъ мысль; тѣмъ паче, въ высшихъ представленіяхъ и въ несравненномъ превосходствѣ, усматривая силу Слова, составляемъ себѣ понятіе и о благомъ Его Отцѣ, какъ говоритъ Самъ Спаситель: *видѣвый Мене видѣ Отца Моего* (Іоан. XIV, 9).

Но яснѣе и въ большей мѣрѣ проповѣдуетъ о семъ все Богодухновенное Писаніе.

Божіе Слово издревле предограждало народъ Іудейскій, говоря объ уничтоженіи идоловъ: *не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли нѣзу* (Исход. XX, 4). Причину же уничтоженія идоловъ даетъ видѣть въ другомъ мѣстѣ, говоря: *идолы языкъ сребро и золото, дѣла рукъ человеческихъ; уста имутъ, и не возглаголютъ: очи имутъ, и не ѳзрятъ: уши имутъ, и не услышатъ: ноздри имутъ, и не обоняютъ: руки имутъ, и не осяжутъ: нозѣ имутъ,*

и не пойдутъ (Псал. СХІІІ, 12—15). Не прошло оно молчаніемъ и ученія о твари; напротивъ же того, хорошо зная красоту тварей, чтобы иные, взирая на нихъ, не какъ на дѣло Божіе, по красотѣ ихъ не стали кланяться имъ, какъ богамъ, предограждаетъ людей, говоря: *да не воззрѣвъ очима, и видѣвъ солнце и луну и всю красоту небесную, прельстився поклонишися имъ, яже раздѣли Господь Богъ твой вѣмъ языкомъ, иже подъ небесемъ* (Второзак. ІV, 19). Народъ же Іудейскій издревле имѣлъ у себя полнѣйшее ученіе, потому что не изъ дѣлъ только творенія, но и изъ Божественныхъ Писаній почерпалъ вѣдѣніе о Богѣ. И вообще, отвлекая людей отъ идольской прелести и отъ неразумнаго представленія о богахъ, Писаніе говоритъ: *да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене* (Исход. XX, 3). Воспрещаетъ людямъ имѣть иныхъ боговъ не потому, что иные—дѣйствительно боги, но чтобы, отвратившись отъ истиннаго Бога, не начали обоготворять несуществующее; а таковы наименованные богами у стихотворцевъ и историковъ, о которыхъ доказано, что это—не боги. И самый образъ выраженія показываетъ, что они—не боги; сказано: *да не будутъ тебѣ бози инии*, чѣмъ означается будущее время; а что произойдетъ въ будущее время, того, когда говорится о семъ, нѣтъ еще.

Истребивъ же языческое или идольское безбожіе, умолкло ли Божественное ученіе, попустило ли человѣческому роду влаяться вовсе не причастнымъ вѣдѣнія о Богѣ? Нѣтъ; а напротивъ того, предваряетъ

ОНО МЫСЛЬ СІЮ, ГОВОРЯ: *слыши, Израилю: Господь Богъ твой Господь единъ есть* (Второзак. VI, 4). И еще: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всея силы твоея* (5). И еще: *Господу Богу твоему да поклонишия, Тому единому послужиши, и къ Нему прильпнишия* (13). А что о промышленности и о благоустроении Слова, простирающихся на все и во всемъ, свидѣтельствуется все Богодухновенное Писаніе, достаточнымъ доказательствомъ утверждаемаго теперь служить та вѣра въ Слово, съ какою говорятъ Бого-слова: *основалъ еси землю, и пребываетъ. Учинениемъ Твоимъ пребываетъ день* (Псал. СХVІІІ, 90—91). И еще: *пойте Господеву нашему въ успехъ: одъвающему небо облаки, уготовляющему земли дождь, прозябающему на горахъ траву, и злакъ на службу человѣкомъ, дающему скотомъ пищу* (Псал. СХLVI, 7—9). Черезъ кого же даетъ? Не черезъ Того ли, Кѣмъ все сотворено? Ибо кѣмъ сотворено, тотъ, по естественному порядку, и промышленяетъ о всемъ. Кто же это, какъ не Божіе Слово, о Которомъ въ другомъ псалмѣ говоритъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. ХХХІІ, 6)? Подтверждаемъ же, что и все о Немъ и Имъ сотворено, въ чемъ и увѣряетъ насъ, говоря: *Той рече, и быша: Той повелъ, и создашася* (9); какъ и великій Моисей въ томъ же удостовѣряетъ, въ началѣ мірозданія объясняя сказанное и говоря: *и рече Богъ: сотворимъ чловѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. I, 26); потомучто, и совершая твореніе неба, земли и всего, Ему же

говоришь Отець: да будетъ небо; да соберутся воды, и да явится суша, да изведеть земля траву и всякое животное; посему и можно обличить Іудеевъ, какъ невѣрно пользующихся Писаніями. Ибо спросятъ у нихъ: съ кѣмъ бесѣдуетъ Богъ, когда говоритъ, и повелѣвая? Если повелѣвалъ тварямъ и съ ними бесѣдовалъ, то напрасно было слово; тварей еще не было, а только должны были произойти. Никто же не говоритъ съ тѣмъ, чего нѣтъ. Никто не повелѣваетъ и не обращаетъ рѣчи къ непроисшедшему еще, чтобъ оно произошло. Если бы Богъ повелѣвалъ тому, что будетъ, то надлежало бы сказать: будь, небо; будь, земля; произрасти, трава; будь сотворенъ, человекъ. Теперь же не сотворилъ еще сего, а повелѣваетъ, говоря: *сотворимъ человека*, и: да возрастетъ трава,—чѣмъ показывается, что Богъ разглагольствуетъ о семъ съ кѣмъ-то близкимъ къ Нему. Поэтому необходимо, чтобы съ Нимъ былъ нѣкто, съ кѣмъ собесѣдуя, творилъ Онъ вселенную. Кто же это, какъ не Слово Его? Съ кѣмъ (пусть скажутъ) бесѣдовать Богу, какъ не съ Словомъ Своимъ? Или кто былъ съ Нимъ, когда творилъ Онъ всякую тварную сущность, какъ не Премудрость Его, Которая говоритъ: когда творилъ небо и землю, *съ Нимъ бѣхъ* (Притч. VIII, 27). Подъ наименованіемъ же неба и земли заключаетъ все сотворенное на небѣ и на землѣ. Сопребывая же со Отцемъ, какъ Премудрость, и на Него взирая, какъ Слово, создаетъ, приводитъ въ бытіе и благоустраиваетъ вселенную, и, какъ Сила

Отчая, поддерживааетъ въ бытіи всю совокупность тварей, какъ говоритъ Спаситель: все, что вижу творящаго Отца, и Я также творю (Іоан. V, 19); и священные ученики Его учатъ: *всяческая Тьма и Немь быша* (Колос. I, 16). Онъ, какъ благое рожденіе отъ Благаго и какъ истинный Сынъ, есть Отчая Сила и Премудрость и Слово, и все это не по причастію, не потому, что дано Ему сіе со-внѣ, какъ дается Его причастникамъ, которые Имъ умудряются, чрезъ Него содѣлываются сильными и разумными, но потому, что Онъ есть источникъ Премудрости, источникъ Слова, источникъ, собственно Отчая, Сила, источникъ Свѣтъ, источникъ Истина, источникъ Правда, источникъ Добродѣтель, Отпечатлѣніе, Сіяніе, Образъ; короче сказать, всесовершенный плодъ Отца, единственный Сынъ, неизмѣняемый Отчій Образъ. И кто, кто изощтетъ Отца, чтобы изыскать и силы Слова Его? Ибо, какъ Онъ есть Отчее Слово и Отчая Премудрость, такъ и снисходя къ тварямъ, для познанія и уразумѣнія ими Рождшаго, дѣлается для нихъ источникомъ свѣтынею, источникомъ жизнию, Дверію, Пастыремъ, Путемъ, Царемъ, Вождемъ, Спасителемъ во всемъ, животворящимъ Свѣтомъ и общимъ о всѣхъ промышленіемъ. Сего-то Благаго и Зиждительнаго Сына имѣя отъ Себя, Отецъ не сокрылъ Его неизвѣстнымъ для тварей, но ежедневно открываетъ Его всѣмъ; потомучто Имъ все стоитъ и живетъ. А въ Немъ и чрезъ Него являетъ Отецъ и Себя Самого, какъ говоритъ Спаситель: *Азъ во Отца, и Отецъ во*

Мнѣ (Іоан. XIV, 10); почему необходимо Слову быть въ Рождемъ, и Рожденному быть совѣчнымъ Отцу.

Но при всемъ томъ, когда ничто не существуетъ независимо отъ Отцаго Слова, небо же и земля и все, что на нихъ, отъ Него зависятъ,—несмысленные люди, отвергнувъ вѣдѣніе о Немъ и благочестіе, не сущее предпочли сущему; вмѣсто дѣйствительно сущаго Бога обоготворили не сущее, служа твари вмѣсто Творца и дѣлая неразумное и злочестивое дѣло. Это подобно тому, какъ если бы кто дивился произведеніямъ художника и, приведенный въ изумленіе зданіями въ городѣ, сталъ попирать ногами самого здателя, если бы началъ хвалить мусикійское орудіе, но отринулъ бы того, кто составилъ и построилъ оное. Подлинно, это люди несмысленные и слѣпотствующие! Какъ иначе узнали бы мы домъ, корабль, лиру, если корабля не построилъ кораблестроитель, дома не воздвигъ зодчій, лиры не сдѣлалъ музыкантъ? Посему, какъ отрицающій это безумень, и даже хуже всякаго безумца, такъ, по моему мнѣнію, не здравы умомъ и тѣ, которые не признаютъ Бога и не чтутъ Слова Его, общаго всѣхъ Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа,—Слова, Которымъ Отецъ все благоустрояетъ и содержитъ, и промышляетъ о всемъ во вселенной.

И ты, христороубецъ, имѣя вѣру въ Него и благочестіе, радуйся и будь благонадеженъ, что плодомъ вѣры въ Него будетъ безсмертіе и Небесное Царство, если только душа благоустрояетъ себя по Его зако-

намъ. Ибо какъ живущимъ по заповѣдямъ Его—наградой вѣчная жизнь, такъ идущимъ противоположною стезею, а не стезею добродѣтели, — великій стыдъ и неотвратимая опасность въ день суда, за то, что, зная путь истины, дѣлали противное тому, что знали.

Изъ слова о воплощеніи Бога-Слова и о пришествіи Его къ намъ во плоти.

Онъ (Богъ-Слово) не былъ такъ объятъ тѣломъ, чтобы, когда былъ въ тѣлѣ, тогда не былъ и внѣ тѣла, и когда приводилъ въ движеніе тѣло, тогда вселенная лишена была Его дѣйствія и промышленности. Но, что всего удивительнѣе, Онъ, какъ Слово, ничѣмъ не былъ содержимъ, а наипаче Самъ все содержалъ. И какъ, пребывая въ цѣлой твари, хотя по сущности Онъ внѣ всего, однакоже, силами Своими присущъ во всемъ, все благоустраивая, на все и во всемъ простирая Свое промышленіе, оживотворяя и каждую тварь и всѣ твари въ совокупности, объемля цѣлую вселенную и не объемлясь ею, но весь всецѣло пребывая въ единомъ Отцѣ Своемъ; такъ и въ человѣческомъ пребывая тѣлѣ, и Самъ оживотворяя оное, внѣ всякаго сомнѣнія, оживотворялъ и вселенную, пребывалъ во всѣхъ тваряхъ, и былъ внѣ вселенной, давалъ познавать Себя въ тѣлѣ дѣлами и не переставалъ являть Себя въ дѣйствіяхъ на вселенную.

Душѣ свойственно, хотя разсматривать въ помыслахъ и то, что внѣ ея тѣла, однакоже не простирать своихъ дѣйствій на что-либо внѣ ея тѣла, и своимъ присутствіемъ не приводитъ въ движеніе, что отдалено отъ тѣла. Человѣкъ, когда думаетъ о чемъ-либо отдаленномъ, чрезъ это не приводитъ еще отдаленнаго въ движеніе и не переноситъ съ одного мѣста на другое. И если кто сидитъ у себя въ домѣ и размышляетъ о томъ, что на небѣ, то не движетъ еще чрезъ это солнца и не обращаетъ неба; но хотя видитъ ихъ движущимися и сотворенными, однакоже не можетъ по этому произвести ихъ. Не таково было Божіе Слово въ человѣкѣ. Оно не связывалось тѣломъ, а напротивъ того Само наипаче обладало онымъ; посему и въ тѣлѣ Оно было, и находилось во всѣхъ тваряхъ, и было внѣ существъ и упокоевалось въ Единомъ Отцѣ. И, что чуднѣе всего, провождало жизнь, какъ человѣкъ, все оживотворяло, какъ Слово, и сопребывало со Отцемъ, какъ Сынъ. Посему, когда раждала Дѣва, Оно не страдало и, пребывая въ тѣлѣ, не сквернилось, но напротивъ того освящало наипаче и тѣло; потомучто, и пребывая во всѣхъ тваряхъ, не дѣлается Оно всему причастнымъ, а напротивъ того все Имъ наипаче оживотворяется и питается. Если и солнце, Имъ сотворенное и нами видимое, круговращаясь на небѣ, не сквернится прикосновеніемъ къ земнымъ тѣламъ и не омрачается тьмою, а напротивъ того само ихъ освѣщаетъ и очищаетъ,—то тѣмъ паче всесвятое Божіе Слово, Творецъ и Господь солнца,

давая познавать Себя въ тѣлѣ, не пріяло на Себя скверны, а напротивъ того, будучи нетлѣннымъ, оживотворяло и очищало смертное тѣло. Ибо сказано: *Иже грѣха не сотвори, ни обрѣтесе лъсть во устѣхъ Его* (1 Петр. II, 22).

Посему, когда богословствующіе о Словѣ говорятъ, что Оно ѣсть, шіеть и родилось, тогда знай, что тѣло, какъ тѣло, родилось и питалось приличною пищею, Само же сопребывающее въ тѣлѣ Божіе Слово, все благоустраивая, и тѣмъ, что совершало Оно въ тѣлѣ, показывало въ Себѣ не человѣка, но Божіе Слово. Говорится же сіе о Немъ потому, что тѣло, которое вкушало пищу, родилось и страдало, было тѣломъ не кого-либо другаго, но Господа. И поелику Господь сталъ человѣкомъ, то прилично было говорить о Немъ и сіе, какъ о человѣкѣ, чтобы явствовало, что дѣйствительно, а не мечтательно имѣетъ Онъ тѣло.

Но какъ изъ сего познавали Его присущимъ тѣлесно, такъ дѣлами, какія совершилъ чрезъ тѣло, давалъ Онъ разумѣть въ Себѣ Божія Сына. Посему-то къ невѣрнымъ Іудеямъ и взывалъ, говоря: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте: да разумѣете и познаете, яко во Мнѣ Отецъ и Азъ во Отцѣ* (Іоан. X, 37—38). Какъ, будучи невидимымъ, познается Онъ изъ дѣлъ творенія, такъ, содѣлавшись человѣкомъ и невидимый подъ покровомъ тѣла, дѣлами даетъ знать, что совершающій сіи дѣла—не человѣкъ, а Божія Сила и Божіе Слово. Ибо не че-

ловѣческое, но Божіе дѣло повелѣвать бѣсамъ и изгонять ихъ. И видя, какъ исцѣлялъ Онъ болѣзни, въ какія ввергнуть былъ родъ человѣческой, кто почтетъ Его человѣкомъ, а не Богомъ? Онъ очищалъ прокаженныхъ, хромымъ давалъ силу ходить, глухимъ отверзалъ слухъ, слѣпыхъ дѣлалъ зрящими, вообще, отгонялъ отъ людей всякія болѣзни и всякія немощи. А изъ сего всякій можетъ усматривать Божество Его. Ибо видя, что возвращалъ Онъ человѣку и то, чего не доставало отъ рожденія, и родившемуся слѣпымъ отверзалъ очи, кто не заключитъ изъ сего, что Ему подчинено и самое рожденіе человѣческое, что Онъ—Создатель и Творецъ онаго? Кто возвращаетъ человѣку, чего не было у него отъ рожденія, о томъ безъ сомнѣнія явно, что Онъ—Господь и рожденія человѣческаго. Посему-то въ началѣ, приходя къ намъ, созидаетъ Себѣ тѣло отъ Дѣвы, чтобы и въ этомъ показать всѣмъ не малый признакъ Божества Своего, потомучто создавшій тѣло сіе есть Творецъ и прочихъ тѣлъ. И видя, что тѣло происходитъ отъ единой Дѣвы безъ мужа, кто не прійдетъ къ той мысли, что явившійся въ семь тѣлъ есть Творецъ и Господь и прочихъ тѣлъ? Также видя, что сущность воды измѣнена и претворена въ вино, кто не заключитъ, что сотворившій сіе есть Господь и Творецъ сущности всѣхъ водъ? Посему-то, какъ Владыка, ступаетъ Онъ на море и по оному ходитъ, какъ по сушѣ, и въ этомъ показывая видящимъ признакъ Своего владычества надъ всѣмъ. Насыщая же малымъ

количествомъ пищи великое число людей и изъ недостатка производя избытокъ, такъ-что пятью хлѣбами насытились пять тысячъ человѣкъ, и еще столько же осталось, не иное что давалъ симъ разумѣть, но то самое, что Онъ Господь промышленности о вселенной.

Все же благоугодно было сотворить Спасителю, чтобы люди, которые не познавали Его о всемъ промышленности и не уразумѣвали Божества Его изъ творенія, хотя бы возбужденные тѣлесными Его дѣлами, возвели къ Нему взоръ, а чрезъ Него пріобрѣли себѣ понятіе вѣдѣнія объ Отцѣ, по сказанному выше, изъ частнаго заключаая о промышленности Его въ цѣлой вселенной. Ибо, видя власть Его надъ бѣсами, или видя, что бѣсы исповѣдуютъ Его Господомъ своимъ, кто еще станетъ колебаться мыслию, что Онъ — Божій Сынъ, Божія Премудрость и Сила? Онъ содѣлалъ, что и самая тварь не умолчала, но что всего чуднѣе, во время смерти, лучше же сказать, во время торжества Его надъ смертію, то есть, на крестѣ, вся тварь исповѣдала, что познаваемый и страждущій въ тѣлѣ не просто есть человѣкъ, но Божій Сынъ и Спаситель всѣхъ. Ибо, когда солнце отвратило зракъ свой, земля потряслась, горы распались, всѣ пришли въ ужасъ, тогда показывало се, что Распятый на крестѣ Христосъ есть Богъ, а вся тварь — раба Его, страхомъ своимъ свидѣтельствующая о присутствіи Владыки. Такъ Богъ-Слово явилъ Себя людямъ въ дѣлахъ.

О явленіи во плоти Бога-Слова и противъ аріанъ.

Вознамѣрившіеся злохудожно разумѣть Божественныя Писанія, въ подкрѣпленіе хулы своей, выставляютъ относящіяся къ человѣчеству реченія о обнищаніи Сына Божія. Но въ сихъ-то уничижительныхъ реченіяхъ и дѣйствіяхъ усматривается вся опредѣленная точность христіанства. Поэтому, если бы могли они слушать блаженнаго Павла, который пишетъ къ Коринѳянамъ: *вѣсте бо благодать Господа нашего Іисуса Христа, яко насъ ради обнища, богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Коринѳ. VIII, 9), то никакъ не осмѣлились бы называть Сына неподобнымъ Отцу, особливо зная, какого рода обнищаніе Его, и какова сила креста Его. Посему и въ другомъ мѣстѣ говоритъ тотъ же Павелъ: *да возможете разумѣти со вѣстми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумѣти же преспѣвающую разумъ любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполненіе Божіе* (Ефес. III, 18—19). По сей-то причинѣ о нищетѣ и страданіяхъ Его съ дерзновеніемъ пишетъ: *мнѣ же да не будетъ хвалиться, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, Имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Галат. VI, 14); и еще: *не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точию Іисуса Христа, и Сего распята* (1 Коринѳ. II, 2), и: *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (8). И нынѣ еретики сіи, если бы разумѣли Божественныя Писанія, то не осмѣлились бы хулить Творца всяческихъ, называя Его тварію или созданіемъ.

Приводятъ въ возраженіе: «какъ можетъ Сынъ быть подобенъ Отцу, или быть отъ Отчей сущности, когда написано: *якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ* (Іоан. V, 26)? Говорятъ: у дающаго есть превосходство предъ пріемлющимъ; написано также: *что Мя глаголеши блага? никтоже блага, токмо единъ Богъ* (Марк. X, 18); и еще: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. XXVII, 46)? и также: *о дни же послѣднемъ никтоже вѣсть, ни Сынъ, токмо Отецъ* (Марк. XIII, 32); и еще: *Егоже Отецъ святи и посла въ міръ* (Іоан. X, 36); и еще: *Богъ Отецъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ* (Галат. I, 1). Какъ же, говорятъ, Воскрешенный изъ мертвыхъ можетъ быть подобенъ Воскресившему Его, или единосущенъ съ Нимъ?»

Изъ многихъ возраженій предложили мы сіи немногія, чтобы, по разрѣшеніи оныхъ, безъ труда было можно разумѣть и прочія. Посему обязаны, по возможности, объяснить силу оныхъ.

Если блаженный Павелъ говоритъ, что Отецъ воскресилъ Сына Своего изъ мертвыхъ, то Іоаннъ повѣствуетъ: *рече Іисусъ: разорите церковь сію, и трети денми воздвигну ю. Глаголаше же, присовокупляетъ, о церкви тѣла Своего* (Іоан. II, 19, 21). Изъ сего для внимательныхъ явствуетъ, что, поелику воскресено тѣло, то у Павла сказуется, что воскресенъ изъ мертвыхъ Сынъ, потомучто относящееся къ тѣлу Его сказуется о лицѣ Его. Посему такимъ же образомъ, когда говорится, что Отецъ далъ жизнь

Сыну, разумѣть должно жизнь даруемую плоти. Ибо если Сынъ есть жизнь, то для чего Жизни пріимать жизнь? И если самъ Онъ даетъ обѣтованіе, говоря: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ, и по Мнѣ ирадуютъ, и Азъ животъ вѣчный дамъ имъ, и не погибнутъ во вѣки* (Іоан. X, 27); если Онъ—Божія Премудрость; если Имъ сотворенъ всякій возрастъ,—то почему говорится: *Иисусъ же преспѣваше премудростію и возрастомъ* (Лук. II, 52)? Если Отецъ сотворилъ все чрезъ собственное Слово Свое и чрезъ Сына, то явно, что чрезъ Него же совершилъ и воскресеніе плоти Его; а посему, чрезъ Него же и воскресилъ Его, чрезъ Него даетъ Ему и жизнь. Воскрешается Онъ по плоти, какъ человѣкъ, и пріемлетъ жизнь, какъ человѣкъ, образомъ обрѣтается, якоже человѣкъ (Филип. II, 7); но, какъ Богъ, Самъ воскрешаетъ храмъ Свой и даетъ жизнь плоти Своей.

Если говорить также: *Божже Отецъ святы и слава въ міръ, то въ другомъ мѣстѣ говорить: за нихъ Азъ свящу Себе, да и тѣи священни будутъ воистинну* (Іоан. XVII, 19).

И если говорить: *Божже Мой, Божже Мой, вскую Мя еси оставилъ, то говорить сіе отъ нашего лица; потомучто зракъ раба пріимъ, и въ подобіи челоуѣчествъ бывъ, и образомъ обрѣтается якоже челоуѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя, и проч. (Филип. II, 7); и какъ говорить Исаія: Сей грѣхи наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ* (Исаія LIII, 4). Поэтому, не о Себѣ болѣзнуетъ, но о насъ; не Самъ

Онъ оставленъ Богомъ, но оставлены мы, и ради насъ оставленныхъ пришелъ Онъ въ міръ.

И когда Апостоль говоритъ: *тъмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже наче всякаго имене* (Филип. II, 2).—говорить сіе о храмѣ, то-есть о тѣлѣ Его. Ибо не Вышній возносится, возносится же плоть Вышняго, и плоти Вышняго дарова имя, еже наче всякаго имене. Не Божіе Слово по благодати пріяло тѣ, чтобы именоваться Богомъ; но плоть Его вмѣстѣ съ Нимъ наименована Богомъ. Не сказано: Слово стало Богомъ, но: *Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1), то-есть, всегда былъ Богъ-Слово, и сей самый Богъ содѣлался плотію, чтобы плоть Его содѣлалась Богомъ-Словомъ; какъ и Тома, осязавъ плоть Его, воскликнулъ: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. XX, 26), тѣ и другое именуя вмѣстѣ Богомъ; подобно и Іоаннъ написалъ: *еже бѣ исперва, еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашими, еже узрѣхомъ, и руки наша осязаша о Словеси животнѣмъ* (1 Іоан. I, 1). Изъ сего видно, что во плоти осязаемъ былъ Сынъ и Отчее Слово, и что тѣ и другое въ Божественномъ Писаніи наименовано осязаемымъ Словомъ жизни.

И когда говоритъ: *не у бо бѣ Духъ Святыи, яко Иисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. VII, 39), о плоти Его сказуетъ, *яко не у бѣ прославлена*. Ибо прославляется не Господь славы, но плоть Господа славы; она пріемлетъ славу, съ Нимъ вмѣстѣ восходя на небо. Посему-то и Духъ сыноположенія не былъ еще въ человѣкахъ, потомучто воспріятый отъ насъ на-

чатокъ не восшелъ еще на небо. Посему, какъ-скоро Писаніе говоритъ, что Сынъ пріялъ, что Сынъ прославленъ, говоритъ сіе о Немъ по человѣчеству, а не по Божеству.

И когда Сынъ говоритъ: пославшій Меня Отецъ Мой болій Мене есть (Іоан. XIV, 28), Отца называетъ большимъ Себя, потомучто содѣлался человѣкомъ; а какъ Отчее Слово, равенъ Онъ Отцу. Ибо говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30); и: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9). И не хищеніемъ приобрѣтаетъ, чтобы Ему быть равнымъ съ Отцемъ, но равенъ по естеству и единосущенъ Отцу, потомучто рожденъ отъ Отчей сущности.

И когда Апостоль говоритъ, что во Христѣ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ (Колосс. II, 9), должно понимать, что всяко исполненіе Божества живетъ во плоти Его. И сказавъ: *Иже Своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* (Римлян. VIII, 32), въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *якоже и Христосъ возлюбилъ Церковь, и Себе предаде за ню* (Ефес. V, 25).

Не Себя пришелъ спасти безсмертный Богъ, но умерщвленныхъ; не за Себя пострадалъ, но за насъ; и посему-то воспріялъ на Себя наше уничиженіе и нашу нищету, чтобы даровать намъ богатство Свое. Ибо страданіе Его есть наше избавленіе отъ страданія; смерть Его—наше безсмертіе; слезы Его—наша радость; погребеніе Его—наше воскресеніе; крещеніе Его—наше освященіе. Ибо говоритъ: *за нихъ Азъ*

свящю Себе, да и тѣи будутъ священни воистинну (Іоан. XVII, 19). Язва Его—наше исцѣленіе; ибо язвою Его мы изцѣлѣхомъ (Исаія LIII, 5). Наказаніе Его—нашъ миръ; ибо наказаніе мира нашего на Немъ, т. е. для нашего мира Онъ наказуется. Безславіе Его—наша слава; посему, ради насъ проситъ Онъ славы, говоря: прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самого славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть (Іоан. XVII, 5); ибо въ Немъ прославляемся мы. Сошествіе Его—наше восшествіе, по написанному: и съ Нимъ воскреси, и спосади на небесныхъ во Христъ Иисусъ; и да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ прельзное богатство благодати Своея благостынею на насъ о Христъ Иисусъ (Ефес. II, 6).

И когда говоритъ на крестѣ: Отче, въ руку Твою предаю духъ Мой (Лук. XXIII, 46), въ Себѣ предаетъ Отцу всѣхъ чловѣковъ, въ Немъ оживотворяемыхъ, потомучто они суть члены Его; и сіи многіе члены суть единое тѣло, то-есть Церковь, какъ блаженный Павелъ пишетъ къ Галатамъ: вси бо вы едино есте о Христъ Иисусъ (Галат. III, 28). Посему, въ Себѣ предаетъ всѣхъ.

Такъ и когда говоритъ: Господь созда Мя начало путій Своихъ (Притч. VIII, 22), говоритъ сіе о Церкви, въ Немъ созидаемой; потомучто Творецъ всяческихъ не есть тварь и произведеніе, но въ Творцѣ обновляется тварь, по сказанному Павломъ: Того есмь твореніе, создани во Христъ Иисусъ на дѣла благая (Ефес. II, 10); и какъ еще говоритъ: да

скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковію многоразличная премудрость Божія, по предложенію вѣкъ, еже сотвори о Христвъ Иисусъ Господь нашемъ, о Немже имамы дерзновеніе и приведеніе въ надѣяніи вѣрою Его (Ефес. III, 10—11); и еще: яко избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви, прежде нарекъ насъ во усыновленіе Иисусъ Христомъ въ Него (Ефес. I, 4—5); и также говоритъ о двухъ народахъ: да оба созиждетъ Собою во единого новаго человека, творя миръ: и примиритъ обоихъ во единѣмъ тѣлѣ Божови крестомъ, убивъ вражду на немъ (Ефес. II, 15).

И если говоритъ: что *Мя глаголеши блага?* никтоже *блага*, токмо *единъ Богъ* (Марк. X, 18), то говоритъ сіе Богъ, по плоти Своей и Себя соприсчисляя къ чловѣкамъ, и сообразуясь съ понятіемъ пришедшаго къ Нему; потомучто юноша почиталъ Его простымъ чловѣкомъ, а не Богомъ. И отвѣтъ имѣеть слѣдующій смыслъ: «если почитаешь Меня чловѣкомъ, а не Богомъ, то не называй Меня *благимъ*: ибо никтоже *блага*, потомучто *благость* свойственна не чловѣческому естеству, но Богу». Потомъ присовокупляетъ: *заповѣди вѣси?* Когда же на вопросъ юноши: *какія?* Господь сказалъ: *не прелюбы сотвориши, не убій* и проч., и юноша отвѣтствовалъ, говоря: *сія вся сохранихъ отъ юности моя: что есмь еще не докончалъ?* тогда говоритъ ему: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, елика имаши, и даждь нищымъ, и имѣти имаша сокровище на*

небеси: и возьми крестъ твой, гряди вслѣдъ Мене (Матѣ. XIX, 16—21. Марк. X, 17—21. Лук. XVIII, 18—22). А симъ Господь показалъ, что и Ему свойственна благодать. Ибо кто идетъ вслѣдъ не благаго, тотъ можетъ ли наследоватьъ вѣчную жизнь?

И когда говорить о послѣднемъ днѣ: *никтоже вѣсть, ни Сынъ, токмо Отецъ*, говорить по человѣчеству. Ибо если знаетъ Отца, то какъ не знать Ему послѣдняго дня? *Никтоже знаетъ Отца, говоритъ Онъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Матѣ. XI, 27). И если Духъ Святой знаетъ все Божіе, то какъ Сыну не знать дня, который Имъ сотворенъ? И если Имъ сотворены вѣки и времена, то очевидно, что и послѣдній день включается въ сихъ вѣкахъ и временахъ, и Ему невозможно не знать сего дня.

Посему, всѣ уничижительныя реченія, употребленныя Господомъ, относятся къ Его обнищанію, чтобы мы въ Немъ обогатились, а не хулили по онымъ Сына Божія. И Сынъ Божій для того содѣлался Сыномъ Человѣческимъ, чтобы сыны человѣческіе, то-есть сыны Адамовы, содѣлались сынами Божіими. Ибо Слово неизглаголанно, неизъяснимо, непостижимо, вѣчно рожденное свыше отъ Отца, раждается долу во времени отъ Дѣвы Богородицы Маріи, чтобы рожденные первоначально долу родились вторично свыше, то-есть отъ Бога. Посему, Сынъ единую Матерь имѣетъ на землѣ, а мы имѣемъ единого Отца на небѣ. Посему-то именуетъ Себя Сыномъ Человѣческимъ, что-

бы человѣки именовали Бога Отцемъ на небесахъ. Сказано: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ* (Матѳ. VI, 9). Какъ мы, рабы Божіи, содѣлались сынами Божіими, такъ Владыка рабовъ содѣлался смертнымъ сыномъ собственнаго Своего раба, то-есть Адама, чтобы сыны Адамовы, будучи смертными, содѣлались сынами Божіими, по сказанному: *даде имъ область надомъ Божіимъ быти* (Іоан. I, 12). Посему Сынъ Божій вкушаетъ смерть ради плотскаго отца своего, да сыны человѣческіе пріобщатся жизни Божіей ради Бога Отца своего по духу. Онъ Сынъ Божій по естеству, а мы сыны по благодати. И еще: Онъ и по домостроительству ради насъ содѣлался сыномъ Адамовымъ, а мы сыны Адамовы по естеству. Посему говоритъ: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. XX, 17); потомучто Богъ, какъ сказалъ я выше, есть Отецъ Его по естеству, а нашъ Отецъ по благодати; и Богомъ Ему содѣлался по домостроительству, поколику Самъ Онъ содѣлался человѣкомъ, а намъ Онъ Владыка и Богъ по естеству. И потому Слово-Отчій Сынъ, соединившись съ плотію, плоть бысть и совершенный человѣкъ, да человѣки, соединившись съ Духомъ, содѣлаются единый Духъ. Итакъ, Онъ есть плотоносный Богъ, а мы—духоносные человѣки. Ибо отъ сущности человѣческой, то-есть отъ сѣмени Адамова, пріявъ начатокъ, то-есть *зракъ раба, и въ подобіи чловѣчествѣ бывъ* (Филип. II, 7), даровалъ намъ отъ Отчей сущности начатокъ Святаго Духа,

да содѣлаемся всѣ мы сынами Божиими въ подобіи Сына Божія. Онъ, истинный и по естеству Сынъ Божій, носить въ Себѣ всѣхъ насъ, да всѣ мы носимъ въ себѣ единого Бога.

Нечестиво также утверждать, что Духъ Божій созданъ или сотворенъ, когда всё Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта присоединяетъ Его къ Отцу и Сыну и съ Ними прославляетъ; потомучто Духъ того же Божества, той же власти и сущности, какъ говоритъ Самъ Господь: *вѣруй въ Мя, рѣки отъ чрева его истекуть воды живы. Сіе же рече о Дусѣ, Елюже хотяху примати вѣрующіи въ Него* (Іоан. VII, 38—39); какъ и у Іоіля говоритъ отъ лица Отцаго: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дщери ваша* (Іоил. II, 28). И посему, дунувъ въ лице Апостоламъ, говоритъ: *примите Духъ Святъ* (Іоан. XX, 22), да знаемъ, что отъ полноты Божества дается Духъ ученикамъ; ибо сказано: *во Христѣ, то-есть во плоти Его, живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснъ* (Колосс. II, 9); какъ и Іоаннъ Креститель говоритъ: *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ* (Іоан. I, 16). Въ тѣлесномъ видѣ, то-есть какъ голубъ, явился Духъ Святый, сходящій и пребывающій на Немъ. Въ насъ живетъ начатокъ и залогъ Божества, а во Христѣ—всяко исполненіе Божества. И никто да не подумаетъ, что Христосъ пріялъ, не имѣвъ Его прежде. Ибо Онъ послалъ Духа свыше, какъ Богъ, и Онъ же пріялъ Его долу, какъ человѣкъ. Посему, отъ Него же нис-

ходить на Него Духъ, отъ Божества Его—на чело-
вѣчество Его. И Исаія отъ лица Отчаго вопіетъ, го-
воря: *сине глаголетъ Господь Богъ твой, сотворивый*
тя и создавый тя изъ утробы: не бойся, рабе Мой
Иакове, и возлюбленный Израилю, егоже избрахъ. Яко
Азъ дамъ воду въ жажду ходящимъ въ безвоздннй,
наложу Духъ Мой на стмя твое, и благословенія
Моя на чада твоя (Исаія LXIV, 2—3). Въ Евангеліи
же Сынъ обѣщаетъ дать воду ходящимъ въ жаждѣ,
говоря Самарянкѣ о Святомъ Духѣ: *аще бы вѣдала*
еси даръ Божій, и кто есть Глаголай ти: даждь ми
пити: ты бы просила у Него, и далъ бы ти воду живу
(Іоан. IV, 10); и вскорѣ потомъ говоритъ ей
всякъ нійй отъ воды сея, вжаждется пакы: а иже
нїетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется
во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ
немъ источникъ воды текуція въ животъ вѣчный
(13—14). Посему и Давидъ воспѣваетъ Богу: *яко*
у Тебе источникъ живота, во свѣтъ Твоемъ узримъ
свѣтъ (Псал. XXXV, 10); ибо зналъ онъ сущаго у
Бога Отца Сына—источникъ Святаго Духа. И чрезъ
Іеремію Сынъ говоритъ: *два зла сотвориша людїе*
Мои: Мене оставиша, источника воды живы, и ис-
копаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмо-
гутъ воды содержать (Іер. II, 13). И когда сера-
фимы славословятъ Бога, троекратно взывая: *святъ,*
святъ, святъ Господь Саваоѳъ (Исаія VI, 3), тогда
славословятъ они Отца и Сына и Святаго Духа. По-
сему и крещаемся, какъ во имя Отца и Сына, такъ

и во имя Святаго Духа; и содѣльваемся сынами Бога, а не Боговъ, потомучто Отець, Сынъ и Святыи Духъ—Господь Саваоѣ;—едино Божество и единъ Богъ въ трехъ вѣпостасяхъ. А посему, что у Исаіи сказалъ Отець, то, по словамъ Іоанна, сказалъ Сынъ, а, по словамъ Павла въ Дѣянїяхъ, сказалъ Духъ Святыи. Ибо Исаія говоритъ такъ: *видѣхъ Господа Саваоѣ сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и исполнь домъ славы Его. И серафїми стояху окрестъ Его, шесть крилъ единому и шесть крилъ другому: и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма леташу. И зываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ: исполнь небо и вся земля славы Его (Исаія VI, 1—3);* и вскорѣ потомъ онъ же говоритъ: *слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого пошлю, и кто поидетъ къ людемъ симъ? И рекохъ: се, азъ есмь, посли мя. И рече мнѣ: иди къ людемъ симъ и рцы имъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете: и видяще узрите, и не увидите: одобелъ бо сердце людїи сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежаша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ и обратятся, и изцѣлю я (8—10).* Евангелистъ же Іоаннъ говоритъ: *сею ради не можашу вѣрвати Іудеи во Іисуса, яко рече Исаія, ослѣпи очи ихъ и окаменилъ естъ сердца ихъ: да не когда узрятъ очима, и уразумѣютъ сердцемъ, и обратятся, и изцѣлю ихъ. Сїя же рече Исаія, егда видѣ славу Его (Іоан. XII, 39—41),* то-есть славу Сына; а посему и Сынъ естъ Господь Саваоѣ. Ибо Господь Саваоѣ толкуется: Го-

сподь силъ, а *Господь силъ, Той есть Царь славы*, какъ сказалъ Давидъ (Псал. XXIII, 10); Господь же славы, по словамъ Павла, есть распятый Христосъ (1 Коринѣ. II, 8). И поелику сказалъ Давидъ: *Господь посетъ мя, и ничтоже мя лишитъ* (Псал. XXII, 1); и въ другомъ мѣстѣ: *Пасый Израиля, вонми, Наставляяй яко овца Иосифа: Судяй на херувимъхъ явися* (Псал. LXXIX, 2); въ Евангеліяхъ же говоритъ Сынъ: *Азъ есмь пастырь добрый* (Іоан. X, 14),—то слѣдуетъ, что Онъ есть *судяй на херувимъхъ, пасый Израиля*. А Павелъ въ Дѣянїяхъ говоритъ, что *Духъ Святый глагола Исаіемъ* (Дѣян. XXVIII, 25) то самое, о чемъ сказалъ Исаія: *яко Господь Саваоѣ глагола мнѣ*. Такъ Отецъ и Сынъ и Духъ Святый есть Господь Саваоѣ.

И когда Писаніе говоритъ объ Отцѣ, что Онъ сотворилъ *всяческая, видимая и невидимая* (Колос. I, 10), тогда въ другомъ мѣстѣ то же Писаніе учитъ насъ, что все сотворено чрезъ Сына. И не иное сотворилъ отдѣльно Отецъ, а иное Сынъ; но что творить Отецъ, то творить Онъ собственною Своею силою, которая есть Сынъ, ибо *вся Тьма быша* (Іоан. I, 3). Такъ, когда говоритъ Сынъ: *разорите церковь сію, и трети денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19), говоритъ же это, какъ замѣчено, о тѣлѣ Своемъ,—тогда другое Писаніе говоритъ, что Отецъ воскресилъ Сына Своего изъ мертвыхъ (Галат. I, 1), и говоритъ справедливо, потомучто Словомъ Своимъ и Сыномъ воскресилъ Онъ плоть Сына Своего. Не говоримъ, что тѣло есть Сынъ Божій по естеству; говоримъ же,

что оно есть тѣло Сына Божія. Поэтому, когда воскрешено тѣло, представляется воскрешеннымъ изъ мертвыхъ Сынъ. Поэтому, относительно къ плоти говоримъ, что Сынъ умеръ, и погребенъ, и воскрешенъ изъ мертвыхъ; по духу же Онъ былъ вездѣ, и на небѣ и на землѣ. Итакъ, поелику первоначально богатъ сый, то-есть Богъ, впоследствии содѣлался обнищавшимъ, то-есть человѣкомъ, и уподобился намъ во всемъ, кромѣ грѣха, — то, какъ человѣкъ, пріемлетъ жизнь Тотъ, Кто въ Себѣ имѣетъ жизнь, потому что Самъ есть жизнь, пріемлетъ же ради насъ; какъ человѣкъ, преспѣваетъ премудростію и возрастомъ Тотъ, Кто есть вѣчная Сила Божія и премудрость; какъ человѣкъ, освящается Тотъ, Кто святъ и не имѣетъ нужды въ освященіи; ибо говоритъ: *за нихъ Азъ свящу Себе, да и тѣмъ священи будутъ воистинну* (Іоан. XVII, 19); и какъ человѣкъ, возносится, пріявъ имя, *еже паче всякаго имене*, — имя, которое всегда имѣетъ Онъ по естеству; ибо сказано: *Богъ бѣ Слово*.

Посему, о чемъ говоритъ Писаніе, что Сынъ пріялъ, говоритъ сіе ради тѣла Его; а тѣло сіе есть начатокъ Церкви; ибо сказано: *начатокъ Христосъ* (1 Коринѣ. XV, 23). Поелику же Начатокъ пріялъ имя, *еже паче всякаго имене*, то силою Его совоскрешено и спосаждено и смѣшеніе (1 Коринѣ. V, 7), по сказанному: *съ Нимъ воскреси и спосади* (Ефес. II, 6). Посему-то и люди пріяли благодать именоваться богами и сынами Божіими. Итакъ, Господь сперва воскресилъ изъ мертвыхъ и вознесъ въ Себѣ

тѣло Свое, а потомъ воскрешаетъ и члены тѣла Своего, да имъ, какъ Богъ, даруетъ все, что Самъ пріялъ, какъ человѣкъ. Посему, Самъ Себѣ даруетъ жизнь, Самъ Себя святитъ и Самъ Себя возноситъ. Когда же говорится, что Отецъ освятилъ Его, и воскресилъ Его, и даровалъ Ему имя, *еже наче всякаго имене*, и далъ Ему жизнь,—явно, что чрезъ Него творить все Отецъ: чрезъ Него воскрешаетъ Его, чрезъ Него святитъ Его, чрезъ Него возноситъ Его, чрезъ Него даетъ Ему жизнь. И когда духъ Свой передаетъ въ руки Отца, передаетъ Себя Богу, какъ человѣкъ, да предастъ Богу всѣхъ человѣковъ; потомучто Онъ есть *рука и рука Отца*. И когда говорить: *прежде всѣхъ холмовъ раждаетъ Мя* (Притч. VIII, 25), говорить сіе отъ лица Церкви, которая первоначально создана, а потомъ раждается отъ Бога. Почему, въ притчѣ сперва сказано: *Господь созда Мя* (22), а въ послѣдствіи: *родилъ* (25).

Если Писаніе говоритъ объ Отцѣ: *не Богъ ли единъ созда насъ* (Малах. II, 10), то подобно сему говоритъ и о Сынѣ, *яко Тѣмъ создана быша всяческая* (Колос. I, 16). А то же говорится и о Святомъ Духѣ. *Отымени, сказано, духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся: послещи Духа Твоего, и созиждутся, и обновии лице земли* (Псал. CIII, 29—30).

И если Сынъ объ Отцѣ говоритъ Петру: *блаженъ еси, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, Иже на небесѣхъ* (Матѣ. XVI, 17), то и о Себѣ говоритъ то же самое: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ, и ему-*

же еще воитъ Сынъ открыти (Матѣ. X, 22). А Павелъ подобно сему говоритъ и о Святомъ Духѣ: намъ же Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ: Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія. Кто бо вѣсть отъ чловѣкъ, яже въ чловѣцѣ, точию духъ чловѣка, живущій въ немъ? Такожде и Божія никтоже вѣсть, точию Духъ Божій (1 Коринѣ. II, 10). Посему, какъ духъ въ чловѣкѣ неотдѣлимъ отъ его чловѣчества и сущности, такъ и Духъ въ Богѣ нечуждъ Его Божества и сущности. И если Господь говоритъ у Исаи: сыны родихъ и возвысихъ, тѣи же отвергошася Мене (I, 2), то въ Евангеліи говоритъ Онъ: рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть (Іоан. III, 6); и еще: духъ, идѣже хочетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ и камо идетъ: тако есть всякъ чловѣкъ рожденный отъ Духа (8); а въ началѣ Евангелія Іоаннъ говоритъ: елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти мужескія, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога родишася (I, 12). Поэтому всѣ, рожденные отъ Духа Святаго, рождены отъ Бога; и всѣ, крестившіеся во Христа, крестились во Отца и Святаго Духа.

И еще, когда Петръ говоритъ Ананіи: *почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому и утаити отъ цѣны села? Не чловѣкомъ солгалъ еси, но Богу* (Дѣян. V, 3), — явствуетъ изъ сего, что солгавшій Духу Святому солгалъ Богу, живущему въ чловѣкахъ чрезъ Духа Своего. Ибо гдѣ Духъ

Божій, тамъ Богъ. Сказано: *о семъ разумѣемъ, яко Богъ въ насъ пребываетъ, яко отъ Духа Своего далъ есть намъ* (1 Иоан. IV, 13). И если Писаніе говоритъ, что Духъ Святыи глагола въ пророкахъ, то въ другомъ мѣстѣ сказуетъ блаженный Павелъ, что въ пророкахъ глагола Отець: *многочастнъ и многообразнъ древле Богъ глаголавый Отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днй сихъ глагола намъ въ Сынъ* (Евр. I, 1); а въ другомъ мѣстѣ сказуетъ, что глаголетъ и Сынъ, говоря: *понеже искушенія шцете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Коринѣ. XIII, 3). Сынъ же наименовалъ Духа глаголющимъ въ Апостолахъ: *егда предадутъ вы на соборища, не пецѣтесе, како или что возглаголете: не вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца вашего глаголай въ васъ* (Матѣ. X, 19—20).

И Апостоль иногда говоритъ, что тѣла вѣрующихъ суть храмъ Святаго Духа, а иногда, что члены ихъ суть члены Христовы; иногда же, что они суть храмъ Отца: *вы есте церкви Бога жива, якоже рече Богъ: яко вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тѣмъ будутъ Мнѣ людие* (2 Коринѣ. VI, 16); и: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Коринѣ. III, 17); и еще: *не вѣстѣ ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій Святыи живетъ въ васъ* (16)? Ибо кто храмъ Духа, тотъ храмъ Сына и Отца; гдѣ обитаетъ Духъ Божій, тамъ обитаетъ Богъ. И: *якоже Отець воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, иже хочетъ живитъ* (Иоан. V, 21); а подобно сему говорить и о Духѣ: *Духъ есть, Иже оживляетъ, плоть не*

пользуетъ ничтоже (Іоан. VI, 63); и Павелъ пишетъ къ Коринѣянамъ: *Духъ животворитъ* (2 Коринѣ. III, 6).

Видишь, что дѣла Отчія Писаніе именуеть дѣлами Сына и Святаго Духа, какъ и Апостоль научилъ, говоря: *раздѣленія же дарованій суть, а тойжде Духъ; и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь; и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствующій вся во всѣхъ* (1 Коринѣ. XII, 2). Такъ, сказавъ, что Отець есть дѣйствующій вся во всѣхъ, нѣсколько ниже именуеть Духа Святаго дѣйствующимъ вся во всѣхъ, говоря: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хочетъ* (11).

И если блаженный Павелъ о Святомъ Духѣ учитъ, что Духъ Святыи есть залогъ наслѣдія, то Давидъ наслѣдіемъ именуеть Господа. Ибо говоритъ: *Господь часть достоянія моего и чаша моя* (Псал. XV, 5); и въ другомъ мѣстѣ: *воззвахъ къ Тебѣ, Господи, рѣхъ: Ты еси упованіе мое, часть моя еси на земли живыхъ* (Псал. CXLI, 6); и Іеремія говоритъ: *Создавый вся, Той есть достояніе Іакову, Господь имя Ему* (Іерем. X, 16). Когда же пророки Господа именують наслѣдіемъ святыхъ, тогда Павелъ именуеть наслѣдіемъ Духа Святаго и говоритъ: *въ немже и вѣровавшие знаменастся Духомъ обѣтованія Святымъ, Иже есть обрученіе наслѣдія нашего* (Ефес. I, 13—14); какъ и лице у Моисея, когда пріялъ онъ законъ отъ Бога, было ознаменовано Святымъ Духомъ, и никто изъ сыновъ Израилевыхъ не могъ взирать на него, потомучто на немъ знаменастся свѣтъ лица Господня (Псал. IV, 7), по на-

писанному въ Евангеліи: *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце въ Царствіи Отца ихъ* (Матѳ. XIII, 43). Ибо свѣтъ есть Богъ, а подобно свѣтъ есть и Сынъ, потомучто и Онъ той же сущности истиннаго свѣта, какъ говоритъ Исаія: *и будетъ свѣтъ Израилевъ во огонь, и освятитъ его огнемъ горящимъ* (Исаія X, 17); въ Евангеліи же Іоаннъ Креститель говоритъ о Господѣ: *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. III, 11). Въ другомъ мѣстѣ Писаніе называетъ Господа освящающимъ: *Азъ Господь освящай ихъ* (Левит. XXII, 16). И если Бога именуетъ огнемъ: *Богъ нашъ огонь поядаяй есть* (Евр. XII, 29); то подобно сему и о Духѣ Святомъ говоритъ: *явишася Апостоломъ раздѣлени языцы яко огненни, съде же на единтѣмъ коемждо ихъ, и исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати* (Дѣян. II, 3—4). И всѣ тѣ, которые носятъ въ себѣ Духа Божія, свѣтоносны; а свѣтоносные облечены во Христа; и облекшіеся во Христа облакаются въ Отца, *подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному облещися въ безсмертіе* (1 Коринѳ. XV, 53); носящіе же въ себѣ Духа Божія носятъ въ себѣ нетлѣніе; Богъ же есть нетлѣніе.

И Давидъ, говоря: *мнози глаголютъ: кто явитъ намъ благая* (Псал. IV, 7)?—говоритъ сіе о Святомъ Духѣ. И въ другомъ мѣстѣ сказалъ онъ: *Господь не лишитъ благихъ ходящихъ незлобіемъ* (Псал. LXXXIII, 12). И Матѳеѣй такъ говоритъ объ Отцѣ: *аще убо вы лукави суще, умѣете даянія блага даяти надомъ вашимъ, кольми*

наче Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него (Матѳ. VII, 11)? А Лука, повѣствуя о томъ же самомъ, толкуеть, что значать блага, говоря: *аще убо вы зли суще умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми наче Отецъ, Иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. XI, 13)? Если бы Духъ Святый не былъ отъ сущности единого Благаго, то не былъ бы и наименованъ благомъ, когда Господь, поколику содѣлался человѣкомъ, не позволяетъ называть Себя благимъ, говоря: *что Мя глаголеши блага? никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Марк. X, 18). Духа же Святаго Писаніе не отрекается называть благимъ, согласно съ Давидомъ, который говоритъ: *Духъ Твой благий наставитъ мя на землю праву* (Псал. CXLII, 2, 10).

И еще, если Господь говоритъ о Себѣ: *Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе* (Іоан. VI, 51), то въ другомъ мѣстѣ Святаго Духа именуеть хлѣбомъ небеснымъ, говоря: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ* (Матѳ. VI, 11). Ибо Онъ научилъ насъ въ молитвѣ просить въ нынѣшнемъ вѣкѣ хлѣба насущнаго, то-есть будущаго, начатокъ котораго имѣемъ въ настоящей жизни, причащаясь плоти Господней, какъ Самъ Онъ сказалъ: *хлѣбъ, еюже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра* (Іоан. VI, 51). Ибо плоть Господня есть Духъ животворящій, потому что зачата отъ животворящаго Духа; а рожденное отъ Духа Духъ есть (Іоан. III, 6).

И если Іеремія говоритъ о Богѣ, что Онъ вель Израиля въ пустынь: *и не рекоша, гдѣ есть Господь,*

изведый насъ изъ земли Египетскія, преведый насъ по пустыни (Іер. II, 6), то Исаія о Духѣ Святомъ сказалъ, что Онъ водилъ Израиля въ пустынь. Ибо слышимъ, говоритъ онъ: *проведе ихъ сквозь бездну, якоже коня сквозь пустыню, и не утрудися, и яко скоты по полю, и сниде Духъ отъ Господа и настави ихъ* (Исаія LXIII, 13). Апостоль же пишетъ къ Коринѳянамъ, что путеводителемъ былъ Христосъ: *нѣяку бо отъ духовнаго послѣдующаго камене, камень же бѣ Христосъ* (1 Коринѳ. X, 4).

И если Павелъ говоритъ, что призванъ онъ Богомъ, а именно: *Богъ избравый мя отъ чрева матере моея, и призвавый благодатию Своею явити Сына Своего во мнѣ, да благовѣствую Его во языцехъ* (Гал. I, 15—16), то Римляны именуютъ призванными Христомъ, пиша къ нимъ: *въ нижже есте и вы, званн Иисусу Христу* (Римл. I, 6). А о Павлѣ и Варнавѣ рече Духъ Святыи (Дѣян. XIII, 2), что Имъ призваны благовѣствовать Христа у язычниковъ; и всего удивительнѣе, что Духъ Святыи оказывается пославшимъ Павла и Варнаву проповѣдывать Христа язычникамъ, когда Иисусъ рече Павлу въ Церкви: *иди, яко азъ во языки далече нослю тя* (Дѣян. XXII, 21); и Павелъ пишетъ Галатамъ: *Павелъ Апостоль, ни отъ чловѣкъ, ни чловѣкомъ, но Иисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ воскресившимъ Его изъ мертвыхъ* (Гал. I, 1); и нѣсколько ниже: *скажу же вамъ, братіе, благовѣствованіе сіе, яко нѣсть но чловѣку: ни бо азъ отъ чловѣка пріяхъ е, ниже научихся, но явленіемъ Иисусъ Христовымъ* (11).

И пророки иногда говорятъ отъ лица Отца, какъ на примѣръ въ Псалмахъ говоритъ Богъ: *единою кляхся о святѣмъ Моемъ, аще Давиду солжу: стѣмя его во вѣкъ пребудетъ, и престолъ его яко солнце предо Мною* (Псал. LXXXVIII, 36—37); и еще: *отъ плода чрева твоего посажду на престолъ твоемъ* (Псал. CXXXI, 11), какъ и Петръ сказалъ: *Давидъ пророкъ убо сый, и вѣдый, яко клятвою клятсѣ ему Богъ отъ плода чреслъ его по плоти посадити Христа на престолъ его* (Дѣян. II, 30); а иногда отъ лица Сына, какъ на примѣръ говоритъ Исаія: *такъ глаголетъ Господь: васъ ради присно имя Мое хулитсѣ во языцѣхъ: сего ради познають людіе Мои имя Мое въ той день, яко Азъ есмь Самъ глаголай, ту есмь* (Исаія LII, 5—6); иногда же отъ лица Святаго Духа, какъ на примѣръ говоритъ пророкъ Агавъ: *такъ глаголетъ Духъ Святый: мужа, егоче есть поясъ сей* (Дѣян. XXI, 11); и еще Павелъ пишетъ къ Тимоѳею: *Духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры* (1 Тимоѳ. IV, 1); и также: *рече Духъ къ Филиппу: приступи и прильпнися къ колесницѣ сей, муррина евнуха* (Дѣян. VIII, 29). И пророкъ Іезекіиль, жалуюсь на ветхій народъ, сказалъ: *и опечалили Мя во всѣхъ сихъ, глаголетъ Господь* (Іезек. XVI, 43); а Павелъ къ народу новому пишетъ: *и не оскорбляйте Духа Святаго Божія, Имже знаменастеся въ день избавленія* (Ефес. IV, 30). Давидъ говоритъ объ Іудеяхъ: *и прегорчиша Бога въ пустыни* (Псал. LXXXVII, 40); а Исаія о нихъ же сказалъ: *тѣмъ же не покоришася, и разгнѣваша Духа Святаго, и обратися имъ на вражду* (Исаія

ЛХІІІ, 10); и Стефанъ говоритъ въ Дѣянїяхъ: жестоковѣйшии и необрѣзаннии сердца и уши, вы присно Духу Святому противитесь, якоже отцы ваши (Дѣян. VII, 51).

И Павелъ иногда говоритъ объ Отцѣ: Богъ оправдаяй, кто осуждаяй (Римл. VIII, 33); а подобно то же самое сказуетъ о Сынѣ и о Святомъ Духѣ: но омыстесь, но освятитесь, но оправдайтесь именемъ Господа нашего Иисуса Христа и Духомъ Бога нашего (1 Коринт. VI, 11).

Господь о Себѣ говоритъ сатанѣ: не искушиши Господа Бога твоего (Матѣ. IV, 7); а Петръ сказалъ Сапфирѣ: что яко согласишася искусити Духа Господня (Дѣян. V, 9)?

Богъ все содержитъ и наполняетъ, какъ говоритъ и чрезъ Исаію: небо и землю Я наполняю, глаголетъ Господь; а Павелъ подобно сему пишетъ и о Сынѣ: сшедый, Той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая (Ефес. IV, 10). Давидъ то же говоритъ и о Святомъ Духѣ: камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу (Псал. СXXXVIII, 7)? Сказавъ же: камо пойду отъ Духа Твоего, показавъ онъ намъ, что Святой Духъ наполняетъ все. И отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще възду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси. Но кто сходилъ во адъ кромѣ Сына, возставшаго изъ мертвыхъ?

И если Стефанъ говоритъ въ Дѣянїяхъ: Богъ славы явился отцу нашему Аврааму (Дѣян. VII, 2), то Павелъ то же говоритъ и о Сынѣ: аще бо быша разумѣли, не быша

Господа славы распяли (1 Коринѣ. II, 8); а подобно сему говоритъ и Давидъ: *Господь сила, Той есть Царь славы* (Псал. XXIII, 10). Ибо единая есть слава Отца и Сына и Святаго Духа: *славы Моея*, сказано въ Писаніи, *иному не дамъ* (Исаія XLVIII, 11). И Сынъ— не второй Богъ, но Слово единого и единственнаго Бога, богоглаголемое во Отцѣ, какъ и Отецъ богоглаголется въ Сынѣ. Такъ говоритъ Исаія, со Отцемъ именуя Богомъ и Сына: *и поклонятся Тебѣ, и въ Тебѣ помолятся: яко въ Тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ Тебе. Ты бо еси Богъ, и не вѣдохомъ, Богъ Израилевъ Спасъ. Постыдятся и посрамятся вси противящіися Ему* (Исаія XLV, 14—16). Противятся же Ему исповѣдующіе, что Онъ и Духъ Его одной и той же сущности со Отцемъ, и что нѣтъ Бога кромѣ Его, а также стыдящіеся Его страданій и обнищанія. Ибо никто не можетъ знать Бога, если Распятаго и Воскресшаго изъ мертвыхъ съ Апостоломъ Ѳомою не исповѣдуетъ Господомъ и Богомъ (Іоан. XX, 28). Онъ говоритъ Апостоламъ Своимъ: *аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо: и отсель познасте Его и видѣсте Его. Глагола Ему Філіппъ: Господи, покажи намъ Отца, и довлѣтъ намъ. Глагола Ему Іисусъ: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Філіппе? Видѣвый Меня, видѣ Отца Моего: и како ты глаголеши, покажи намъ Отца? Не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть? Глаголю, яже Азъ глаголю вамъ, о Себѣ не глаголю: Отецъ же Мой во Мнѣ пребывая, Той творитъ дѣла. Вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во Отцѣ*

Моемъ, и Отець во Мнѣ есть: аще ли же ни, за та дѣла вѣру имите Ми (Іоан. XIV, 7—11). Дѣло же Бога Отца изгонять бѣсовъ; а Господь говоритъ, что Духомъ Святымъ изгоняетъ бѣсовъ: *аще ли же Азъ, сказано, о Дусъ Божіи изгоню бѣсы* (Матѳ. XII, 28); и по сказанному у Луки: *аще ли же Азъ о перстѣ Божіи изгоню бѣсы* (Лук. XI, 20). Ибо Писаніе, когда Христа именуеть мышцею Отчею, тогда Духа Святаго называетъ перстомъ Божіимъ; и когда Сына именуеть Словомъ Божіимъ, тогда Святаго Духа называетъ дуновеніемъ Божіимъ.

И еще Апостоль говоритъ: *егда предасть царство Богу и Отцу: егда испразднитъ всяко начальство и всяку власть и силу: подобаетъ бо Ему царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама Своима. Последній же врагъ испразднится смертью. Вся бо покоря подъ нозъ Его, внигда же реши, яко вся покорена суть Ему, явѣ, яко развѣ Покоршаго Ему вся. Егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и Самъ Сынъ покорится Покоршему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во вѣкъ* (1 Коринѳ. XV, 24—28). Сіе говоритъ Апостоль о покорности міра покореннаго во плоти Его. Ибо о Божескомъ царствіи Его Даниль выразился, что *царствію Его не будетъ конца* (Дан. VII, 14); какъ, по сказанію Луки, Ангель Гавріиль сказалъ Дѣвѣ о Господѣ: *и воцарится во вѣки и царствію Его не будетъ конца* (Лук. I, 33). Апостоль же говоритъ, что царствіе Его имѣеть конецъ, сказано: *подобаетъ бо Ему царствовать, дондеже*

положитъ вся враги подъ ногама Своима; подобно сему и Давидъ говоритъ: рече Господь Господеви моему: *сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Псал. СІХ, 1); и словомъ: *сѣди* означаетъ начало; а словами: *дондеже положени будутъ враги Твои*, указываетъ конецъ. *Егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и Самъ Сынъ покорится Покоршему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во встѣхъ*. Это значитъ, когда всѣ мы покоримся Сыну, окажемся членами Его и содѣлаемся въ Немъ сынами Божиими, *вы бо, сказано, едино есте о Христѣ Иисусѣ* (Галат. ІІІ, 28): тогда и Самъ Онъ покорится за насъ Отцу, какъ Глава за членовъ Своихъ. А пока не всѣ еще члены Ему покорены, дотолѣ и Глава ихъ, ожидая членовъ Своихъ, не покорена еще Отцу. А если бы и Онъ былъ единымъ изъ покоряемыхъ, то покорился бы Отцу вначалѣ, а не подъ конецъ совершилъ бы сіе. Ибо мы въ Немъ покоряемся Отцу, мы въ Немъ царствуемъ, пока не положены будутъ враги наши подъ ногами нашими. По причинѣ враговъ нашихъ Владыка небесъ явился въ нашемъ подобіи и пріялъ человѣческой престолъ Давида, отца Своего по плоти, чтобы возсоздать и управить оный; а когда будетъ управленъ и всѣ мы воцаримся въ Немъ, — управленное человѣческое царство предастъ Онъ Отцу, *да будетъ Богъ всяческая во встѣхъ* (1 Коринѣ. XV, 28), и будетъ царствовать чрезъ Него, какъ чрезъ Божіе Слово, царствовавъ чрезъ Него прежде, какъ чрезъ человѣка Спасителя.

И когда Петръ говоритъ: *твердо убо да разумѣеть весь домъ Израилевъ, яко и Господа и Христа Его сотвори́лъ есть Богъ, Сего Иисуса, Еюже вы распяте* (Дѣян. II, 36),—не о Божествѣ Его говоритъ: *яко и Господа и Христа Его сотвори́лъ есть*, но о человѣчествѣ Его, которое есть вся Церковь, въ Немъ господствующая и царствующая по распятіи, и помазуемая на царство небесное, чтобы соцарствовать съ Нимъ, истощившимъ Себя за нее и воспріявшимъ ее чрезъ принятіе рабія зрака. Ибо Сынъ Божій, Божіе Слово всегда былъ Господь и Богъ; и не по распятіи сотворень Господомъ и Христомъ, но какъ сказано прежде, Божество Его сотворило, что человѣчество Его стало Господомъ и Христомъ.

И когда говоритъ: *Отче, аще возможно есть, да мимоидеть отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI, 39): *обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Лук. XXII, 42); и: *духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. XXVI, 41); показываетъ симъ двѣ воли: человѣческую, свойственную плоти, и Божескую, свойственную Богу; и человѣческая, по немощи плоти, отрекается отъ страданія, а Божеская Его воля готова на оное. И какъ Петръ, услышавъ о страданіи, убоялся и сказалъ: *милосердъ Ты, Господи; Господь, же укоряя его, говоритъ: иди за Мною, сатано: соблазнъ Ми еси, яко не мыслиши яже Божія, но человѣческая* (Матѳ. XVI, 23); такъ разумѣется и здѣсь. Въ подобіи *человѣчествѣ бывъ*, отрекается отъ страданія какъ человѣкъ; но какъ Богъ непричастный страданію по Божеской сущности,

съ готовностію пріялъ страданіе и смерть. Посему-то не бѣше мощно держиму быти Ему; потомучто въ подобіи человѣческомъ былъ Богъ, и умирающій по волѣ Своей, и воскрешаемый собственною Своею властію, какъ Богъ, о чемъ говорилъ и Давидъ: *да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его* (Псал. LXVII, 2); и потомъ: *востани, Господи Боже мой, повелѣніемъ имже заповѣдалъ еси, и сонмъ людій обыдетъ Тя: и о томъ на высоту обратися. Господь судитъ людемъ* (Псал. VII, 7—10). Говоритъ же и Апостоль въ другомъ мѣстѣ: *пострадалъ отъ немощи, но живъ есть отъ силы Божія* (2 Коринѣ. XIII, 4). Но сила Божія есть Сынъ, страдавшій отъ немощи, то-есть отъ сопряженія съ плотию, и молившійся объ освобожденіи отъ страданія какъ человѣкъ, но пребывающій живымъ по причинѣ силы Своей.

И если Господь въ Евангеліи отъ Іоанна говоритъ: *се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого истинного Бога и Егоже послалъ еси Іисусъ Хрїста* (Іоанн. XVII, 3),—то сей же Іоаннъ въ другомъ мѣстѣ называетъ Сына истиннымъ Богомъ. Ибо говоритъ: *вѣры, яко Сынъ Божій приде и далъ есть намъ разумъ, да познаемъ Бога истинного и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусъ Хрїстѣ: Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. V, 20). Посему Сынъ—истинный Богъ и прежде нежели содѣлался человѣкомъ, и послѣ того, какъ сталъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ, человѣкомъ Іисусъ Хрїстомъ. Сіе значать слова: *Егоже послалъ еси Іисусъ Хрїста, Который въ едине-*

ніи со Отцемъ по духу, а съ нами по плоти, и такимъ образомъ сталъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ. Одинъ и тотъ же есть не просто человѣкъ, но и Богъ, какъ говоритъ и Іеремія: *Сей Богъ нашъ, не вѣнчнтся инъ къ Нему. Изобръте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку Своему, и Ізраилю возлюбленному отъ Него. Посемъ на земли явися и съ чловѣки поживе* (Варух. III, 36 — 38). Когда же поживе съ чловѣки, не тогда ли, какъ подобно имъ родился отъ жены, былъ младенцемъ, возрасталъ, вкушалъ пищу? И въ другомъ мѣстѣ говоритъ Іеремія: *глубоко сердце Ему паче встѣхъ, и чловѣкъ есть, и кто познаетъ Его* (Іерем. XVII, 9)? А подобно сему и Исаія говоритъ: *яко Отроча родися намъ, и Сынъ дадеся намъ, Егоже началство бысть на рамъ Его: и нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, князь міра, Отецъ будущаго вѣка* (Исаія IX, 6); и въ другомъ мѣстѣ: *се, Дѣва во чревь приметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть казаемо: съ нами Богъ* (Матѣ. I, 23). И такъ, родившійся отъ Дѣвы и содѣлавшійся чловѣкомъ отъ Богородицы Маріи есть Богъ. И еще въ другомъ мѣстѣ говоритъ Исаія: *видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты* (Исаія LIII, 2). Ибо Егоже видѣлъ онъ прежде въ Божескомъ и преславномъ образѣ, сѣдѣщаго на престолѣ высококомъ и превознесенномъ, и словимаго серафимами, которые вzywали: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ* (Исаія VI, 3); а послѣ сего видитъ Его пріявшаго зракъ раба и въ подобіи

человѣческомъ. Потому говоритъ: видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ наче встѣхъ сыновъ человѣческихъ: человекъ въ язву сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь, яко отвратися лице Его, безчестно бысть, и не вмѣнися. Сей болѣзни наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ, и мы вмѣнихомъ Его быти въ трудъ, и въ язву, и во озлобленіи. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша (Исаія LIII, 2—5); и въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Немъ: се, Богъ нашъ судъ воздаетъ, и воздастъ. Той приидетъ и спасетъ насъ. Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ. Тогда скочитъ хромый яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гуннвыхъ (Исаія XXXV, 4 — 5); и еще въ другомъ мѣстѣ: не Ангелъ, ниже ходатай, но Самъ Господь спасе насъ (Исаія LXIII, 9). А Давидъ говоритъ: мати Сіонъ речетъ: человекъ и человекъ родися въ немъ: и Той основа ѿ Вышній (Псал. LXXXVI, 5). Ибо Сей Человѣкъ, родившійся въ Сіонѣ, есть Самъ Вышній, какъ говоритъ Давидъ въ другомъ псалмѣ: и да познаютъ, яко имя Тебѣ Господь, Ты единъ Вышній по всей земли (Псал. LXXXII, 19).

Сіе же написали мы отчасти, да не ктому, какъ сказалъ Апостоль, бываемъ младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи чловѣчестый, въ коварствѣ козней лщенія (Ефес. IV, 14).

На аріанъ слово третіе ¹⁾.

Аріане, какъ видно, однажды рѣшившись быть отступниками и противниками истины, упорно домогаются, чтобы къ нимъ относилось написанное: *егда придетъ нечестивый во глубину золь, не радитъ* (Притч. XVIII, 3). Обличаемые не успокоятся, приведенные въ затрудненіе не чувствуютъ стыда, но какъ *мице жены блудницы*, не хотятъ *постыдѣтися ко всѣмъ* (Іерем. III, 3) въ своихъ нечестіяхъ. Поелику изреченія, которыя выставляютъ они на видъ: *Господь созда Мя* (Притч. VIII, 22), и: *лучшій бывъ Ангеловъ* (Евр. I, 4), и: *первородный* (Римлян. VIII, 29), и: *вѣрна суща Сотворшему Ею* (Евр. III, 2), имѣютъ правый смыслъ, и показываютъ благочестивое вѣрованіе во Христа, — то они (не знаю, почему), снова, какъ напоенные

¹⁾ Въ третьемъ словѣ противъ аріанъ, св. Аѳанасій показываетъ единство сущности Божественной въ Отцѣ и Сынѣ, основывая это ученіе на словахъ Самого Іисуса Христа (Іоан. X, 30—38; XIV, 9). Потомъ онъ рѣшаетъ возраженія аріанъ противъ единенія Отца и Сына по сущности ихъ. Такъ-какъ въ этомъ словѣ имѣются въ виду почти всѣ возраженія аріанъ, то это слово можно назвать послѣднимъ, или полнѣйшимъ выраженіемъ богословствующаго ума св. Аѳанасія въ защиту божественнаго достоинства Іисуса Христа. Въ особенности же достойно вниманія то, что св. Аѳанасій обстоятельно раскрываетъ ученіе о божествѣ и чело-вѣчествѣ Іисуса Христа, подробно рассматривая при этомъ мѣста Св. Писанія, въ которыхъ изображаются дѣйствія человѣческой и божеской природы Іисуса Христа, съ опроверженіемъ аріанскихъ опытовъ толкованія этихъ мѣстъ. Сущность этого ученія о Словѣ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Во 1-хъ Онъ всегда былъ Богомъ, и есть Сынъ, будучи Словомъ, сіяніемъ и Премудростію Отца; и во 2-хъ Онъ, для насъ воспріявши плоть отъ Дѣвы Маріи, содѣлался чело-вѣкомъ».

зміннымъ ядомъ, не видя того, что должно видѣть, не понимая того, что читаютъ, изрыгнувъ изъ глубины нечестиваго сердца своего, начали уже порицать сказанное Господомъ: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоан. XIV, 10), говоря: «какъ можетъ вмѣщаться и Сынъ во Отца, и Отецъ въ Сынъ? Или вообще, какъ можетъ Отецъ, Который больше, вмѣщаться въ Сынъ, Который меньше? Или что удивительнаго, если Сынъ во Отца, когда и о насъ написано: *въ Немъ живемъ, движемся и есмь*» (Дѣян. XVII, 28)?

Они впадаютъ въ сіе вслѣдствіе своего злоумія, думая, что Богъ есть тѣло, и не понимая, что такое истинный Отецъ и истинный Сынъ, что такое невидимый и вѣчный свѣтъ и невидимое сіяніе Его, что такое невидимая Упостась и безплотный образъ. А если бы знали, то не стали бы осмѣивать и хулить Господа славы, и безплотное понимая тѣлесно, перетолковывать сказанное въ добромъ значеніи. Слыша сіе, достаточно было бы знать, что говоритъ Господь, и вѣровать; ибо вѣра въ простотѣ лучше излишнихъ словопреній. Но поелику вознамѣрились они къ утвержденію своей ереси ругаться и надъ симъ, то необходимо обличить ихъ злоуміе и для огражденія вѣрныхъ показать истинный смыслъ.

Слова: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ есть*, не означаютъ, какъ думаютъ еретики, будто бы Они одинъ въ другаго перемѣщаются, подобно пустымъ сосудамъ наполняемые другъ другомъ, такъ-что Сынъ наполняетъ пустоту въ Отца, а Отецъ наполняетъ пустоту

въ Сынѣ, каждый же изъ Нихъ неполонъ и несовершенъ. Ибо сіе свойственно тѣламъ, потому даже и говорить это совершенно нечестиво. Отецъ полонъ и совершенъ, и Сынъ есть полнота Божества. И еще, Богъ въ Сынѣ не такъ, какъ бываетъ Онъ во святыхъ, сообщая имъ крѣпость; потомучто Сынъ есть Отчая сила и Премудрость. Существа созданныя освящаются Духомъ чрезъ общеніе съ Сыномъ; а Самъ Сынъ не по причастію Сынъ, но есть собственное рожденіе Отца. И еще, не въ такомъ смыслѣ Сынъ во Отцѣ, въ какомъ мы въ *Немъ живемъ и движемся и есмь*; потомучто Сынъ есть какъ изъ источника, изъ Отца льющаяся жизнь, которою все животворится и существуетъ. А жизнь живетъ не другою жизнію, иначе не была бы она и жизнь; напротивъ же того, Самъ Сынъ все рождаетъ въ жизнь.

Посмотримъ же, что говоритъ защитникъ ереси, софистъ Астерій; ибо онъ, соревнуя въ этомъ Іудеямъ, написалъ слѣдующее: «явно, что и Себя наименовалъ во Отцѣ, и также Отца въ Себѣ, означая тѣмъ, что и слово, Имъ преподаваемое, есть не Его, но Отчее, и дѣла суть не Его собственныя, но Отца, давшего Ему силу». Но если бы сказалъ сіе просто отрокъ, то было бы ему извинительно по возрасту. Поелику же написавшій это есть, такъ называемый, софистъ, возвѣщающій о себѣ, что знаетъ все,—то какого достоинъ онъ осужденія? И не показываетъ ли себя чуждымъ Апостолу, превозносясь *препрътельными словами премудрости* (1 Коринѳ. II. 4) и думая, что

можетъ обольстить ими, когда самъ не понимаетъ, что говорить и о чемъ спорить? Что Сынъ наименовалъ свойственнымъ и приличнымъ одному Сыну, какъ Слово и Премудрости и образу Отчей сущности, то Астерій относитъ ко всѣмъ тварямъ и дѣлаетъ общимъ и Сыну и тварямъ. Сей беззаконникъ говоритъ о силѣ Отца, будто бы она пріемлетъ въ себя силу, чтобы, по своему злочестію, можно было съ послѣдовательностію сказать ему, что Сынъ усыновленъ въ Сынѣ, и Слово пріяло власть слова. И онъ не хочетъ еще согласиться, что сіе сказано Сыномъ, какъ Сыномъ, но и Его, какъ пріемлющаго и научившагося сему, ставитъ въ одинъ рядъ со всѣми созданіями.

Если Спаситель сказалъ: *Азъ во Отца, и Отець во Мнѣ*, не потому, что произнесенныя Имъ слова суть слова Сына, но потому, что это суть слова и дѣла Отца,—то и Давидъ говоритъ: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ* (Псал. LXXXIV, 9); и Соломонъ: *моя словеса рекошася отъ Бога* (Притч. XXXI, 1). И Моисей былъ служителемъ словесъ, изреченныхъ Богомъ; и каждый пророкъ говорилъ не отъ себя, но отъ Бога: *сице глаголетъ Господь*; и дѣла, какія совершали святые, называли они не своими, но приписывали Богу, подавшему силу. Такъ Ілія и Елисей призывали Бога, чтобы Онъ воскресилъ мертвецовъ. Нееману, очистивъ его отъ проказы, говоритъ Елисей: *да разумѣешь, что есть Богъ во Израилѣ*; и самъ Самуиль во дни жатвы молился Богу, чтобы далъ дождь; и Апостолы говорили, что творять знаменія

не своею силою, но по благодати Господа. Изъ всего явствуетъ, что сіе изреченіе могло бы для всѣхъ быть общимъ, и каждый, подобно Спасителю, могъ бы сказать: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*. И потому, уже не одинъ Онъ есть Сынъ, Слово и Премудрость, а только въ числѣ многихъ. Но если бы въ такомъ смыслѣ говорилъ Господь, то надлежало бы Ему сказать не такъ: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*, но лучше: и Я во Отцѣ, также Отецъ и во Мнѣ, чтобы показывало сіе не собственное и исключительное отношеніе Его ко Отцу, какъ Сына, но общую Ему со всѣми благодать. Но не такъ сказано, какъ думаютъ еретики. Не признавая, что Онъ есть преискренній Сынъ отъ Отца, клеветуютъ они напреискренняго Сына, Которому одному приличествуетъ о Себѣ сказать: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*. Сынъ во Отцѣ, сколько сіе можно постигать; потомучто всецѣлое бытіе Сына собственно принадлежитъ Отчей сущности; Сынъ отъ Отца, какъ сіяніе отъ свѣта, какъ потокъ изъ источника. Посему, кто видитъ Сына, тотъ видитъ и представляетъ собственно принадлежащее Отцу. Такъ, бытіе Сына, будучи отъ Отца, и есть во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ. Ибо что собственно отъ Отца, то есть Сынъ. Онъ въ Сынѣ, какъ въ сіяніи солнце, какъ въ словѣ умъ, какъ въ потокѣ источникъ. Такимъ образомъ, кто видитъ Сына, тотъ видитъ и представляетъ собственно принадлежащее Отчей сущности; потомучто Отецъ въ Сынѣ. Поелику бытіе Сына есть Отчій образъ и Отчее Божество, то слѣдуетъ, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ.

Поэтому, Спаситель справедливо, сказавъ прежде: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30), присовокупилъ: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*, чтобы показать тождество Божества и единство сущности. Они едино не въ томъ смыслѣ, что оно раздѣлено на двѣ части, которыя изъ себя составляютъ одно, и не въ томъ смыслѣ, что одно поименовано дважды, такъ-что одинъ и тотъ же иногда есть Отецъ, а иногда Сынъ Самого Себя; такъ думавшій Савеллій признанъ еретикомъ. Напротивъ того, два суть по числу, потомучто Отецъ есть Отецъ, и не Онъ же есть Сынъ, и Сынъ есть Сынъ, и не Онъ же есть Отецъ; но естество одно, потомучто рожденіе не неподобно Родившему, и есть Его образъ, и все, что принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну. Поэтому, Сынъ есть не другой Богъ, ибо не совнѣ примышленъ. Иначе, безъ сомнѣнія, было бы много боговъ, если бы примышлено было чуждое Божество, кромѣ Божества Отцаго. Если Сынъ есть иное, какъ рожденіе, то Онъ то же самое, какъ Богъ. Онъ и Отецъ суть едино, какъ сказано, по свойственности и сродственности естества и по тождеству одинаго Божества. Ибо и сіяніе есть свѣтъ, а не второе что по солнцѣ, не иной свѣтъ, не свѣтъ по причастію свѣта, но всецѣлое собственное его порожденіе. Таковое же порожденіе по необходимости есть единый свѣтъ, и никто не скажетъ, что суть два свѣта; но хотя солнце и сіяніе суть два, однакоже одинъ отъ солнца свѣтъ, въ сіяніи свѣтящій повсюду. Такъ и Божество Сына есть Божество Отца, а по-

тому оно и нераздѣльно; и такимъ образомъ, единъ Богъ, и нѣтъ инаго кромѣ Его.

Поелику Они едино, и Божество одно и то же, то, кромѣ наименованія: Отецъ, то же самое сказуется о Сынѣ, что сказуется объ Отцѣ; такъ на примѣръ, Сынъ именуется Богомъ: *и Богъ бѣ Слово; Вседержителемъ: сія глаголетъ Иже бѣ, и сый, и грядый, Вседержитель* (Апок. I, 8); Господомъ: *единъ Господь Иисусъ Христосъ* (1 Коринѣ. VIII, 6). Говорится, что Сынъ есть свѣтъ: *Азъ есмь свѣтъ* (Іоан. VIII, 12); —изглаждаетъ грѣхи: *но да увѣсте, сказано, яко власть имать Сынъ Человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Лук. V, 24). А найдешь и многое иное. Ибо Самъ Сынъ говоритъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI, 15), *и Моя Твоя суть* (Іоан. XVII, 10). Кто слышитъ, что собственное Отцу сказуется о Сынѣ, тотъ и чрезъ сіе узритъ Отца въ Сынѣ; узритъ же и Сына во Отцѣ, когда сказуемое о Сынѣ сказуется также и объ Отцѣ. Почему же о Сынѣ сказуется собственное Отцу? Не потому ли, что Сынъ есть Отчее рожденіе? Почему же и собственное Сыну принадлежитъ Отцу? Не потому ли опять, что Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности? Будучи же собственнымъ рожденіемъ Отчей сущности, Сынъ справедливо именуется Своимъ принадлежащее Отцу.

Посему, прилично и согласно съ сказаннымъ: *Азъ и Отецъ едино есма, присовокупилъ: да разумѣете, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть, а прежде сего сказалъ еще: видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9).

И въ сихъ трехъ изреченіяхъ одинъ и тотъ же смыслъ. Такимъ образомъ, кто уразумѣлъ, что Сынъ и Отецъ едино суть, тотъ знаетъ, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ, потомучто Божество Сына есть Божество Отца, и Оно то же въ Сынѣ. И кто постигъ сіе, тотъ вѣруеть, что *видѣвый Сына видѣ Отца*, потомучто въ Сынѣ созерцается Божество Отца.

Сіе же ближе иной можетъ усмотрѣть въ подобіи царскаго изображенія; потомучто въ изображеніи есть видъ и образъ царя, а въ царѣ есть видъ представленнаго въ изображеніи; представленное въ изображеніи подобіе царя неотлично отъ него; почему, кто смотритъ на изображеніе, тотъ видитъ въ немъ царя, и наоборотъ, кто смотритъ на царя, тотъ узнаеть, что онъ представленъ въ изображеніи. А по сему безразличію подобія, желающему послѣ изображенія видѣть царя изображеніе можетъ сказать: «я и царь—одно и то же; я въ немъ, и онъ во мнѣ. Что видишь во мнѣ, то усмотришь и въ немъ; и что видѣлъ ты въ немъ, то усмотришь во мнѣ». Посему, кто поклоняется изображенію, тотъ поклоняется въ немъ царю, потомучто изображеніе есть его образъ и видъ. Такъ, поелику Сынъ есть образъ Отца, то необходимо представлять себѣ, что Божество Отца и свойственное Ему есть бытіе Сына, и Сынъ есть всецѣлый Богъ. Посему, равень будучи Богу, *не восхищеніемъ нещевы быти равень Богу* (Филиппис. II, 6).

И еще, поелику Божество и образъ Сына принадлежатъ не иному кому, но Отцу, то сіе и значить

сказанное: *Азъ во Отца*. Такъ, *Богъ бѣ во Христѣ миръ примиряя Себѣ* (2 Коринѣ. V, 19). Ибо Сынъ есть собственность Отчей сущности, въ Немъ тварь примиряется съ Богомъ. Такъ, что совершилъ Сынъ, все то есть дѣла Отца. Ибо Сынъ есть образъ Отчаго Божества, Которое совершило дѣла. Такъ, кто взираетъ на Сына, тотъ видитъ Отца; ибо въ Отчемъ Божествѣ и есть и созерцается Сынъ, и Отчій образъ въ Сынѣ показываетъ въ Немъ Отца, и, такимъ образомъ, Отецъ въ Сынѣ. А свойственное Отцу и Божество въ Сынѣ показываетъ Сына въ Отцѣ и то, что Сынъ всегда неотдѣленъ отъ Отца. И кто сказуемое объ Отцѣ слышитъ или видитъ, какъ сказуемое также и о Сынѣ, не въ томъ смыслѣ, что по благодати, или по причастію, привзошло сіе въ сущность Сына, но въ томъ, что самое бытіе Сына есть собственное рожденіе Отчей сущности, тотъ, по замѣченному выше, хорошо пойметъ сказанное: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*; и: *Азъ и Отецъ едино есма*. Сынъ таковъ же, каковъ и Отецъ, потомучто имѣетъ все, что свойственно Отцу, потому и подразумѣвается съ именемъ Отца; никто не наименоуетъ Отцемъ, когда нѣтъ Сына. Называющій Бога Творцемъ не означаетъ симъ непременно и сотвореннаго, потомучто Творецъ прежде тварей; но кто именуетъ Бога Отцемъ, тотъ вмѣстѣ со Отцемъ даетъ разумѣть и о существованіи Сына. Посему, кто вѣруетъ въ Сына, тотъ вѣруетъ во Отца, потомучто вѣруетъ въ свойственное Отчей сущности. И такимъ образомъ, одна есть вѣра во единого Бога.

Кто поклоняется Сыну и чтитъ Его, тотъ въ Сынѣ поклоняется Отцу и чтитъ Отца, потомучто Божество едино. Посему, единая честь и единое поклоненіе, именно то, которое въ Сынѣ, и чрезъ Него воздается Отцу; и поклоняющійся такъ поклоняется единому Богу; потомучто Богъ единъ, и нѣтъ инаго кромѣ Его.

Посему, когда одинъ Отецъ именуется Богомъ, и говорится, что Богъ единъ: *Азъ есмь, и нѣсть Богъ развѣ Мене* (Второз. XXXII, 39), и: *Азъ первый и Азъ и послѣдній* (Исаія XLIV, 6),—тогда говорится сіе прекрасно; потомучто единъ есть Богъ, единственный и первый. Но говорится сіе не въ отрицаніе Сына. Да не будетъ сего. Ибо и Онъ въ единомъ, и первомъ и единственномъ, какъ единственное Слово единого и перваго и единственнаго, Его Премудрость и сіяніе. Но и Самъ Онъ есть первый и исполненіе перваго и единого Божества, всецѣлый и совершенный Богъ. Слѣдовательно, не ради Его говорится сіе, но показываетъ, что нѣтъ другаго такого же, каковъ Отецъ, и каково Его Слово. И этотъ смыслъ пророческихъ словъ всѣмъ явенъ и очевиденъ.

Но нечестивые, и сіе выставляя на видъ, хулятъ Господа и насъ укоряютъ, говоря: «вотъ Богъ называется единымъ, единственнымъ и первымъ; какъ же говорите вы, что Сынъ есть Богъ? Если бы и Сынъ былъ Богъ, то не сказалъ бы Самъ Богъ: Я единственный, или: Богъ есть единъ». Посему, необходимо, сколько можно, объяснить смыслъ и сихъ изре-

ченій, чтобы и изъ этого всѣ уразумѣли, что аріане подлинно богоборцы.

Ежели у Сына есть соперничество со Отцемъ, то пусть слышать такія слова. Или, если, какъ Давидъ выслушалъ объ Адоніи и Авессаломѣ, такъ и Отецъ взираетъ на Сына, — то пусть Самъ къ Себѣ говоритъ и произноситъ такія слова, чтобы Сынъ, именуя Себя Богомъ, не отвлекъ иныхъ отъ Отца. Если же кто знаетъ Сына, тотъ лучше знаетъ Отца, потому что Самъ Сынъ открываетъ ему Отца; и онъ, какъ сказано, лучше узритъ Отца въ Словѣ; Сынъ же, пришедши, прославлялъ не Себя, но Отца, когда говорилъ приступльшему къ Нему: *что Мя глаголеши блага? Никтоже блага, токмо единъ Богъ* (Матѳ. XIX, 17), и вопросившему: *кая заповѣдь болшии есть въ законѣ* (Матѳ. XXII, 36) отвѣчалъ: *слыши, Израилю, Господь Богъ вашъ Господь единъ есть* (Марк. XII, 29); и народу говорилъ: *снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. VI, 38), и учениковъ училъ: *Отецъ Мой болій Мене есть* (Іоан. XIV, 28), и: *кто чтитъ Меня, чтитъ Пославшаго Меня* (Іоан. V, 23); если, говорю, Сынъ таковъ къ Своему Отцу: то какое противленіе между Ними, чтобы изъ подобныхъ изреченій выводить такое подозрѣніе? Съ другой стороны, если Сынъ есть Отчее Слово, то у кого, кромѣ христорборцевъ, станетъ безразсудства думать, что Богъ изглаголалъ такое слово въ оклеветаніе и отрицаніе Слова Своего? Это не христіанская мысль. Да не будетъ сего! Не ради Сына написано

сіе, но въ низложеніе измышленныхъ людьми лжеименныхъ боговъ. И сей смыслъ таковыхъ реченій имѣетъ основательную причину. Поелику преданные лжеименнымъ богамъ уклоняются отъ Бога истиннаго, то, какъ благій и благопопечительный о людяхъ, Богъ, взывая къ заблудшимъ, говоритъ: *Азъ есмь Богъ единъ, и: Азъ есмь, и нѣсть Богъ развѣ Мене* (Второз. XXXII, 39), и подобными сему словами, чтобы посрамить не сущее, всѣхъ же обратитъ къ Себѣ. И какъ, если бы кто среди дня и при сіяніи солнца написалъ просто дерево, неимѣющее въ себѣ призрака свѣта, и сказалъ бы, что сіе изображеніе есть причина свѣта; солнце же, смотря на сіе, скажетъ: «я одно составляю дневный свѣтъ, и нѣтъ другаго дневнаго свѣта кромѣ меня»,—то оно скажетъ сіе, имѣя въ виду не свое сіяніе, но обманъ, производимый изображеніемъ дерева и несходствомъ пустаго начертанія. Такъ и изреченія: *Азъ есмь, и: Азъ есмь Богъ единъ, и нѣсть развѣ Мене* сказаны для отвращенія людей отъ боговъ лжеименныхъ и въ наученіе ихъ познать наконецъ истиннаго Бога. Безъ сомнѣнія, Богъ, говоря сіе, изрекъ чрезъ Слово Свое, развѣ нынѣшніе Іудеи присовокупятъ и тѣ, что не чрезъ Слово глаголаеъ Богъ. Но хотя и бѣснуются сіи чада діавола, — такъ сказано въ Писаніи. Ибо слово Господне было къ пророку, и онъ слышалъ это. Если же Господне было Слово, и чрезъ Слово изрекъ сіе Господь,—а что говоритъ и дѣлаетъ Богъ, не иначе говоритъ и дѣлаетъ, какъ въ Словѣ,—то ко-

нечно, богоборцы, не ради Его сказано сіе, но по причинѣ чуждыхъ и не сущихъ отъ Него. Ибо и по сказанному выше подобію, если бы солнце произнесло означенныя прежде слова, то, не внѣ имѣя свое сіяніе, но въ сіяніи являя свѣтъ свой, стало бы отличать заблужденіе и говорить сказанное. Слѣдовательно, не въ отрицаніе Сына, и не ради Его употреблены таковыя изреченія, но въ низложеніе лжи.

Богъ не говорилъ такихъ словъ вначалѣ Адаму, хотя съ Нимъ было Слово, Которымъ вся быша. Тогда не было нужды, потомучто не было идоловъ. Когда же люди возстали противъ истины и наименовали себѣ, какихъ хотѣли, боговъ, тогда настала нужда въ подобныхъ реченіяхъ къ низложенію не сущихъ боговъ. А я бы присовокупилъ: подобныя изреченія напередъ сказаны, и къ вразумленію безразсудства христорборцевъ, что вымышляемый ими внѣ Отчей сущности богъ не есть истинный, не есть образъ и сынъ единственнаго и перваго Бога. Посему, если Отецъ именуется единственнымъ истиннымъ Богомъ, то говорится сіе не въ отрицаніе Того, Кто сказалъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6), но опять въ отверженіе неимѣющихъ качествъ быть истинными, какъ Отецъ и какъ Слово Его. Ибо и Самъ Господь непосредственно присовокупилъ: *и Еноже послалъ еси Исусъ Христа* (Іоан. XVII, 3). А если бы Онъ былъ тварь, то не присоединилъ и не причислилъ бы Себя къ Сотворшему Его. Ибо какое общеніе у истиннаго съ неистиннымъ? Теперь же

присоединивъ Себя къ Отцу, показалъ тѣмъ, что Отчаго Онъ естества, и далъ намъ разумѣть, что истинное Онъ рожденіе истиннаго Отца. Сіе уразумѣвъ, и Іоаннъ научилъ насъ, пиша въ посланіи: *и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. V, 20). И поелику о твари пророкъ говоритъ: *прострый единъ небо* (Іов. IX, 8), и Самъ Богъ: *Азъ распрострохъ небо единъ* (Исаія XLIV, 24), то всякому сдѣлалось явно, что реченіемъ *единъ* означается и Слово Единого, *Имже вся быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 3). Итакъ, если тварь пришла въ бытіе Словомъ, Богъ же говоритъ: *Азъ единъ*, то вмѣстѣ съ Единымъ разумѣется и Сынъ; Имъ сотворено и небо. Такъ, если говорится: *единъ Богъ, и Азъ единъ, и Азъ первый*, то и Слово разумѣется соприсущимъ въ единомъ, единственномъ и первомъ, какъ сіяніе во свѣтѣ. Сіе же не можетъ быть разумѣемо объ иномъ комъ, кромѣ единого Слова, потомучто все прочее изъ ничего произведено Сыномъ и далеко отстоитъ по природѣ. А Самъ Сынъ по естеству отъ Отца и есть истинное рожденіе.

Поэтому, изреченіе: *Азъ первый*, которое сіи неразумные думали представить въ защиту своей ереси, обличаетъ болѣе ихъ злоуміе. Богъ говоритъ: *Азъ первый, и Азъ по сихъ*. Итакъ, если, какъ соприсчисляемый къ послѣдующимъ за Нимъ тварямъ, именуется первымъ изъ нихъ, и потому твари суть вторыя по Немъ,—то, по мнѣнію вашему, и Самъ Онъ будетъ пре-

восходить тварей только однимъ временемъ. А сіе одно уже выше всякаго нечестія. Если въ означеніе того, что Онъ не отъ кого-либо другаго, что ничего нѣтъ прежде Его, что Самъ Онъ есть начало и вина всего, и въ опроверженіе Еллинскихъ басенъ сказалъ: *Азъ первый*, — то явно, что при наименованіи Сына первороднымъ, не по причинѣ сопричисленія Его къ твари называется Онъ первороднымъ, но въ показаніе того, что всѣ созидаются и усыновляются чрезъ Сына. Ибо какъ Отецъ есть первый, такъ и Сынъ, поколику Онъ — образъ перваго и первый въ Немъ пребываетъ, есть первый же, но и рожденіе отъ Отца, и о Немъ всякая тварь созируется и усыновляется.

Но еретики готовы и на сіе возражать своими баснотворными вымыслами, говоря: «не въ томъ смыслѣ Сынъ и Отецъ суть едино и подобны одинъ другому, въ какомъ проповѣдуетъ сіе Церковь, но въ какомъ намъ это угодно». Ибо говорятъ: «поелику, чего хочетъ Отецъ, того же хочетъ и Сынъ, и не противорѣчитъ Отцу и въ велѣніяхъ и въ сужденіяхъ, напротивъ же того, во всемъ съ Нимъ согласенъ, соблюдая тождество велѣній и преподавая ученіе сообразное и тѣсно соединенное съ ученіемъ Отца, — то въ томъ смыслѣ Онъ и Отецъ едино суть». И сіе нѣкоторые изъ еретиковъ осмѣлились не только говорить, но и писать. Но можно ли что сказать болѣе несообразное и неразумное? Ибо, если по сей причинѣ Сынъ и Отецъ суть едино, и въ этомъ только

смыслѣ Слово подобно Отцу, то слѣдуетъ, что и Ангелы и иныя высшія насъ существа, начала, власти, престолы, господства, даже видимыя твари, солнце, луна и звѣзды, подобно Сыну, суть также сыны, и о нихъ должно сказать, что они и Отецъ едино суть, и каждое изъ существъ сихъ есть образъ Божій и Слово Божіе. Ибо, чего хочетъ Богъ, того же хотятъ и они, не разногласятъ ни въ сужденіяхъ, ни въ велѣніяхъ, но во всемъ покорны Сотворившему. Они не пребыли бы въ своей славѣ, если бы и сами не желали того, чего хочетъ Отецъ. И тому, кто не пребылъ въ семъ согласіи, но пренебрегъ онымъ, сказано: *како спаде съ небесе денница восходящая завтра* (Исаія XIV, 12)? Въ такомъ же случаѣ, почему сей одинъ есть единородный Сынъ, и Слово, и Премудрость? И почему, при такомъ множествѣ подобныхъ Отцу, Онъ одинъ есть образъ? Ибо и изъ людей найдутся многіе подобныя Отцу; много мучениковъ, а прежде нихъ были пророки и Апостолы, и еще прежде сихъ патріархи. Многіе и нынѣ соблюли заповѣдь Спасителеву, содѣлавшись милосердыми, *якоже Отецъ, Иже на небесахъ* (Лук. VI, 36), и сохранили сказанное: *бывайте убо подражателе Богу, якоже чада возлюбленная; и ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ* (Ефес. V, 1—2). Многіе содѣлались подобными Павлу, какъ и онъ Христу (1 Коринѣ. IV, 16). Однакоже, никто изъ нихъ не есть ни Слово, ни Премудрость, ни единородный Сынъ, ни образъ; никто изъ нихъ не

дерзнулъ сказать: *Азъ и Отецъ едино есма*, или: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ есть*. Напротивъ того, о всѣхъ сказано: *кто подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ, Господи* (Псал. LXXXVI, 8)? Или: *кто уподобится Господеву въ сыновѣхъ Божіихъ* (Псал. LXXXVIII, 7)? О Немъ же говорится, что одинъ Сынъ есть истинный и по естеству образъ Отчий. Если и мы созданы по образу, именуемся *образомъ и славою Божіею* (1 Коринѣ. XI, 7), то опять сію благодать званія имѣемъ не сами по себѣ, но потому, что въ насъ обитаетъ образъ Божій и истинная слава Божія, то-есть Слово Божіе, ради насъ содѣлавшееся на послѣдокъ плотию. Поелику и такое мудрованіе еретиковъ оказывается неприличнымъ и неразумнымъ, то необходимо подобіе и единство относить къ самой сущности Сына. Если же понимать не въ томъ смыслѣ, то окажется, по сказанному, что Сынъ ничѣмъ не преимуществуетъ предъ тварями, и Онъ не будетъ подобенъ Отцу, уподобится же велѣніямъ Отца, и отличенъ будетъ отъ Отца, потому что Отецъ есть Отецъ, а велѣнія и ученіе суть Отцевы. Посему, если Сынъ подобенъ Отцу только по велѣніямъ и ученію, то, по словамъ ихъ, Отецъ будетъ Отцемъ только по имени, а Сынъ не будетъ неразличнымъ образомъ, лучше же сказать, окажется вовсе неимѣющимъ какого-либо свойства или подобія со Отцемъ. Ибо какое подобіе и свойство у того, кто отличенъ отъ Отца? И Павелъ, который учитъ подобно Спасителю, не подобенъ Ему по сущности. Посему еретики, мудрствуя такъ, обманываются.

Сынъ и Отецъ едино суть въ томъ смыслѣ, какъ это сказано. Сынъ подобенъ Отцу и отъ Самого Отца, какъ только можно разумѣть и представлять себѣ Сына въ отношеніи къ Отцу, какъ можно разумѣть сіяніе въ отношеніи къ солнцу. Поелику таково бытіе Сына, то, когда дѣлаетъ Сынъ, дѣлающій есть и Отецъ, и когда Сынъ приходитъ къ святымъ, приходящій въ Сынѣ есть Отецъ, какъ Самъ Онъ возвѣстилъ, говоря: *придемъ Азъ и Отецъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Ибо въ образѣ созерцается Отецъ, въ сіяніи пребываетъ свѣтъ. Посему, какъ сказали мы нѣсколько выше, когда Отецъ даетъ благодать и миръ, даетъ ихъ и Сынъ, какъ выражаетъ это Павелъ, пиша во всякомъ посланіи: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Ибо одна и та же благодать, подаваемая отъ Отца въ Сынѣ, какъ одинъ свѣтъ въ солнцѣ и сіяніи, и солнце свѣтитъ посредствомъ сіянія. Такъ опять, молясь о Ѳессалоникійцахъ и говоря: *Самъ же Богъ и Отецъ нашъ, и Господь нашъ Иисусъ Христосъ, да исправитъ путь нашъ къ вамъ* (1 Солун. III, 11), Павелъ соблюлъ единство Отца и Сына. Ибо не сказалъ: *да исправятъ*, какъ о двоякой благодати, подаваемой двоими, но: *да исправитъ*, желая показать, что Отецъ подаетъ благодать чрезъ Сына. Злочестивые еретики, хотя могли бы при семъ почувствовать стыдъ, но не хотятъ. Если бы не было единства, если Слово не собственное рожденіе отъ Отчей сущности, какъ сіяніе отъ свѣта, и Сынъ естествомъ

далекъ отъ Отца, — то было бы достаточно одного Отца, чтобы подавать благодать, не приобщая въ даруемомъ къ Сотворшему ни одной изъ тварей. Теперь же таковое даяніе показываетъ единство Отца и Сына. Никто не станетъ молиться о пріятіи чего-либо отъ Отца и отъ Ангеловъ, или отъ какой-нибудь другой твари, никто не скажетъ: да подастъ тебѣ Богъ и Ангель, но просить и Отца и Сына по причинѣ единства и одинаго даянія. Ибо даруемое дается чрезъ Сына, и что ни дѣлаетъ Отець, все дѣлаетъ чрезъ Сына. Потому и приемиющій имѣетъ несомнѣнную благодать.

Если же патріархъ Іаковъ, благословляя внуковъ Ефрема и Манассію, сказалъ: *Богъ, Иже питаетъ мя измлада даже до дне сего, Ангель, Иже мя избавляетъ отъ встьхъ золь, да благословитъ дѣтмица сія* (Быт. XLVIII, 15—16), — то къ сотворшему ихъ Богу присовокупилъ не одного изъ сотворенныхъ и по естеству сущихъ Ангеловъ, и не у Ангела просилъ благословенія внукамъ, оставивъ питающаго его Бога, но сказавъ: *Иже мя избавляетъ отъ встьхъ золь*, показалъ тѣмъ, что это есть не сотворенный какой Ангель, но Божіе Слово, Которому молился онъ совокупно со Отцемъ, и чрезъ Котораго Богъ избавляетъ, кого хочетъ. Зная, что Онъ именуется и Ангеломъ великаго совѣта Отчаго, Его, а не другаго кого, нарекъ благословляющимъ и избавляющимъ отъ золь. Не того желалъ онъ, чтобы его самого благословилъ Богъ, а внуковъ Ангель; но Кого самъ призывалъ, говоря: *не пишу Тебе, аще не благо-*

словими мене (Быт. ХХІІ, 26), а это былъ Богъ, какъ говоритъ самъ Іаковъ: *видѣхъ Бога лицемъ къ лицу* (30),—Того же умолялъ благословить и сыновъ Іосифовыхъ. Ангелу свойственно служить Божію повелѣнію; неоднократно Ангелъ предшествуетъ народу Божію, чтобы изгнать Аморея, и посылается охранять народъ на пути; но и это не его есть дѣло, но повелѣвавшаго ему и пославшаго его Бога, Который одинъ можетъ избавлять, кого восхощетъ избавить. Посему, не иной кто, но Самъ явившійся Господь Богъ сказалъ Іакову: *се азъ есмь съ тобою, сохраняяй тя на всякомъ пути, имже аще пойдеши* (Быт. ХХVІІІ, 15); опять не иной кто, но явившійся Богъ воспрепятствовалъ Лаванову злоумышленію, повелѣвъ Лавану, *да не возлагаетъ ко Іакову зла* (Быт. ХХХІ, 24), и самъ Іаковъ не иного кого, но Бога призывалъ, говоря: *изми мя отъ руки брата моего Исаа, яко боюся его* (Быт. ХХХІІ, 11), и бесѣдуя съ женами, говорилъ: *не даде Богъ Лавану зла сотворити мнѣ* (Быт. ХХХІ, 7). Посему и Давидъ не иного кого, но Бога умолялъ объ избавленіи: *къ Тебѣ, Господи, внемда скорбѣти ми, воззвахъ, и услышалъ мя еси. Господи, избави душу мою отъ устенъ неправедныхъ и отъ языка льстива* (Псал. СХІХ, 1—2). Ему восписуя благодареніе, *глагола слова пѣсни въ семнадцатомъ псалмѣ въ день, въ онъже избави его Господь отъ руки всѣхъ врагъ его, и изъ руки Саула, и рече: возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя, Господь утверждене мое, и приближище мое, и Избавитель мой* (Псал. ХVІІ, 1—3).

И Павелъ, претерпѣвъ многія гоненія, не иного кого, но Бога благодарилъ, говоря: отъ всего избавилъ меня Господь, *и избавитъ, на-Нъже уповахомъ* (2 Коринѣ. I, 10). Не иной кто, но Богъ благословилъ Авраама и Исаака. И Исаакъ, молясь объ Иаковѣ, сказалъ: *Богъ мой да благословитъ тя, и возраститъ тя, и умножитъ тя: и будеши въ собранія языковъ, и да дастъ тебѣ благословеніе Авраама отца моего* (Быт. XXVIII, 3—4). Если же благословлять и избавлять принадлежитъ не иному кому, но Богу, и избавляющій Иакова былъ не иной кто, но Самъ Господь, патріархъ же призывалъ на внуковъ избавляющаго его самого,—то явно, что въ молитвѣ не иного кого присоединилъ онъ къ Богу, но Слово Его, Которое посему назвалъ и Ангеломъ, потомучто Оно одно открываетъ намъ Отца.

Сіе же сдѣлалъ и Апостоль, говоря: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Ибо въ такомъ случаѣ и благословеніе было надежно по нераздѣльности Сына со Отцемъ, и потому, что даруемая благодать есть одна и та же. Хотя даетъ Отецъ, но даруется чрезъ Сына. Хотя Сынъ именуется дарствующимъ, но чрезъ Сына и въ Сынѣ подаетъ Отецъ. *Благодарю*, говоритъ Апостоль въ посланіи къ Коринѣянамъ, *Бога моего всегда о васъ, о благодати Божіей, данный вамъ о Христѣ Иисусѣ* (1 Коринѣ. I, 4). Сіе же самое можно видѣть въ свѣтѣ и сіяніи. Чтò освѣщаетъ свѣтъ, тò озаряетъ сіяніе; и чтò озаряетъ сіяніе, тò есть освѣщеніе самого свѣта. Такъ и когда видимъ Сынѣ, видимъ и Отецъ, потомучто

Сынъ есть Отчее сіяніе. И такимъ образомъ, Отець и Сынъ едино суть.

Но сего никто не скажетъ о созданныхъ вещахъ и о тваряхъ. Когда дѣлаетъ Отець, не дѣлаетъ того же кто-нибудь изъ Ангеловъ, или иная какая тварь; ни одна изъ тварей не есть творящая причина, но всѣ онѣ въ числѣ созданныхъ. Сверхъ того, онѣ отдѣлены и далеки отъ Единого, инаковы съ Нимъ по естеству, и сами будучи дѣла, не могутъ дѣлать того, что дѣлаетъ Богъ, не могутъ, какъ сказалъ я прежде, содарствовать, когда дарствуетъ Богъ. Взпрая на Ангела, никто не скажетъ, что видѣлъ Отца. Ибо Ангелы, какъ написано, *суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми* (Евр. I, 14), и о дарахъ, подаваемыхъ отъ Бога Словомъ, возвѣщаютъ пріемлющимъ. И самъ явившійся Ангель исповѣдаетъ о себѣ, что посланъ онъ Владыкою; такъ, Гавріиль Захаріи и Богородицѣ Маріи самъ сіе исповѣдалъ. Кто видитъ явленіе Ангеловъ, тотъ знаетъ, что видитъ Ангела, а не Бога. Захарія видѣлъ Ангела, а Исаія видѣлъ Господа. Маное, отецъ Сампсоновъ, видѣлъ Ангела, а Моисей зрѣлъ Бога. Гедeonъ видѣлъ Ангела, Аврааму же явился Богъ. И кто видѣлъ Бога, тотъ не говорилъ, что видѣлъ Ангела; а кто видѣлъ Ангела, тотъ не думалъ, что видѣлъ Бога. Ибо много, или лучше сказать, совершенно по естеству различны созданныя существа съ сотворившимъ ихъ Богомъ.

Если же иногда при явленіи Ангела видѣвшій слышалъ гласъ Божій, какъ было при купинѣ, *ибо*

явися Ангелъ Господень въ пламени огненнѣ изъ купины, и воззва Господь Моисею изъ купины, глаголя: Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, Богъ Исаиковъ, и Богъ Иаковъ (Исх. III, 2, 4, 6): то не Ангелъ былъ Богъ Авраамовъ, но въ Ангелѣ былъ глаголющій Богъ; и хотя видимъ былъ Ангелъ, но глагола въ немъ Богъ. Ибо какъ въ облачномъ столпѣ глагола въ Моисею въ скинии, такъ и въ Ангелахъ является Онъ глаголющимъ. Такъ и Навину глагола Онъ чрезъ Ангела.

Но что глаголетъ Богъ, то, какъ извѣстно, глаголетъ чрезъ Слово, а не чрезъ иного кого. И что дѣлаетъ Слово, которое неотлучно отъ Отца, не неподобно и не чуждо Отчей сущности, то суть дѣла Отца; и Слово со Отцемъ единое совершаетъ дѣло. И что даетъ Сынъ, то есть Отчее даяніе. И кто видѣлъ Сына, тотъ знаетъ, что видѣлъ Его, видѣлъ не Ангела, и не существо высшее Ангеловъ, не какую-либо тварь, но Самого Отца. И кто слышитъ Слово, тотъ знаетъ, что слышитъ Отца, какъ и озаряемый сіяніемъ знаетъ, что освѣщается солнцемъ.

И Божественное Писаніе, желая, чтобы такъ разумѣли мы, представило намъ, о чемъ говорили мы и прежде, такія подобія, которыми могли бы мы и пристыдить предателей Іудеевъ, и отразить обвиненіе Еллиновъ, когда они говорятъ и думаютъ, будто бы въ ученіи о Троицѣ и мы признаемъ многихъ боговъ. Ибо, какъ показываютъ самыя подобія, не вводимъ мы трехъ началъ, или трехъ отцевъ, какъ послѣ-

дователи Маркіона и манихеи. Не трехъ солнцевъ представляемъ образъ, но солнце и сіяніе, и одинъ свѣтъ отъ солнца въ сіяніи. Такъ знаемъ единое начало, и говоримъ, что зиждительное Слово имѣеть не иной какій образъ Божества, но Божество единого Бога, потомучто рождено отъ Бога.

Посему, аріане гораздо справедливѣе могутъ быть обвиняемы въ многобожіи или безбожіи, потомучто суесловятъ, будто Сынъ есть тварь отънѣ, и Духъ изъ ничего. Ибо говорятъ, что Слово—не Богъ, или, и называя Его Богомъ, по причинѣ написаннаго, но не собственно принадлежащимъ Отчей сущности, по разнородности Отца и Сына, вводятъ многихъ боговъ, если только не осмѣливаются утверждать, что и Слово нарицается Богомъ по причастію, въ какомъ смыслѣ и все можетъ быть такъ названо. Но и такъ думая, равно нечествуютъ, говоря, что Слово есть одна изъ всѣхъ тварей. А намъ и на умъ никогда не приходило сего. Ибо одинъ видъ Божества, который есть и въ Словѣ, и одинъ Богъ Отецъ самосуцій, потомучто Онъ *надъ встѣмъ* (Римлян. IX, 5), являющійся въ Сынѣ, потомучто *пронизаетъ чрезъ всяческая* (Прем. VII, 24), и въ Духѣ, потомучто во всѣхъ дѣйствуетъ о Немъ чрезъ Слово. Такъ исповѣдуя Троицу, исповѣдуемъ единого Бога и гораздо благочестивѣе разсуждаемъ о Богѣ, нежели еретики, признающіе многовидное и многочастное Божество; потомучто признаемъ единое въ Троицѣ Божество. Ибо если не такъ, на-противъ того, Слово изъ не сущихъ, есть тварь и

произведеніе, то Оно или не есть Богъ истинный, потомучто есть одна изъ тварей; или, если еретики, постыждаемые Писаніемъ, называютъ Его Богомъ, то по необходимости должны именовать двухъ боговъ,—одного Творца, другаго же сотвореннаго, и служить двумъ господамъ,—одному Несозданному, другому же созданному и твари, имѣть двѣ вѣры,—одну въ истиннаго Бога, другую же въ сотвореннаго, или вымышленнаго и наименованнаго Богомъ. А слѣпотствуя такимъ образомъ, по необходимости должны, когда поклоняются Несозданному, презирать созданнаго, а когда приступаютъ къ твари, отвращаться отъ Творца. Ибо невозможно видѣть одного въ другомъ; потомучто чужды и различны между собою ихъ естества и дѣйствія. А такъ думающіе непременно сочетаваютъ во едино многихъ боговъ: къ сему ведетъ начинаніе отпадающихъ отъ единого Бога.

Почему же аріане, такъ рассуждая и представляя, не причисляютъ себя къ язычникамъ? Ибо, какъ тѣ, такъ и они, служатъ твари паче сотворившаго всяческая Бога. Хотя избѣгаютъ они именованія язычниками для обольщенія несмысленныхъ, однакоже въ тайнѣ содержатъ мысль, подобную языческой. Ибо и мудрое это изреченіе, обыкновенно ими употребляемое: «не именуемъ двухъ несозданныхъ», употребляютъ, повидимому, для обольщенія простодушныхъ. Говоря: «не именуемъ двухъ несозданныхъ», именуютъ двухъ боговъ, и боговъ, имѣющихъ различныя естества: одного имѣющаго естество создан-

ное, а другаго—несозданное. Если язычники служатъ одному Несозданному и многимъ созданнымъ, они же одному Несозданному и одному созданному: то и въ такомъ случаѣ не различаются отъ язычниковъ, потомучто именуемый у нихъ созданнымъ есть одинъ изъ многихъ созданныхъ, а также и многіе языческіе боги съ симъ однимъ имѣють то же естество; и сей одинъ и тѣ суть твари. Жалки еретики, тѣмъ болѣе, что сами себѣ вредять, мудрствуя противъ Христа; отпали они отъ истины и, отрицаясь отъ Христа, превзошли Іудеевъ въ предательствѣ, погрязаютъ же вмѣстѣ съ язычниками сіи богоненавистники, служа твари и различнымъ богамъ.

Единъ есть Богъ, а не многіе, и едино есть Слово Божіе, а не многія. Богъ есть Слово. Оно одно имѣеть Отчее видѣніе. Симъ-то будучи видѣніемъ, Самъ Спаситель постыждаетъ Іудеевъ, говоря: *Пославый Мя Отець Самъ свидѣтельствова о Мнѣ. Ни гласа Его ни гдѣже слышасте, ни видѣнія Его видѣсте: и словесе Его не имате пребывающа въ васъ, зане, Егже Той посла, Сему вы вѣры не емлете* (Іоан. V, 37—38). Прекрасно къ Слово присовокупилъ видѣніе, показывая симъ, что Само Слово Божіе есть изображеніе и образъ и видѣніе Отца Своего, и что Іудеи, непринявшіе Глаголавшаго сіе, не приняли Слова, то-есть Божія видѣнія. Сіе-то видѣніе патріархъ Іаковъ узрѣвъ, былъ благословленъ, и вмѣсто Іакова нареченъ отъ Него Израилемъ, какъ свидѣтельствуеть Божественное Писаніе, говоря: *возсія же ему солнце, егда преиде видѣ*

Божій (Быт. XXII, 31). Но видѣ сей былъ Тотъ, Кто говоритъ: *видѣвый Мене видѣ Отца, и: Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ; и: Азъ и Отецъ едино есма.* Такъ единъ есть Богъ, и одна вѣра въ Отца и Сына. И поелику Слово есть Богъ, то опять *Господь Богъ нашъ Господь единъ есть* (Второзак. VI, 4), потомучто Онъ есть собственный и нераздѣльный Сынъ по свойственности и сродству сущности.

Но, непостыждаемые и симъ, ариане говорятъ: «Не какъ вы говорите, но какъ намъ хочется. Поелику отвергли вы прежніе наши вымыслы, то нашли мы новый, и утверждаемъ: въ такомъ же смыслѣ Сынъ и Отецъ суть едино, Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ во Отцѣ, въ какомъ и мы можемъ быть въ Немъ. Сіе написано въ Евангеліи отъ Іоанна, сего Христосъ желалъ и для насъ, говоря: *Отче Святыи, соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино якоже и Мы* (Іоан. XVII, 11); и еще чрезъ нѣсколько словъ: *не о сихъ молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ Насъ едино будутъ: да и міръ вѣру иметъ, яко Ты Мя послалъ еси. И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмы: Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси* (20 — 23)». Потомъ сіи хитрецы, какъ-бы нашедши предлогъ, присовокупляютъ сіе: «Если какъ мы во Отцѣ бываемъ едино, такъ Онъ и Отецъ едино суть, такъ и Онъ есть во Отцѣ,—то

почему же по сказанному Имъ: *Азъ и Отець едино есма,* и: *Азъ во Отцѣ, и Отець во Мнѣ,* называетъ Его собственно принадлежащимъ и подобнымъ Отчей сущности? Необходимо, или и намъ быть собственно принадлежащими Отчей сущности, или и Ему быть чуждымъ, какъ чужды мы».

. Такъ неразумительно суесловятъ еретики. А я не вижу въ такомъ ихъ злоуміи ничего инаго, кромѣ неразумной дерзости и діавольскаго високоумія: потому что и они, подобно діаволу, говорятъ: на небо взыдемъ, будемъ подобны Вышнему. Что раздается людямъ по благодати, то хотятъ они сравнять съ Божествомъ Дарующаго. Слыша, что люди называются сынами, возмнили, что и сами они равны истинному по естеству Сыну. И теперъ опять слыша отъ Спасителя: *да будутъ едино, якоже и Мы,* сами себя вводятъ въ обманъ, дерзко мечтаютъ, что и они также будутъ въ Богѣ, какъ Сынъ во Отцѣ и Отець въ Сынѣ, не примѣчая того, что отъ такого самоумнѣнія палъ отецъ ихъ діаволь. Ежели, какъ говорили мы неоднократно, Слово Божіе есть то же, что и мы, и ничѣмъ не отличается отъ насъ, какъ только временемъ: то пусть будетъ Оно подобно намъ, пусть у Отца имѣетъ то же мѣсто, какое имѣемъ и мы; пусть не называется ни единокорнымъ, ни единымъ Словомъ, ни Отчею Премудростію, но пусть будетъ имя сіе общимъ у Него со всѣми нами, подобными другъ другу. Ибо у тѣхъ, у которыхъ естество одно, справедливо быть общему имени, хотя и различаются

между собою по времени. Адамъ—человѣкъ, и Павелъ—человѣкъ; и нынѣ рождающійся—также человекъ, и время не измѣняетъ естества рода. Поэтому, если Слово отличается отъ насъ только временемъ, то и намъ должно быть такими же, каково Слово. Но мы—не Слово или Премудрость, и Оно—не тварь или произведеніе. Ибо почему всѣ мы произошли отъ одного, а Оно одно есть Слово? Но если еретикамъ прилично говорить такія рѣчи, то намъ неприлично и мыслию касаться ихъ хулы. И хотя не слѣдовало бы даже входить въ какое-либо разсмотрѣніе представленныхъ изреченій, при такомъ ясномъ и благочестномъ ихъ смыслѣ и правой нашей вѣрѣ,—однакоже, чтобы еретики и въ семъ оказались злочестивыми, самымъ симъ изреченіемъ, какъ научились отъ отцевъ, кратко обличимъ ихъ неправославіе.

Въ Писаніи нерѣдко предметы естественные представляются людямъ въ образъ и примѣръ. И это для того, чтобы изъ естественнаго виднѣе были произвольныя движенія въ людяхъ. И такимъ образомъ, показывается или дурный, или правдивый, человѣческій нравъ. Такъ, дурные нравы имѣетъ въ виду, если заповѣдуетъ: *не будите яко конь и мекъ, имже нѣсть разума* (Псал. XXXI, 9); или когда, укоряя сдѣлавшихся таковыми, говоритъ: *человѣкъ въ чести съи не разумъ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13); и еще: *кони женонестовни сотворишася* (Іерем. V, 8). И Спаситель, показывая, каковъ Иродъ, сказалъ: *рыте лису тому* (Лук. XIII, 32);

и Апостоламъ заповѣдалъ: *се, посылаю васъ яко овцы посредъ волковъ: будите убо мудри яко змія, и щли яко голубіе* (Матѳ. X, 16). Сказалъ же сіе не съ тѣмъ, чтобы мы по природѣ сдѣлались подобными скотамъ, стали зміями, или голубями (не такими сотворилъ Онъ насъ, посему и природа не допускаетъ сего), но съ тѣмъ, чтобы избѣгали мы неразумныхъ стремленій, зная же мудрость змія, не вдавались въ его обманъ, и присвоили себѣ кротость голубя. Въ разсужденіи же Божественнаго, представляя опять людямъ образы, Спаситель говоритъ: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ, Иже на небесахъ, милосердъ есть* (Лук. VI, 36); и: *будите вы совершенни, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть* (Матѳ. V, 48). Сказалъ же сіе не для того опять, чтобы стали мы такими же, каковъ Отецъ, потомучто намъ тварямъ, изъ ничего приведеннымъ въ бытіе, невозможно сдѣлаться такими же, каковъ Отецъ; напротивъ того, какъ заповѣдалъ: *не будите яко конь* не съ тѣмъ, чтобы не сдѣлались мы скотами, но чтобы не подражали ихъ неразумію, — такъ сказалъ: *будите милосерди якоже Отецъ* не съ тѣмъ, чтобы стали мы такими же, каковъ Отецъ, но чтобы, взирая на Его благодѣянія, когда дѣлаемъ что доброе, дѣлали не ради людей, но ради Его, ожидая награды отъ Него, а не отъ людей. Какъ, хотя одинъ есть Сынъ по естеству, истинный и едиnorodный, но и мы дѣлаемся сынами, не Ему подобно, не по естеству и не въ дѣйствительности, но по благодати Призвавшаго; и, будучи земными

людьми, именуемся богами, не такими, каковъ Богъ и каково истинное Слово Его, но какъ восхотѣлъ даровавшей се Богъ: такъ подобно Богу дѣлаемся милосердыми, не приходя чрезъ се въ равенство съ Богомъ, не дѣлаясь по естеству и истинными благодѣтелями—потомучто благодѣтельствовать—не наше, но Божіе изобрѣтеніе,—но, поколику совершаемое по благодати для насъ Самимъ Богомъ дѣлаемъ мы общимъ и для другихъ, не разсуждая, но просто на всѣхъ простирая благотворительность. Симъ только, а не инымъ образомъ, можемъ и мы содѣлаться нѣсколько подражателями Бога, потомучто даруемымъ отъ Него услуживаемъ другъ другу.

Но какъ хорошо и правильно понимаемъ се, такъ читаемое въ Евангеліи отъ Іоанна мѣсто имѣетъ тотъ же смыслъ. Ибо не сказано: какъ Сынъ во Отцѣ, такъ да будемъ и мы. И возможно ли се, когда Онъ есть Божіе Слово и Божія Премудрость, а мы созданы изъ земли; Онъ по естеству и сущности есть Слово и истинный Богъ (такъ говоритъ Іоаннъ: *въмы, яко Сынъ Божій прииде и далъ есть намъ разумъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истиннѣмъ, въ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. V, 20), а мы по усыновленію и благодати чрезъ Него дѣлаемся сынами, приобщаясь Его Духа (ибо сказано: *елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, върующымъ во имя Его* (Іоан. I, 12)? Посему, Онъ есть истина, Самъ о Себѣ свидѣтельствуя: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6),

что подтвердилъ и бесѣдуя со Отцемъ Своимъ: *святѣ ихъ во истину Твою: Слово Твое истина есть* (Іоан. XVII, 17); а мы по подражанію дѣлаемся добродѣтельными и сынами. Итакъ, Спаситель сказалъ: *да будутъ едино якоже и Мы* (Іоан. XVII, 22), не для того, чтобы содѣлались мы такими же, каковъ Онъ, но чтобы, какъ Онъ, будучи Словомъ, пребываетъ во Отцѣ Своемъ, такъ и мы, взирая на Него и у Него заимствуя нѣкоторый образъ, стали едино другъ съ другомъ по единомудушію и единству духа, и не разногласили подобно Коринѣянамъ, но мудрствовали одно и то же, подобно упоминаемымъ въ Дѣянїяхъ пяти тысячамъ, которые всѣ были какъ одинъ человѣкъ (Дѣян. IV, 32). Будемъ какъ сыны, а не какъ Сынъ, и боги, но не каковъ Самъ Онъ, и милосерды какъ Отецъ, но не каковъ Отецъ, а какъ сказано, содѣлавшись едино, якоже Отецъ и Сынъ; не въ такомъ смыслѣ будемъ едино, въ какомъ по естеству Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ во Отцѣ, но въ какомъ сообразно сіе съ нашимъ естествомъ, въ какомъ возможно для насъ сообразовать себя съ этимъ и научиться, какъ должны мы стать едино, подобно тому, какъ научились быть милосердыми; потомучто обыкновенно въ единенїи бывають подобное съ подобнымъ, и всякая плоть входитъ въ единенїе по роду. Слово намъ не подобно, но подобно Отцу; поэтому, Оно по естеству и въ дѣйствительности есть едино со Отцемъ Своимъ, а мы, будучи однородны другъ съ другомъ, потомучто всѣ произошли отъ одного, и у всѣхъ людей одна природа,

дѣлаемся другъ съ другомъ едино по расположенію, имѣя для себя образцемъ естественное единеніе Сына со Отцемъ. Какъ кротости училъ Онъ Своимъ примѣромъ, говоря: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. XI, 29), не для того, чтобы сравнились мы съ Нимъ (сіе невозможно), но чтобы, взирая на Него, пребывали всегда кроткими,— такъ и здѣсь, желая, чтобы имѣли мы истинное, твердое и нерасторгаемое благорасположеніе другъ къ другу, беретъ примѣръ съ Себя и говоритъ: *«да будутъ едино, якоже и Мы. А единство Наше нераздѣльно; посему и они, познавъ въ Насъ нераздѣльное естество, да сохраняютъ также взаимное между собою согласіе»*. Люди же, какъ сказано, безопаснѣе подражаютъ тому, что заимствуется изъ естества, потому что сіе пребываетъ одинаковымъ и никогда не измѣняется, человѣческій же нравъ измѣнчивъ и, только взирая на неизмѣняемое по естеству, можетъ избѣгать худаго и сообразовать себя съ лучшимъ. И такимъ образомъ, сказанное: *да и ти въ Насъ едино будутъ* (Іоан. XVII, 21), имѣетъ правильный смыслъ.

Если бы намъ возможно было содѣлаться тѣмъ, что Сынъ во Отцѣ, то надлежало бы сказать: и ти въ Тебѣ едино да будутъ, какъ Сынъ во Отцѣ. Теперь же не сказалъ сего, а говоря: въ Насъ, показалъ разстояніе и различіе, а именно, что Онъ единый есть въ единомъ Отцѣ, какъ единое Слово и Премудрость, мы же—въ Сынѣ и чрезъ Сына во Отцѣ. Но говоря сіе, не иное что даль разумѣть,

какъ слѣдующее: «Нашимъ единствомъ *и тѣмъ* да содѣлаются едино другъ съ другомъ такъ же, какъ Мы едино по естеству и въ дѣйствительности: иначе, не содѣлаются едино, если не научатся единству въ Насъ». А что реченіе: *въ Насъ* имѣетъ сіе значеніе, послушай Павла, который говоритъ: *сія же преобразихъ на себе и Аполлоса, да отъ насъ научитесь не паче написанныхъ мудрствовати* (1 Коринѣ. IV, 6). И такъ, реченіе: *въ Насъ* не значитъ: *во Отца*, какъ Сынъ во Отца, но есть только примѣръ и образъ, и употреблено вмѣсто словъ: да научатся отъ Насъ. Какъ Павелъ для Коринѣянъ, такъ и единство Сына и Отца для всѣхъ служить образцемъ и урокомъ, изъ котораго, взирая на естественное единство Отца и Сына, люди могутъ научиться, какъ и они должны въ образѣ мыслей содѣлаться едино другъ съ другомъ.

Если же въ разсужденіи сего изреченія должно защищаться и инымъ образомъ, то можно еще сказать, что реченіе: *въ Насъ* равнозначительно словамъ: силою Отца и Сына да будутъ едино, говоря то же самое, потому что безъ Бога невозможно стать едино. И сіе опять можно найти и въ Божественномъ словѣ, напримѣръ: *о Бозѣ сотворимъ силу* (Псал. LIX, 14); и: *Богомъ преиду стѣну* (Псал. XVII, 30); и: *о Тебѣ враги наша избодемъ роги* (Псал. XLIII, 6). И такъ, явно, что о имени Отца и Сына можемъ содѣлаться едино, возымѣть твердый союзъ любви. Ибо, ту же опять мысль распространяя, Господь говоритъ: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже и Мы.*

Весьма прилично и здѣсь не сказалъ: да будутъ въ Тебѣ, какъ и Я въ Тебѣ, но говорить: *якоже и Мы*. А говоря: *якоже*, показываетъ въ сказанномъ не тождество, но образъ и примѣръ. Посему, Слово по-длинно и истинно имѣетъ тождество естества со Отцемъ; а намъ, какъ сказано, возможно только подражать. Ибо немедленно присовокупилъ: *Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино*. Здѣсь Господь проситъ уже для насъ чего-то бѣльшаго и совершеннѣйшаго. Ибо извѣстно, какъ Слово стало въ насъ: Оно облеклось въ нашу плоть. Но и Ты во Мнѣ, Отче, потомучто Твое Я Слово. И поелику Ты во Мнѣ, потомучто Твое Я Слово, а Я въ нихъ по тѣлу, и чрезъ Тебя совершилось во Мнѣ спасеніе людей,—то прошу, *и ти едино да будутъ по тѣлу во Мнѣ и по его совершенію; да и ти совершени будутъ*, имѣя единство съ тѣломъ симъ и въ немъ ставъ едино, да всѣ, какъ понесенные Мною на Себѣ, будутъ едино тѣло и единъ духъ и достигнуть въ мужа совершенна. Ибо всѣ мы, приобщаясь Его тѣла, дѣлаемся едино тѣло, имѣя въ себѣ одинаго Господа.

Когда же изреченіе сіе имѣетъ такой смыслъ,—еще болѣе обличается неправословіе христорборцевъ. Ибо, снова повторяя, скажу: если бы сказалъ просто и отрѣшенно: да будутъ въ Тебѣ едино, да ти и Азъ въ Тебѣ едино будемъ,—то богоборцы имѣли бы хотя нестыдный предлогъ. Теперь же не просто сказалъ, но: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да вси едино будутъ*. И опять говоря: *якоже*, показы-

ваетъ, что далеко людямъ быть въ Отцѣ, какъ Онъ во Отцѣ, и далеко не по мѣсту, но по естеству. Ибо по мѣсту ничто не далеко отъ Бога, все же далеко отъ Него по одному естеству. И какъ замѣтилъ я прежде, кто произноситъ частицу: *якоже*, показываетъ не тождество и не равенство, но примѣръ сказуемаго сравнительно въ какомъ-либо отношеніи. И сему опять можно поучиться у Самого Спасителя, Который говоритъ: *якоже бѣ Іона во чревь китовъ три дни и три ноци, тако будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердци земли* (Матѣ. XII, 10). Іона былъ не то, что Спаситель; Іона не сходилъ во адъ; китъ былъ не адъ, да и поглощенный Іона не извелъ съ собою поглощенныхъ китомъ, но изшелъ одинъ, когда повелѣно было киту. Поэтому, никакого тождества и равенства не означается симъ реченіемъ: *якоже*, а напротивъ того, отличается одно отъ другаго; сходство же Іоны показывается нѣсколько выраженіемъ: *три дни*. Такъ и мы, поелику Господь говоритъ: *якоже*, не содѣляваемся тѣмъ же, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ; но *якоже* Отецъ и Сынъ, такъ и мы содѣляваемся едино по образу мыслей и по согласію духа. Спаситель, *якоже* Іона, будетъ въ землѣ. Но какъ Спаситель не Іона, и Господь не такъ сошелъ во адъ, какъ тотъ былъ поглощенъ, одно же съ другимъ различно: такъ если и мы содѣлаемся едино, какъ Сынъ во Отцѣ, не будемъ посему то же, что Сынъ, и равны Ему, но совершенно отъ Него отличны. Потому-то о насъ сказано: *якоже*, ибо тѣ, что не въ естествѣ

и клонится къ чему-то иному, дѣлается какъ естественное. Посему, Самъ Сынъ просто и безъ всякаго посредства есть во Отцѣ, потомучто свойственно Ему сіе по естеству; а мы, не имѣя сего въ ествѣ своемъ, имѣемъ нужду въ образѣ и примѣрѣ, чтобы и о насъ сказать Ему: *якоже Ты во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ.*

Когда же, говоритъ, будутъ они такъ совершенны, тогда уразумѣетъ міръ, *яко Ты Мя послалъ еси.* Если бы не пришелъ Я и не понесъ на Себѣ дѣла ихъ, то никто изъ нихъ не сталъ бы совершеннымъ, но всѣ пребывали бы тлѣнными. Поэтому, Ты и дѣйствуй въ нихъ, Отче, и какъ далъ Мнѣ понести сіе тѣло, такъ и имъ Духа Твоего, *да и ти едино будутъ,* и содѣлаются совершенными во Мнѣ. Ибо совершеніе ихъ показываетъ, что было пришествіе Слова Твоего, и міръ, видя ихъ совершенными и богоносными, безъ сомнѣнія, увѣруетъ, *яко Ты Мя послалъ еси,* и Я приходилъ къ нимъ. Откуда бы имъ пріять совершеніе, если бы Я—Слово Твое—не содѣлался человѣкомъ, пріавъ на Себя тѣло ихъ, и не совершилъ дѣло, которое далъ Мнѣ Ты, Отче? Дѣло же совершено, потомучто люди, искупленные отъ грѣха, не остаются болѣе мертвыми, но, обожившись и взирая на Насъ, имѣютъ между собою взаимный союзъ любви.

Итакъ, мы, сколько можно было простѣе разсмотрѣть выраженія сего изреченія, предложили сіе пространно, блаженный же Іоаннъ въ Посланіи въ немногихъ словахъ, и гораздо совершеннѣе нашего,

покажетъ смыслъ написаннаго, обличить разумніе нечестивыхъ, научить, какъ бываемъ мы въ Богѣ, и Богъ въ насъ, а также, какъ мы дѣлаемъ въ Немъ едино, и сколько Сынъ отстоитъ отъ насъ по естеству, а тѣмъ заставить наконецъ арианъ не думать о себѣ, что и они будутъ такими же, каковъ Сынъ, чтобы иначе и имъ не слышать: *ты же человекъ еси, а не Богъ* (Іезек. XXVIII, 3); и: *не распростирайся убогъ съ богатымъ* (Притч. XXIII, 4). Итакъ, Іоаннъ пишетъ, говоря слѣдующее: *о семъ разумѣмъ, яко въ Немъ пребываемъ, и Той въ насъ, яко отъ Духа Своего далъ есть намъ* (1 Іоан. IV, 13). Итакъ, по данной намъ благодати Духа и мы бываемъ въ Немъ, и Онъ въ насъ. И поелику Духъ, Который бываетъ въ насъ, есть Божій, то и мы, имѣя въ себѣ Духа, справедливо почитаемся пребывающими въ Богѣ, а такимъ образомъ и Богъ бываетъ въ насъ. Слѣдовательно, не какъ Сынъ во Отцѣ, такъ и мы бываемъ во Отцѣ. Сынъ не дѣлается причастникомъ Духа, чтобы чрезъ это быть Ему во Отцѣ. Не Онъ приѣмлетъ Духа, а паче Самъ подаетъ Его всѣмъ, и не Духъ сочетаваетъ Сына со Отцемъ, но паче Духъ приѣмлетъ отъ Слова. И Сынъ во Отцѣ, какъ собственное Его Слово и сіяніе. А мы безъ Духа чужды Богу и далеки отъ Него, причастіемъ же Духа сочетаваемъ съ Божествомъ; почему, быть намъ во Отцѣ есть не наше, но сущаго и пребывающаго въ насъ Духа, пока сохраняемъ Его въ себѣ исповѣданіемъ, какъ опять говоритъ Іоаннъ: *уже аще исповѣсть, яко Іисусъ есть*

Сынъ Божій, Богъ въ немъ пребываетъ, и той въ Бозѣ
(1 Иоан. IV, 15).

Итакъ, какое подобіе и какое равенство у насъ съ Сыномъ? Или, не обличаются ли аріане всѣми, особливо Иоанномъ, что иначе Сынъ во Отцѣ, иначе бываемъ въ Немъ мы? И мы никогда не будемъ такими, каковъ Онъ, и Слово не таково, какъ мы, развѣ еретики и теперь, какъ и всегда, осмѣлятся сказать, что Сынъ и Самъ сталъ во Отцѣ по причастію Духа и за превосходство дѣлъ. Но и сіе опять даже въ мысляхъ только допустить до крайности нечестиво. Ибо Онъ, какъ сказано, *даетъ Духу, и что имѣетъ Духъ, имѣетъ сіе отъ Слова* (Иоан. XVI, 15).

Итакъ, Спаситель, говоря о насъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣмъ въ Насъ едино будутъ*, не означаетъ симъ, что будемъ имѣть съ Нимъ тождество, ибо примѣромъ Іоны доказано и это. Но это есть моленіе ко Отцу, какъ написалъ Иоаннъ, чтобы чрезъ Него подавался вѣрующимъ Духъ, чрезъ Котораго и надѣмся быть въ Богѣ и сочетаться съ Нимъ. Поелику Слово во Отцѣ, а Духъ дается Словомъ, то хочетъ, чтобы пріяли мы Духа, и чтобы, когда примемъ Его, имѣя въ себѣ Духа Слова, сущаго во Отцѣ, оказались и мы по Духу содѣлавшимися едино въ Словѣ, а чрезъ Слово и во Отцѣ. Если же говорить: «какъ Мы», то сіе не иное чтѣ значить, какъ слѣдующее: таковая данная благодать Духа да содѣлается въ ученикахъ неутратимою и непреложною. Ибо чтѣ, по сказанному прежде, Слову

во Отцѣ естественно, о томъ желаетъ, чтобы и намъ чрезъ Духа дано сіе было непреложно. Зная сіе, Апостоль сказалъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Божіа* (Римлян. VIII, 35)? *Нераскаянна бо дарованія Божіа и благодать призванія* (XI, 29). Слѣдовательно, Духъ пребываетъ въ Богѣ, а не мы сами по себѣ. Какъ мы—сыны и боги по сущему въ насъ Слову, такъ будемъ въ Сынѣ и во Отцѣ, и будемъ почитаемы содѣлавшимися *едино* въ Сынѣ и во Отцѣ; потомучто въ насъ тотъ же Духъ, Который и въ Словѣ, сущемъ во Отцѣ. Посему, когда отпадаетъ кто отъ Духа по причинѣ какого-либо порока, то хотя непреложная благодать пребываетъ въ желающихъ, если кто по паденіи раскаевается, однакоже, сей падшій уже не въ Богѣ, потомучто отступилъ отъ него сущій въ Богѣ святой и утѣшительный Духъ; напротивъ же того, согрѣшающій будетъ въ томъ, кому подчинилъ себя, какъ было сіе съ Сауломъ. *Ибо Духъ Господень отступи отъ него, и давяше его духъ лукавый* (1 Царств. XVI, 14).

Слыша сіе, надлежало бы наконецъ устыдиться богоборцамъ и не воображать себя равными Богу. Но они не разумѣютъ сего; ибо сказано: *нечестивый не разумѣетъ разума* (Притч. XXIX, 7). Они не терпятъ благочестивыхъ словесъ, потомучто тяжело имъ и слышать ихъ. Ибо вотъ, какъ неутомимые въ злочестіи, ожесточенные подобно фараону, видя и слыша опять въ Евангеліяхъ повѣствуемое о чловѣчествѣ Спасителя, по примѣру Самосатскаго, забыли совершенно Отчее Божество Сына и дерзкимъ языкомъ

смѣло говорятъ: «какъ можетъ быть отъ Отца по естеству и уподобляться Ему по сущности Сынъ, Который говоритъ: *дадеса Ми всяка власть* (Матѳ. XXVIII, 18); и: *Отець не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 22); и: *Отець любитъ Сына и вся даде въ руцѣ Его. Вѣруяй въ Сына имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 35—36); и еще: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ... ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще восхоцетъ Сынъ открыти* (Матѳ. XI, 27); и еще: *все, еже дастъ Мнѣ Отець, ко Мнѣ приидетъ*» (Іоан. VI, 37)? Потомъ еретеки присовокупляютъ: «если бы Онъ былъ, какъ утверждаете, Сыномъ по естеству, то не имѣлъ бы нужды примать, но, какъ Сынъ, имѣлъ бы сіе по естеству. Или, какъ можетъ быть по естеству истинною силою Отчею, Кто во время страданій говоритъ: *нынѣ душа Моя возмутися, и что реку? Отче, спаси Мя отъ часа сего, но сего ради придохъ на часъ сей. Отче, прослави имя Твое. Приде же гласъ съ небесе: и прославихъ, и паки прославлю* (Іоан. XII, 27—28)? Подобно также сему сказалъ Онъ: *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ чаша сія* (Матѳ. XXVI, 39). И сія рекъ *Иисусъ возмутися духомъ, и свидѣтельствова и рече: аминь, аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ Мя*» (Іоан. XIII, 21). И при семъ говорятъ зломудренныя: «если бы Онъ былъ силою, то не страшился бы, но и другимъ подавалъ бы силу». Потомъ говорятъ: «если бы Онъ былъ по естеству истинною и собственною Отчею Премудростію, то почему написано: *Иисусъ преспѣваше*

премудростію и возрастомъ, и благодатію у Бога и чело-
вѣкъ (Лук. II, 52)? И пришедши во страны Кесаріи
Філіпповы, спрашивалъ учениковъ: *кого Мя глаголютъ*
человѣцы быти (Матѣ. XVI, 13)? И пришедши въ Ви-
ѳанію, спрашивалъ: *гдѣ лежитъ Лазарь* (Іоан. XI, 34)?
Сверхъ того, говорилъ ученикамъ: *колико хлѣбы имате*
(Марк. VI, 38)? Почему же, говорятъ, Тотъ есть Пре-
мудрость, Кто преспѣваетъ премудростію, и не знаетъ
того, о чемъ желалъ узнать отъ другихъ?» Еще же
говорятъ они и слѣдующее: «какъ собственнымъ
Отчимъ Словомъ, безъ Котораго, какъ мудрствуете
вы, Отецъ никогда не былъ, и чрезъ Котораго все
творить, можетъ быть Тотъ, Кто на крестѣ говоритъ:
Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ (Матѣ.
XXVII, 46)? И прежде сего молится Онъ: *Отче, про-*
слави имя Твое (Іоан. XII, 28); *прослави Мя, Ты, Отче,*
славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть (Іоан.
XVII, 5), и въ пустынѣ молился, и повелѣлъ учени-
камъ: *молитесь, да не увидите въ напасть, и сказалъ:*
духъ бодръ, плоть же немощна (Матѣ. XXVI, 41), и:
о дни же томъ или о часѣ никтоже вѣсть, ни Ангели,
ни Сынъ» (Марк. XIII, 32). Потомъ опять и въ раз-
сужденіи сего говорятъ сіи жалкіе: «если бы Сынъ,
по вашему разумѣнію, существовалъ у Бога вѣчно,
то не былъ бы Ему неизвѣстенъ день, напротивъ
того, Онъ зналъ бы, какъ Слово, и Соприсущій не
былъ бы оставленъ, не сталъ бы просить о пріятіи
славы, имѣя ее во Отцѣ, и вообще, не сталъ бы мо-
литься, потомучто, какъ Слово, ни въ чемъ не имѣлъ

бы нужды. Но поелику Онъ—тварь и въ числѣ получившихъ бытіе, то и говорилъ такимъ образомъ, и имѣлъ нужду въ томъ, чего не имѣлъ, потому что тварямъ свойственно имѣть недостатокъ и нужду въ томъ, чего не имѣютъ».

На подобныя рѣчи отваживаются злочестивые; но разсуждающихъ такъ должно смѣло спросить: почему вообще Слово содѣлалось плотію? Или присокупить еще: какъ Ему, будучи Богомъ, можно было содѣлаться человѣкомъ? Или: какъ Безплотный могъ понести на Себѣ тѣло? Или, и по-Іудейски сказать съ Каіафою: почему вообще Христосъ, будучи человѣкомъ, творилъ Себя Богомъ? Такъ, или подобно сему роптали тогда Іудеи, взирая на Христа, а нынѣ аріане; читая о Немъ, не вѣруютъ и впадаютъ въ хулы. Если кто, сличивъ слова тѣхъ и другихъ, подвергнетъ ихъ изслѣдованію, то непременно найдетъ, что тѣ и другіе вдаются въ то же невѣріе, у тѣхъ и у другихъ равная дерзость нечестія, у тѣхъ и у другихъ общая прѣя съ нами. Іудеи говорили: какъ, будучи человѣкомъ, можетъ быть Богомъ? Аріане же говорятъ: если былъ истинный Богъ отъ Бога, то какъ могъ содѣлаться человѣкомъ? И какъ Іудеи соблазнялись и посмѣвались, говоря: не претерпѣлъ бы Онъ креста, если бы Божій былъ Сынъ, —такъ аріане, ставъ прямо съ ними въ рядъ, говорятъ намъ: какъ смѣете вы называть собственнымъ Словомъ Отчей сущности Имѣющаго тѣло, почему и претерпѣлъ сіе? Потомъ, какъ Іудеи искали убить Господа за то, что Бога

называлъ Отцемъ Своимъ и творилъ Себя равнымъ Богу, дѣлая то же, что дѣлаетъ Отецъ,—такъ аріане и сами научились говорить: не равенъ Онъ Богу. Богъ не собственный по естеству Отецъ Слова, и ищутъ смерти тѣхъ, которые не такъ думаютъ. И еще Іудеи говорятъ: *не Сей ли есть Сынъ Іосифовъ, Елиже мы знаемъ отца и Матерь?* како убо глаголетъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь, и: съ небесе снидохъ* (Іоан. VI, 42; VIII, 58)? Внимаютъ имъ и аріане, равнымъ образомъ говоря: какъ можетъ быть Словомъ или Богомъ, Кто, какъ человѣкъ, спитъ, плачетъ, спрашиваетъ? Тѣ и другіе за то, что въ Спасителѣ было человѣческаго по причинѣ носимой Имъ на Себѣ плоти, отрицаютъ вѣчность и Божество Слова. Итакъ, поелику такое безуміе есть Іудейское, и Іудейское занятое у предателя Іуды, то пусть аріане или явно исповѣдуютъ себя учениками Каіафы и Ирода, не прикрывая Іудейства именемъ Христіанства, и совершенно, какъ говорили мы и прежде, отрицаютъ пришествіе Спасителя во плоти (это мудрованіе свойственно ихъ ереси); или, если, въ угожденіе Констанцію и обольщеннымъ ими, боятся явно іудействовать и обрѣзаться, то не говорятъ свойственнаго Іудеямъ. Ибо справедливо—отвращаться мудрованія тѣхъ, отъ имени которыхъ отказываются.

Да будетъ же извѣстно аріанамъ, что мы Христіане. Мы Христіане, и намъ свойственно хорошо понимать сказанное о Спасителѣ въ Евангеліяхъ, и какъ вмѣстѣ съ Іудеями не метать въ Него камнями,

если слышимъ о Божествѣ и о Его вѣчности, такъ вмѣстѣ съ вами не соблазняться тѣми смиренными реченіями, какія ради насъ употребляетъ, какъ чловѣкъ. Посему, если и вы желаете быть Христіанами, то отложите аріево безуміе, и слухъ свой, оскверненный хульными реченіями, омойте словами благочестія, зная, что, какъ-скоро, переставъ быть аріанами, оставите зломудріе нынѣшнихъ Іудеевъ, тотчасъ, какъ изъ тьмы, возсіяетъ вамъ истина, и не будете уже укорять насъ, что признаемъ двухъ вѣчныхъ, но и сами узнаете, что Господь есть истинный и по естеству Божій Сынъ, и познается не просто вѣчнымъ, но соприсущимъ Отчей сущности. Ибо именуются вѣчными и такія вещи, которыхъ Онъ есть Зиждитель. Такъ, въ псалмѣ двадцать-третьемъ написано: *возмите врата князи ваша, и возмитесь, врата вѣчная* (Псал. XXIII, 9); но явно, что и сіи врата сотворены Имъ. Если же Онъ есть Зиждитель вѣчнаго, то можетъ ли кто изъ насъ сомнѣваться еще, что Онъ превыше и сего вѣчнаго? Но Господь познается не столько по вѣчности, сколько по тому, что Онъ Божій есть Сынъ. Ибо будучи Сыномъ, не отлученъ отъ Отца, и не было, когда бы Онъ не былъ, напротивъ того, Онъ всегда, и будучи образомъ и сіяніемъ Отца, имѣетъ и Отчую вѣчность.

Посему, сколько еретики изобличили себя худо понимающими тѣ изреченія, какія выставляли они на видъ, сіе можно видѣть изъ сказаннаго нами прежде кратко; но что и въ разсужденіи изреченій, нынѣ

представляемыхъ ими изъ Евангелій, разумѣніе ихъ оказывается неосновательнымъ, сіе удобно можно видѣть, если и теперь особенно обратимся къ цѣли нашей христіанской вѣры, и принявъ ее для себя за правило, будемъ, какъ сказалъ Апостоль, *внимательны къ чтенію Богодухновеннаго Писанія* (1 Тимое. IV, 13). Ибо христоробцы, не уразумѣвъ сей цѣли, совратились съ пути истины и преткнулись о камень преткнанія (Римл. IX, 23), мудрствуя паче, нежели какъ должно мудрствовать. Итакъ, цѣль сія и отличительная черта Святаго Писанія, какъ неоднократно говорили мы,—возвѣститъ намъ о Спасителѣ двѣ истины: что Онъ всегда былъ Богъ, и есть Сынъ, будучи Словомъ, сіяніемъ и Премудростію Отца, и что на послѣдокъ, ради насъ принявъ на Себя плоть отъ Дѣвы Богородицы Маріи, содѣлался человѣкомъ. И можно находить, что сіе дается разумѣть во всемъ Богодухновенномъ Писаніи, какъ сказалъ Самъ Господь: *испытайте Писаній, яко та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. V, 39). Но чтобы, собирая во едино всѣ изреченія, не написать много, удовольствуемся тѣмъ, что, вмѣсто всѣхъ мѣстъ, приведемъ на память слѣдующія. Іоаннъ говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово, Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 1—4); потомъ: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Ею, яко единороднаго отъ Отца* (14). И Павелъ пишетъ: *Иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нещеза равенъ быти Богу, но Себе ума-*

милъ, зракъ раба приимъ, въ подобіи челоѳчестѳмъ бывъ, и образомъ обрѳтесе якоже челоѳкъ, смирилъ Себе, послушилъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. II, 6—8). Ибо кто, начавъ съ сего, съ тою же мыслию пройдетъ все Писаніе, тотъ увидитъ, какъ въ началѣ сказалъ Слову Отецъ: да бѳдетъ свѳтъ (Быт. I, 4), да будетъ твердь (6), сотворимъ челоѳка (26), при скончаніи же вѣковъ посла Ело въ мѳръ, не да судитъ мѳрови, но да спасетса Имъ мѳръ (Іоан. III, 17); и написано: се, Дѳва во чреѳвѳ прииметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему [Еммануилъ, еже есть казаемо: съ нами Богъ (Матѳ. I, 23)]. Посему, читающій Божественное Писаніе да изучаетъ и ветхозавѳтныя изреченія, и въ Евангеліяхъ да усматриваетъ Господа, содѳлавшагося челоѳкомъ. Ибо сказано: Слово плоть бысть, и вселися въ ны.

Слово содѳлалось челоѳкомъ, а не снизошло въ челоѳка. И сіе необходимо знать, чтобы злочестивые, остановившись на семъ, не обольстили иныхъ и обольщенные не подумали, что, какъ въ прежнія времена въ каждомъ изъ святыхъ было Слово, такъ и нынѣ низошло Оно въ челоѳка, и освятило его, и явилось въ немъ, какъ и въ прочихъ людяхъ. Ибо если бы такъ это было, и Слово явилось только въ челоѳкѣ, то не было бы въ семъ ничего необыкновеннаго, и видящіе не дивились бы и не стали говорить: кто есть Сей (Матѳ. VIII, 27)? И почему Ты, челоѳкъ сый, твориши Себе Бога (Іоан. X, 33)? Привычно было для нихъ слышать, что было Слово

Господне къ каждому пророку. Поелику же теперь Само Божіе Слово, *Имже вся быша*, снизошло до того, что содѣлалось и Сыномъ Человѣческимъ, и смирило Себя, зракъ раба пріимъ, то посему Іудеямъ крестъ Христовъ есть соблазнъ, намъ же *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Коринѣ. I, 24). Ибо, какъ сказалъ Іоаннъ, *Слово плоть бысть*; Писанію обычно человекъ называть плотію, какъ сказано чрезъ пророка Іоила: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть* (Іоил. II, 28); и какъ Даніиль сказалъ Астіагу: *не поклоняюся куміромъ руками сотвореннымъ, но живому Богу, сотворшему небо и землю и владущему всякою плотію* (Дан. XIV, 5). И Даніиль и Іоиль родъ человекскій называютъ плотію. Итакъ, въ древности къ каждому изъ святыхъ бывало Слово, и освящало пріемлющихъ Его искренно, но когда раждались они,—не говорилось, что Слово содѣлалось человекомъ, и когда страдали,—также не говорилось, что Слово пострадало. Когда же отъ Маріи пришелъ *едино въ кончину вѣковъ, во отметаніе грѣха* (Евр. IX, 26); потомучто, такъ благоволивъ, Отецъ посла Сына Своего, раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ (Галат. IV, 4),—тогда говорится, что Слово, воспріавъ на Себѣ плоть, содѣлалось человекомъ, и въ ней (какъ сказалъ Петръ: *Христу убо пострадавши за ны плотию* 1 Петр. IV, 1) пострадало за насъ, чтобы явно стало, и всѣ мы увѣровали, что, всегда будучи Богомъ, освящая тѣхъ, къ кому приходило, и все* устрояя по волѣ Отца, напоследокъ ради

насъ содѣлалось Слово человѣкомъ, и, какъ говоритъ Апостоль, *Божество обитало во плоти тѣлеснѣ* (Колос. II, 9). А сіе значить, что Слово, будучи Богомъ, имѣло собственное тѣло, и, употребивъ его какъ орудіе, ради насъ содѣлалось человѣкомъ.

И поелику Слово было во плоти, то о Немъ скажется свойственное плоти, на примѣръ: алканіе, жажда, страданіе, утружденіе, и все тому подобное, что удобопріемлемо для плоти. Дѣла же свойственныя Самому Слову, каковы: воскресеніе мертвыхъ, дарованіе прозрѣнія слѣпымъ, изцѣленіе кровоточивой, совершало Оно посредствомъ тѣла Своего. И Слово немощи плоти носило на Себѣ, какъ собственныя, потому что плоть сія была Его; и плоть служила дѣламъ Божества, потому что въ ней пребывало Божество, и тѣло было Божіе. Хорошо сказалъ пророкъ: *понесе* (Исаія LIII, 11); не сказалъ: исцѣлилъ наши немощи, чтобы Слову, какъ существу внѣ тѣла и исцѣлившему только оное, что и всегда дѣлало, не оставить людей снова повинными смерти; но Оно носить наши немощи, несетъ наши грѣхи, чтобы видно было, что ради насъ содѣлалось человѣкомъ, и тѣло, на себѣ носяще сіи немощи, есть Его собственное. И какъ Само Слово не потерпѣло вреда, вознесши, какъ сказалъ Петръ, *грѣхи наша на тѣлѣ Своемъ на древо* (1 Петр. II, 24): такъ мы, люди, освободились отъ своихъ страстей и исполнились правды Слова. Посему, когда страдала плоть, не внѣ ея было Слово; почему и страданіе называется Его страда-

ніемъ. И когда Божески творило Оно дѣла Отца,— не внѣ Его была плоть, но опять въ самомъ тѣлѣ творилъ сіе Господь. Потому и содѣлавшись человѣкомъ, говорилъ: *еще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: еще ли творю, еще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте: да разумѣете, яко во Мнѣ Отець, и Азъ во Немъ* (Іоан. X, 37—38). Конечно, когда нужно было возставить Петрову тещу *огнемъ жегому* (Матѳ. VIII, 14), тогда по-человѣчески простеръ руку, а Божески прекратилъ болѣзнь. И слѣпому отъ рожденія отъ плоти человѣческой сотворилъ плуновеніе, и Божески отверзъ очи брениемъ. И Лазаря, какъ человѣкъ, воззвалъ человѣческимъ гласомъ, а Божески, какъ Богъ, воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ.

Все же такъ дѣлалось и показывало, что не мечтаніемъ, но дѣйствительно имѣлъ тѣло. И Господу, облекшемуся въ плоть человѣческую, прилично было облечься въ совершенную плоть со всѣми свойственными ей страданіями, чтобы, какъ тѣло именуется собственнымъ Его тѣломъ, такъ и тѣлесныя страданія именовались Его только собственными, хотя и не касались Божества Его. Если бы тѣло принадлежало иному, то и страданія именовались бы страданіями сего инаго. А если это—плоть Слова (ибо Слово плоть бысть), то необходимо и страданіямъ плоти именоваться страданіями Того, чья плоть. А кому приписываются страданія, каковы особливо: быть осужденнымъ, быть предану на біеніе, а также жажда,

крестъ, смерть и другія немощи тѣлесныя, того и составляютъ они заслугу и благодать. Посему, сообразно съ истиною и прилично, таковыя страданія приписываются не иному кому, но Господу, чтобы и благодать была отъ Него, и мы содѣлались не служителями иного кого, но истинно богочестивыми; потому что не кого-либо изъ созданныхъ, не простаго какого человѣка, но по естеству сущаго отъ Бога и истиннаго Сына, и когда содѣлался Онъ человѣкомъ, призываемъ тѣмъ не менѣе именуя Господомъ и Богомъ и Спасителемъ.

Кто жь не подивится сему? Или кто не согласится, что воистину Божіе это дѣло? Ибо если бы дѣла свойственныя Божеству Слова совершились не посредствомъ тѣла, то человѣкъ не былъ бы обоженъ. И наоборотъ, если бы свойственное плоти не приписывалось Слову, то человѣкъ не освободился бы отъ сего совершенно, но хотя, какъ сказали мы прежде, избавился бы не надолго, однакоже въ немъ оставались бы еще грѣхъ и тлѣніе, какъ было это съ людьми, жившими прежде. И это очевидно. Многіе содѣлались святыми и чистыми отъ всякаго грѣха: Іеремія былъ освященъ отъ матерняго чрева (Іерем. I, 5); Іоаннъ, носимый еще во чревѣ, *взырся радощами* отъ гласа Богородицы Маріи (Лук. I, 44). Однакоже, *царствова смерть отъ Адама даже до Морсеа и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Римлян. V, 14). А такимъ образомъ, люди тѣмъ не менѣе оставались смертными, тлѣнными, доступными

свойственнымъ естеству страданіямъ. Теперь же, поелику Слово содѣлалось человѣкомъ и Себѣ усвоило свойственное плоти, сіе не касается уже тѣла по причинѣ бывшаго въ тѣлѣ Слова, но истреблено Имъ, и люди не остаются уже грѣшными и мертвыми по своимъ страстямъ, но, воставъ силою Слова, навсегда пребываютъ бессмертными и нетлѣнными. Посему, когда раждается плоть отъ Богородицы Маріи, родившимся именуется Тотъ, Кто другимъ даетъ бытіе, чтобы на Себя перенести Ему наше рожденіе, и намъ, какъ единой землѣ, не отходить въ землю, но, сочетавшись съ Словомъ, Которое съ неба, отъ Него быть возведенными на небо. Посему не безъ причины перенесъ Онъ на Себя также и прочія немощи тѣла, чтобы мы уже не какъ человѣки, но какъ свои Слову, стали причастниками вѣчной жизни. Ибо не умираемъ уже по прежнему бытію во Адамѣ, но поелику бытіе наше и всѣ тѣлесныя немощи перенесены на Слово, то возстаемъ отъ земли по разрѣшеніи клятвы за грѣхъ Тѣмъ, Кто въ насъ и за насъ содѣлался клятвою. И сіе справедливо. Какъ всѣ мы отъ земли суще умираемъ въ Адамѣ, такъ, возродившись свыше водою и Духомъ, всѣ оживотворяемся во Христѣ, потомучто плоть наша есть уже какъбы не земная, но съ Словомъ приведенная въ тождество Самимъ Божіимъ Словомъ, Которое ради насъ *плоть бысть*.

Но чтобы точнѣе уразумѣть и безстрастіе естества въ Словѣ, и немощи, приписываемыя Ему по

причинѣ плоти, хорошо выслушать блаженнаго Петра. Ибо онъ можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ о Спасителѣ. Итакъ пишетъ онъ въ своемъ посланіи, говоря: *Христу убо пострадавшу за ны плотию* (1 Петр. IV, 1). Слѣдовательно, когда скажется о Христѣ, что алчетъ, жаждетъ, утруждается, не знаетъ, спитъ, плачетъ, проситъ, убѣгаетъ, раждается, отказывается отъ чаши, и вообще, приписывается Ему все свойственное плоти, каждый разъ справедливо будетъ повторять то же. Такъ, Христосъ алчетъ и жаждетъ *за ны плотию*; именуетъ Себя незнающимъ, заушается и утруждается *за ны плотию*; и еще, возносится на крестъ (Іоан. XII, 37), раждается, возрастаетъ *плотию*; страшится, скрывается *плотию*; говоритъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія* (Матѣ. XXVI, 39), терпитъ бѣеніе, приѣмлетъ раны *плотию*; и вообще, все подобное сему восприѣмлетъ на Себя *плотию*. Посему и самъ Апостоль сказалъ: *Христу убо пострадавшу*, не Божествомъ, но: *за ны плотию*, чтобы разумѣмы были страданія, не Самому Слову по естеству свойственныя, но свойственныя по естеству самой плоти. Поэтому, никто да не соблазняется тѣмъ, что въ Господѣ есть человѣческое, а напротивъ того, да знаетъ, что Само Слово по естеству безстрастно, и однакоже, по причинѣ плоти, въ которую облеклось Оно, скажется о Немъ это; потомучто свойственно сіе плоти, а тѣло стало собственнымъ тѣломъ Спасителя. И Онъ, какъ безстрастный по естеству, и пребываетъ безстрастнымъ, не терпя отъ сего вреда, но паче, уни-

чтожая и истребляя все сіе; люди же, такъ-какъ немощи ихъ перешли на Безстрастнаго и истреблены, и сами уже на вѣки дѣлаются безстрастными и свободными отъ немощей, какъ учитъ Іоаннъ, говоря: *и вѣсте, яко Онъ явися, да грѣхи наша вѣзметъ, и грѣха въ Немъ нѣсть* (1 Іоан. III, 5).

Поелику сіе такъ, то никто изъ еретиковъ не будетъ вопіять: почему возстанетъ плоть по природѣ смертная? Почему, если возстанетъ, опять не будетъ алкать, жаждать, страдать, и не останется смертною? Почему, хотя она изъ земли произошла, прекратится въ ней то, что ей естественно? Иначе, плоть могла бы отвѣчать такому упорному еретіку: «хотя я изъ земли, по природѣ смертная, но впоследствии стала плотію Слова; Само Слово, хотя Оно безстрастно, понесло на Себѣ мои страданія, и я сдѣлалась, свободною отъ нихъ, и отъ рабства имъ уволена освободившимъ меня отъ нихъ Господомъ. Если вопіешь на то, что избавилась я отъ естественнаго тлѣнія, то смотри, не вздумай вопіять и на то, что Слово Божіе воспріяло на Себя мой рабскій образъ». Какъ Господь, облекшись плотію, содѣлался человѣкомъ, такъ мы люди, воспріятыя Словомъ, обожаемся ради плоти Его и уже наслѣдуемъ вѣчную жизнь.

Сіе по необходимости подвергли мы предварительному изслѣдованію, чтобы намъ, если увидимъ Спасителя божески что-либо совершающаго, или изрекающаго, орудіемъ собственнаго тѣла Своего, разумѣть, что дѣлаетъ Онъ сіе, какъ Богъ; и опять, если

увидимъ Его по-человѣчески говорящаго, или страдающаго, не оставаться въ невѣдѣніи, что, понесши на Себѣ плоть, содѣлался Онъ человѣкомъ, и такимъ образомъ дѣлаетъ и говоритъ это. Зная свойственное тому и другому естеству, видя и разумѣя, что тѣ и другое совершается однимъ, право будемъ вѣровать и никогда не впадемъ въ заблужденіе. Если же кто, взирая на совершаемое Словомъ божески, будетъ отрицать тѣло, или, взирая на свойственное тѣлу, будетъ отрицать плотское пришествіе Слова, или по человѣческимъ дѣйствіямъ Слова станетъ думать о Немъ низко, — то таковой, какъ Іудейскій корчемникъ, мѣшая вино съ водою, почтетъ крестъ соблазномъ, а какъ язычникъ, признаетъ проповѣдь буйствомъ. Сіе и постигло богоборцевъ аріанъ. Ибо, взирая на человѣческія дѣла Спасителя, почли Его тварію. Посему, и взирая на Божескія дѣла Слова, надлежало имъ отрицать бытіе тѣла Его и соприсчислить уже себя къ манихеямъ.

Но пусть, хотя поздно, вразумятся они, что *Слово плоть бысть*; а мы, держась цѣли вѣры, признаемъ имѣющимъ правильный смыслъ то, что понимаютъ они худо. Сказанное: *Отець любитъ Сына и вся даде въ рѣчь Его* (Іоан. III, 35), и: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (Матѳ. XI, 26), и: *не могу Азъ о Себѣ творити ничесоже. Якоже слышу, сужду* (Іоан. V, 30), и всѣ подобныя симъ изреченія показываютъ не тѣ, что Сынъ нѣкогда не имѣлъ сего. И почему же того, что имѣетъ Отець, не имѣло вѣчно единое по сущ-

ности Отчее Слово и Премудрость, не имѣлъ Тотъ, Кто говоритъ: *вся, елика имать Отець, Моя суть, и Мое принадлежитъ Отцу* (Іоан. XVI, 15; XVII, 10)? Если, что принадлежитъ Отцу, то принадлежитъ и Сыну, а Отець имѣеть это всегда,—то явно, что все, что имѣеть Сынъ, поколику сіе принадлежитъ Отцу, всегда есть въ Сынѣ. Итакъ, не потому сказалъ сіе, что нѣкогда не имѣлъ, но потому, что Сынъ, что ни имѣеть, имѣя сіе вѣчно, имѣеть отъ Отца. Чтобы иной, видя Сына имѣющимъ все, что имѣеть Отець, и введенный въ заблужденіе симъ безразличнымъ подобіемъ и тождествомъ того, что имѣеть, не вознечествовалъ, какъ Савеллій, и не почелъ Сына Отцемъ,—говорилъ Сынъ: *дадеса Ми* (Матѣ. XXVIII, 18), и: *пріяхъ* (Іоан. X, 18), и: *Мнѣ предана суть*, показывая симъ то одно, что Онъ не Отець, но Отчее Слово и вѣчный Сынъ, по подобію со Отцемъ вѣчно имѣющій то, что имѣеть отъ Отца. Поелику же Онъ Сынъ, то отъ Отца имѣеть все, что ни имѣеть у Себя вѣчно.

А что реченія: *дадеса, предана*, и подобныя симъ не умаляютъ Божества въ Сынѣ, напротивъ же того, болѣе доказываютъ, что Онъ истинно Сынъ, сіе можно дознать изъ самыхъ сихъ изреченій. Ибо если *вся предана* Ему, то во-первыхъ отличенъ Онъ отъ всего, что пріялъ; а потомъ, будучи наслѣдникомъ всего, есть единственный и собственный по сущности Отчій Сынъ. А если бы Онъ былъ одинъ изъ всѣхъ, то не былъ бы наслѣдникомъ всего, но и каждый

пріималъ бы, сколько восхотѣлъ бы и далъ Отецъ. Теперь же Онъ, пріемля все, есть иный отъ всего, и единственный собственный Отчій Сынъ.

А что реченія: *дадеса и предана* и всѣ имъ подобныя не показываютъ, что Сынъ нѣкогда не имѣлъ, — сіе можно видѣть изъ другаго подобнаго изреченія. Самъ Спаситель говоритъ: *якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ* (Іоан. V, 26). Словомъ: *даде* даетъ разумѣть о Себѣ, что Онъ не Отецъ, а словомъ: *такъ* показываетъ естественное подобіе и единство Сына со Отцемъ. Поэтому, если было, когда не имѣлъ Отецъ, то явно, что было, когда не имѣлъ и Сынъ. Ибо какъ имѣеть Отецъ, такъ имѣеть и Сынъ. А если нечестиво — говорить это, гораздо же благочестивѣе — сказать, что Отецъ всегда имѣеть, то, когда говоритъ Сынъ, что, какъ имѣеть Отецъ, такъ имѣеть и Сынъ, совместно ли съ чѣмъ утверждать еретикамъ, что Онъ имѣеть не такъ, но иначе? Посему, болѣе достойно вѣры Слово, и всегда имѣя все то, что именуеть Себя пріившимъ, имѣеть это отъ Отца. Отецъ имѣеть не отъ кого-либо, а Сынъ имѣеть отъ Отца. Какъ въ разсужденіи сіянія, если самое сіяніе скажетъ: «свѣтъ далъ мнѣ освѣщать всякое мѣсто, и я освѣщаю не отъ себя, но какъ хочетъ сіе свѣтъ», то, говоря сіе, покажетъ не то, что нѣкогда не имѣло оно сего, а напротивъ слѣдующее: «я собственность свѣта, и все, что принадлежитъ ему, есть мое»; такъ, и еще въ большей мѣрѣ, должно представлять себѣ

и о Сынѣ. Отецъ, все давъ Сыну, все опять Самъ имѣеть въ Сынѣ. И когда имѣеть Сынъ, Отецъ опять имѣеть это, потомучто Божество Сына есть Божество Отца. Такъ, Отецъ въ Сынѣ промышляетъ о всемъ. Посему, таковъ смыслъ подобныхъ симъ изреченій.

А что касается до сказаннаго о Спасителѣ по-человѣчески, то и сіе также имѣеть благочестивый смыслъ. Ибо для того и входили мы въ изслѣдованіе таковыхъ реченій, чтобы намъ,—если услышимъ Его спрашивающаго: гдѣ лежитъ Лазарь, и когда, пришедши въ предѣлы Кесаріи, вопрошаетъ Онъ: *кого Мя глаголютъ чловѣцы быти* (Матѹ. XVI, 13)? и: *коликѹ хлѣбы имате* (Марк. VI, 38)? и: *что хочета, да сотворю вама* (Матѹ. XX, 32)?—изъ сказаннаго прежде всего уразумѣвать правильный смыслъ сихъ изреченій и не соблазняться подобно христорборнымъ аріанамъ. И во-первыхъ, симъ нечестивымъ должно сказать слѣдующее: почему думаютъ, что Спаситель не знаетъ? Кто спрашиваетъ, тотъ не по незнанію непременно спрашиваетъ; напротивъ того, и вѣдущему можно спрашивать о томъ, что знаетъ. И дѣйствительно, Іоаннъ о Христѣ, вопрошающемъ: *коликѹ хлѣбы имате?* зналъ, что Онъ не былъ въ невѣдѣніи, а напротивъ вѣдалъ сіе. Ибо говоритъ: *сіе же глаголаше искушая Филиппа: Самъ бо вѣдѣше, что хочеть сотворити* (Іоан. VI, 6). А если зналъ, что творилъ, то и спрашивалъ не по невѣдѣнію, но зная. А подобно сему, должно понимать и другія таковыя же изреченія, именно, когда спрашивалъ Господь: *идѣ*

лежитъ Лазарь? или: *кого Мѧ глаголютъ чловѣцы быти?*—спрашивалъ не какъ незнающій, но зналъ то, о чемъ спрашивалъ, вѣдая, что хочетъ сотворити. А такимъ образомъ, ухищреніе еретиковъ немедленно ниспровергается.

Если же еще будутъ упорствовать въ разсужденіи того, что Христосъ спрашивалъ, то пусть слышатъ, что въ Божествѣ нѣтъ невѣдѣнія, а плоти, какъ сказано, свойственно невѣдать. И что сіе справедливо, то смотри, какъ Господь, вопрошавшій: *гдѣ лежитъ Лазарь?* когда не былъ еще на мѣстѣ, а находился далеко, говорилъ: *Лазарь умре* (Іоан. XI, 14), и сказывалъ, гдѣ умеръ. И Кого еретики почитаютъ невѣдущимъ, Тотъ предузнаетъ помышленія учениковъ, вѣдаетъ, что въ сердцѣ у каждаго и что въ чловѣкѣ; а что еще важнѣе, Онъ одинъ знаетъ Отца и говоритъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. XIV, 10). И такъ, не для всякаго ли очевидно, что невѣдѣніе свойственно плоти, Само же Слово, поколику Оно—Слово, знаетъ все и прежде событія. Оно, и когда содѣлалось чловѣкомъ, не перестало быть Богомъ, и не избѣгаетъ чловѣческаго, потому что Оно—Богъ. Да не будетъ сего. Напротивъ же того, будучи Богомъ, пріяло на Себя плоть, и будучи во плоти, обожило плоть. И какъ вопрошало во плоти, такъ въ ней же и воскресило мертваго, и всѣмъ показало, что Животворящій мертвыхъ и воззывающій душу тѣмъ паче знаетъ тайны всѣхъ. Оно вѣдало, гдѣ лежитъ Лазарь, однакоже вопрошало. Поступило же такъ все ради насъ претерпѣвшее всесвятѣйшее Бо-

жіе Слово, чтобы такимъ образомъ понести на Себѣ и невѣдѣніе наше, даровать намъ познаніе единого истиннаго Его Отца и Его Самого, ради насъ посланнаго во спасеніе всѣхъ;—а выше этой милости и быть ничего не можетъ.

Посему и объ изреченіяхъ, представляемыхъ еретиками, когда говоритъ Спаситель: *дадеса Ми власть* (Матѣ. XXVIII, 18), и: *прослави Сына Твоего* (Іоан. XVII, 1); и когда Петръ говоритъ: *дана Ему власть*, знаемъ, что все сказано въ томъ же смыслѣ, потому что говорится все сіе по-человѣчески, по причинѣ тѣла. Ибо, хотя не имѣеть нужды, однакоже сказывается какъ-бы Самъ пріившимъ, что пріялъ по человечеству, чтобы опять, такъ-какъ пріемлетъ Господь, и такъ-какъ на Немъ почиваетъ даяніе, твердою пребывала благодать. Простый человѣкъ, пріявъ, можетъ и лишиться пріятого: и сіе видно стало на Адамѣ, потому что онъ, пріявъ, утратилъ. Но чтобы благодать содѣлалась неотъемлемою и постоянно соблюлась у людей, для этого Онъ присвоетъ Себѣ даяніе, какъ человѣкъ, называетъ Себя пріившимъ власть, которую всегда имѣеть, какъ Богъ; прославляющій другихъ говоритъ: *прослави Мя*, желая показать, что имѣеть плоть, которой нужно прославленіе. Посему, когда пріемлетъ плоть, поелику пріемлющая плоть въ Немъ, и пріявъ оную, содѣлался Онъ человѣкомъ, то Себя именуетъ какъ-бы пріившимъ. Итакъ, если, какъ говорено было неоднократно, Слово не содѣлалось человѣкомъ, то пусть, по словамъ ва-

шимъ, Слово принадлежитъ и пріятіе, и нужда въ прославленіи, и невѣдѣніе. А если содѣлалось чело-вѣкомъ (ибо и дѣйствительно содѣлалось), то чело-вѣку принадлежитъ и пріять, и имѣть нужду, и не вѣдать.

Почему же Дающаго почитаемъ пріемлющимъ, о Томъ, Кто снабдѣваетъ другихъ, предполагаемъ, что имѣетъ нужду, и Слово, какъ несовершенное и имѣющее нужду, отдѣляемъ отъ Отца, а чело-вѣче-ство лишаемъ благодати? Если Само Слово, поколику Оно—Слово, ради Себя и пріемлетъ и прославлено, если Оно по Божеству прославлено и воскресло, то какая надежда людямъ? Они, какъ и были, остаются нагими, и жалкими, и мертвыми, ни мало не уча-ствующими въ дарованномъ Сыну. Для чего же Слово и приходило и *плоть бысть*? Если для пріятія того, что, говоритъ Оно, приняло, ежели прежде не имѣло сего, то по необходимости Оно должно благодарить тѣло, потому что, когда стало съ тѣломъ, тогда при-няло отъ Отца, чего не имѣло до снисшествія въ плоть; а изъ сего оказывается, что Оно Само паче усовершилось чрезъ тѣло, нежели тѣло чрезъ Него. Но это—іудейское мудрованіе. А если Слово приходило искупить родъ чело-вѣческой, и чтобы людей освя-тить и обожить, *Слово плоть бысть* (ибо для сего и стало Оно плотію),—то кому уже не явно, что если именуешь Себя пріавшимъ что-либо, когда стало плотию, то именуешь относительно не къ Себѣ, но къ плоти? Во плоти былъ Именующій Себя пріавшимъ; плоти и дарованія были даны чрезъ Него Отцемъ.

Разсмотримъ же, что такое было, чего просилъ Онъ Себѣ, и вообще, что такое именовалъ Онъ Себя пріившимъ, чтобы хотя этимъ могли быть пристыждены еретики. И такъ, просилъ Себѣ славы и сказалъ: *вся Мнѣ предана быша* (Лук. X, 22). И по воскресеніи говорить, что пріялъ всякую власть. Но и прежде нежели сказалъ: *вся Мнѣ предана быша*, былъ Господомъ всего: ибо *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3), и *единъ Господь, Имже вся* (1 Коринѣ. VIII, 6). И прося славы, былъ и есть Господомъ славы, какъ говорить Павелъ: *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Коринѣ. II, 8). Ибо имѣлъ и ту славу, о какой просилъ, говоря: *славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5). И ту власть, какую пріившимъ Себя наименовалъ по воскресеніи, имѣлъ прежде сего пріятія и прежде воскресенія, потомучто Самъ отъ Себя запрещалъ сатанѣ, говоря: *иди за Мною, сатано* (Матѣ. IV, 10), ученикамъ же далъ надъ нимъ власть, когда возвратившимся имъ сказалъ: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. X, 18). Но что и еще именовалъ Себя пріившимъ, то оказывается имѣвшимъ и до пріятія, потомучто изгонялъ бѣсовъ, Самъ разрѣшалъ, что было связано сатаною, какъ учинилъ сіе надъ дочерію Авраамлею (Лук. XIII, 16); отпускалъ грѣхи, говоря разслабленному и женѣ, помазавшей ноги: *отпускаются грѣси твои* (Матѣ. IX, 2. Лук. VII, 48); воскрешалъ мертвыхъ; обновилъ бытіе слѣпаго, даровавъ ему зрѣніе, и совершилъ это, не отложивъ до

того времени, когда приметъ, но какъ властитель. Почему и изъ сего явствуетъ, что, содѣлавшись человекомъ и по воскресеніи, то самое, что имѣлъ Онъ, какъ Слово, именуется Себя пріавшимъ по человечеству, чтобы чрезъ Него люди на землѣ, какъ содѣлавшіеся причастниками Божественнаго естества, имѣли наконецъ власть надъ бѣсами, а на небесахъ, какъ освободившіеся отъ тлѣнія, вѣчно царствовали. Вообще же надобно знать, что если именуется Себя пріавшимъ что-либо, не какъ неимѣвшій пріялъ Онъ сіе, потому что Слово, будучи Богомъ, имѣло это всегда, именуется же теперь пріемлющимъ по человечеству, чтобы, по пріятіи сего плотию въ Немъ, отъ нея уже твердымъ пребыло и въ насъ. Таковой имѣетъ смыслъ и сказанное Петромъ: *пріемъ отъ Бога честь и славу* (2 Петр. I, 17), *покоршымся Ему Ангеломъ* (1 Петр. III, 22). Какъ по человечеству Онъ вопрошалъ и по Божеству воскресилъ Лазаря, такъ говорится по человечеству о Немъ: *пріемъ*; покорность же Ангеловъ доказываетъ Божество Слова.

Поэтому, умолкните, богоненавистники, и не унижайте Слова, не отъемлите у Него единаго со Отцемъ Божества, какъ у имѣющаго въ чемъ-либо нужду, или у невѣдущаго, чтобы не возвергнуть вамъ на Христа своихъ недостатковъ, какъ сдѣлали Іудеи, метавшіе тогда въ Него камнями. Все сіе принадлежитъ не Слову, какъ Слову, но свойственно человеку. И какъ слыша, что онъ *плону* (Іоан. IX, 6),

простеръ руку (Матѣ. VIII, 3), воззвалъ Лазаря, дѣйствія сіи, хотя и совершены они съ помощію тѣла, называемъ не человѣческими, но Божіими, — такъ, если въ Евангеліи о Спасителѣ сказуется что-либо человѣческое, то вникая опять въ свойство сказуемаго и находя сіе чуждымъ Богу, приписываемъ это не Божеству Слова, но Его человѣчеству. Ибо, хотя *Слово плоть бысть*, но немощи суть собственность плоти; и хотя плоть стала богодвижима въ Словѣ, но благодать и сила принадлежатъ Слову. Дѣла Отчія совершалъ Онъ съ помощію плоти, и тѣмъ не менѣе видимы также были въ Немъ немощи плоти. Такъ Онъ вопрошалъ — и воскресилъ Лазаря; возражалъ Матери, говоря: *не у прииде часъ Мой* (Іоан. II, 4), — и въ то же время содѣлалъ воду виномъ, потому что во плоти былъ истинный Богъ, и Слово имѣло истинную плоть. Посему, дѣлами давалъ познавать и Себя — Сына Божія, и Отца Своего; а немощами плоти показывалъ, что носитъ на Себѣ истинное тѣло, и что оно есть Его собственное.

Поелику же приведено это въ ясность, то изслѣдуемъ и сіе изреченіе: *о дни же и о часъ никтоже вѣсть, ни Ангели, ни Сынъ* (Марк. XIII, 32). Ибо еретики, всего болѣе оставаясь въ великомъ о семъ невѣдѣніи и омрачаясь при семъ смысломъ, думаютъ имѣть въ этомъ сильный предлогъ къ своей ереси. Но мнѣ кажется, что они, представляя сіе въ предлогъ и ища себѣ въ этомъ опоры, снова богоборствуютъ, какъ исполины. Ибо Господь неба и земли,

Иже вся быша (Іоан. I, 3), судится о дни и часъ, всевѣдущее Слово обвиняется ими, какъ незнающее о днѣ, вѣдающій Отца Сынъ именуется незнающимъ часа во дни. Можно ли кому сказать что-либо сего малосмысленнѣе? Или какое безуміе можно сравнить съ ихъ безуміемъ? Словомъ произведено все, и годы, и времена, и ночь, и день, и вся тварь; и Зиждитель именуется незнающимъ созданія! Самая связь рѣчи въ представленномъ мѣстѣ показываетъ, что Сынъ Божій знаетъ *день и часъ*, хотя аріане и претыкаются о невѣдѣніе. Сказавъ: *ни Сынъ*, описываетъ ученикамъ предшествующее дню, говоря: *будетъ то и то, и тогда кончина* (Матѳ. XXIV, 14). Но Кто говоритъ о предшествующемъ днѣ, Тотъ, конечно, знаетъ и день, который явится послѣ предсказаннаго. А если бы не зналъ часа,—не могъ бы означить и предшествующаго часу, не зная, когда будетъ часъ сей. Какъ, если кто иной, желая незнающимъ обозначить домъ или городъ, опишетъ, что предъ домомъ или городомъ, обозначивъ же все это, скажетъ: «потомъ вскорѣ и городъ или домъ»,—то, безъ сомнѣнія, обозначающій знаетъ, гдѣ этотъ домъ или городъ; а если бы не зналъ, то не сталъ бы обозначать, что предъ ними, чтобы по незнанію или слушающихъ не завести куда далеко, или самому, говоря это, не ошибиться и не обмануться въ обозначеніи: такъ Господь, говоря о предшествующемъ *дню и часу*, въ точности зналъ, и не можетъ не имѣть вѣдѣнія о томъ, когда настанетъ сей *часъ и день*.

Почему же, зная, не сказалъ тогда ученикамъ явно? Никто не долженъ допытываться, о чемъ Самъ Онъ умолчалъ. *Кто бо разумъ умъ Господень? или кто совѣтникъ Ему бысть* (Римлян. XI, 34)? Почему же, зная, сказалъ, что не знаетъ и Сынъ? Извѣстно, думаю, всякому вѣрующему, что и сіе сказалъ не по иному чему, но какъ человѣкъ, по причинѣ плоти. Не есть это недостатокъ Слова, но человѣческому естеству свойственно и не знать. И сіе опять вполне можно уразумѣть, если кто съ благою совѣстію изслѣдуетъ время, когда и кому сказалъ сіе Спаситель. И такъ, сказалъ Онъ сіе не тогда, какъ приведено Имъ въ бытіе небо, не тогда, какъ Слово устроило все у самого Отца, и не прежде того, какъ содѣлалось человѣкомъ, но когда *Слово плоть бысть*. Поэтому и все, что Слово, послѣ того, какъ содѣлалось человѣкомъ, говоритъ по-человѣчески, справедливо относить къ человѣчеству. Ибо Слову свойственно знать сотворенныя вещи и не имѣть невѣдѣнія о началѣ и концѣ ихъ, потому что твари—Его дѣло. И Слово знаетъ, сколько тварей произвело Оно, и долго ли существовать имъ. Зная же начало и конецъ каждой твари, безъ сомнѣнія, знаетъ рѣшительный и общій конецъ всего. Говоря въ Евангеліи о Себѣ по человѣчеству: *Отче, прииде часъ: прослави Сына Твоего* (Іоан. XVII, 1), конечно, какъ Слово, знаетъ и часъ общаго конца, не знаетъ же какъ человѣкъ, потому что человѣку свойственно не знать, особливо сего не знать. Но и это названіе усвоено Спасителемъ по

человѣколюбію; ибо, когда Господь содѣлался человекомъ, не стыдится, по причинѣ незнающей плоти, говорить о Себѣ: не знаю, желая показать, что, вѣдая какъ Богъ, не знаетъ по плоти. Не сказалъ: не знаетъ и Сынъ Божій, чтобы не оказалось невѣдущимъ Божество, но говорить просто: *ни Сынъ*, чтобы невѣдѣніе относилось къ Сыну Человѣческому. Посему, говоря объ Ангелахъ, не простирается выше, и не сказалъ: *ни Духъ Святый*, но умолчалъ, дѣлая тѣмъ двойное указаніе, что, если знаетъ Духъ, тѣмъ паче, какъ Слово, знаетъ Слово, отъ котораго и Духъ пріемлетъ (Іоан. XVI, 14); и что, умолчавъ о Духѣ, дѣлаетъ явнымъ, что о Человѣческомъ Своемъ служеніи сказалъ: *ни Сынъ*.

Въ доказательство же того, что сказанное *ни Сынъ* *отъ* относится къ Человѣчеству, показываетъ вмѣстѣ, что по Божеству вѣдаетъ Онъ все. Ибо о Томъ же Сынѣ, о Которомъ сказалъ, что не знаетъ *часа*, говорить, что знаетъ Онъ Отца. *Ни Отца*, сказано, *кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѳ. XI, 27). Всякій же, кромѣ аріанъ, согласится, что знающій Отца тѣмъ паче знаетъ все касающееся твари, а въ числѣ всего и конецъ ея. И если день и часъ опредѣлены уже Отцемъ, то явно, что опредѣлены чрезъ Сына и Сынъ знаетъ опредѣленное чрезъ Него. Ибо нѣтъ ничего, что пришло бы въ бытіе и опредѣлено было не чрезъ Сына. Слѣдовательно, Сынъ, будучи Творцемъ всего, знаетъ, какими, въ какомъ числѣ и надолго ли, по изволенію Отца, получили бытіе твари, въ чемъ и

когда будетъ ихъ измѣненіе. Еще же, если все, что принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну (какъ это сказалъ Самъ Сынъ, — Іоан. XVI, 15), а Отцу принадлежитъ знать день, то явно, что знаетъ и Сынъ, и сіе собственно принадлежащимъ Себѣ имѣя отъ Отца. И еще, если Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, Отецъ же знаетъ день и часъ, то явствуетъ, что и сущій во Отцѣ Сынъ и вѣдущій, что во Отцѣ, Самъ знаетъ день и часъ. Если также Сынъ есть истинный образъ Отца, а Отецъ знаетъ и день и часъ, то явно, что и Сынъ знаніемъ сего уподобляется Отцу.

И неудивительно, если Тотъ, *Имже вся быша*, и въ Комъ *всяческая состоятся* (Колос. I, 17), знаетъ созданныя вещи, и когда конецъ каждой вещи и всѣхъ вообще. Но удивительно то, что и такую истину защищать принудило насъ сіе безразсудство, подлинно приличное только безумію аріанъ. Ибо, причисляя къ созданнымъ Сына Божія—присносущное Слово, вскорѣ обучатся они утверждать, что и Самъ Отецъ меньше твари. Если знающій Отца не знаетъ дня и часа, то боюсь, чтобы не сказали сіи безумцы, что вѣдѣніе о твари, и даже о малой части твари, важнѣе вѣдѣнія объ Отцѣ. Но они, произнося такую хулу на Духа, пусть остаются въ томъ ожиданіи, что, какъ сказалъ Господь, никогда не получаютъ отпущенія въ семь нечестіи (Матѹ. XII, 31).

Мы же, какъ христолюбивые и христоносные, знаемъ, что Слово сказало: «не знаю», не приписывая незнанія Себѣ, какъ слову, потому что Оно знаетъ,

но указывая на челоуѣчество, потомучто челоуѣкамъ свойственно не знать; и поелику облеклось въ невѣдущую плоть, то, въ ней пребывая, въ отношеніи къ плоти сказало: «не знаю». Такъ, сказавъ тогда: «не знаетъ и Сынъ», и представивъ въ примѣръ незнаніе людей при Ноѣ, тотчасъ присовокупилъ Господь: *бдите убо, яко не вѣстѣ и вы, въ кій часъ Господь вашъ придетъ* (Матѳ. XXIV, 42), и еще: *въ онъже часъ не мнитѣ, Сынъ Человѣческій придетъ* (44). Ради васъ, содѣлавшись подобнымъ вамъ, сказалъ Я: ни Сынъ. А если бы не зналъ по Божеству, то надлежало бы сказать: *бдите*, потомучто не знаю, и въ какой часъ не ожидаю. Но Господь не сказалъ сего; сказавъ же: *яко не вѣстѣ вы, и въ онъже не мнитѣ*, показалъ, что не знать свойственно людямъ, ради которыхъ и Онъ, имѣя подобную съ ними плоть и содѣлавшись челоуѣкомъ, говоритъ: не знаетъ и Сынъ; ибо не знаетъ по плоти, хотя и знаетъ, какъ Слово. И примѣръ жившихъ при Ноѣ снова обличаетъ безстыдство христорборцевъ; потомучто и здѣсь не сказалъ о Себѣ: Я не зналъ, но говоритъ: *не увѣдѣша, дондеже придетъ вода* (Матѳ. XXIV, 39). Не знали люди; а Кто навелъ потопъ (это былъ Самъ Спаситель), Тотъ зналъ день и часъ, въ который отверзъ хляби небесныя и разверзъ бездны, и сказалъ Ною: *вниди ты и сынове твои въ ковчегъ* (Быт. VI, 18; VII, 1). Если бы не зналъ, то не предсказалъ бы Ною: *еще дній седмь, Азъ наведу потопъ на землю* (Быт. VII, 4). Если же означаетъ день изображеніемъ бывшаго при Ноѣ, день

же потопа зналъ,—то знаетъ, конечно, и день Своего пришествія. И сказавъ притчу о дѣвахъ, еще яснѣе показалъ, кто суть незнающіе дня и часа, когда говоритъ: *бдите убо, яко не вѣсте дне, ни часа* (Матѳ. XXV, 13). Незадолго предъ симъ говорилъ: *никтоже вѣсть, ни Сынъ*; а теперь не сказалъ: и Я не знаю; но говоритъ: *вы не вѣсте*. Слѣдовательно, когда и ученики спрашивали о кончинѣ, сказалъ Онъ: *ни Сынъ*. по причинѣ тѣла, относительно къ плоти, желая показать, что не знаетъ, какъ человѣкъ; потому что людямъ свойственно не знать. Если Онъ есть Слово, и Самъ имѣющій прійти, Самъ Судія, Самъ Женихъ,—то знаетъ, когда и въ какой часъ прійдетъ и когда скажетъ: *востани, спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. V, 14). Какъ, содѣлавшись человѣкомъ, Онъ съ человѣками алчетъ и жаждетъ и страждетъ, такъ съ человѣками и не знаетъ, какъ человѣкъ; по Божеству же, какъ во Отцѣ существующее Слово и Премудрость, знаетъ, и ничего нѣтъ сокрытаго отъ вѣдѣнія Его.

Такъ и о Лазарѣ опять по человѣчеству вопрошаетъ Тотъ, Кто пришелъ его воскресить, и знаетъ, откуда воззоветъ душу Лазаря; но знаетъ, гдѣ была душа, важнѣе, нежели знать, гдѣ лежало тѣло. Спрашивалъ же по человѣчеству, чтобы воскресить по Божеству. Такъ спрашиваетъ учениковъ, пришедши *во страны Кесаріи*, хотя зналъ и прежде отвѣта Петрова. Ибо, если Отецъ открылъ Петру то, о чемъ вопрошалъ Господь,—явно, что откровеніе было чрезъ

Сына; ибо сказано: *никтоже вѣсть Сына, токмо Отецъ, ни Отца, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открити* (Матѳ. XI, 27). Если же вѣдѣніе объ Отцѣ и Сынѣ открывается чрезъ Сына, то несомнѣнно, что вопрошающій Господь, Самъ прежде открывъ Петру отъ Отца, впоследствии спрашивалъ по челоуѣчеству, желая тѣмъ показать, что, вопрошая по плоти, знаетъ по Божеству, что скажетъ Петръ. И такъ, вѣдаетъ Сынъ, потому что знаетъ все, знаетъ Своего Отца, а сего знанія ничто не можетъ быть выше и совершеннѣе.

Хотя и сего достаточно къ обличенію еретиковъ, но, чтобы еще болѣе чрезъ это показать въ нихъ враговъ истины и христорборцевъ, желательно мнѣ спросить въ свою очередь. Апостолъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *вѣмъ челоуѣка о Христѣ, прежде лѣтъ сорока: аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть* (2 Коринѳ. XII, 2). Поэтому, что же скажете? Зналъ ли Апостолъ, что съ нимъ было въ видѣніи, хотя говоритъ: *не вѣмъ*, или не зналъ? Если не зналъ, то смотрите, чтобы вамъ, навывкнувъ падать, не впасть и въ беззаконіе Фриговъ, которые говорятъ, будто бы пророки и другіе служители Слова не знаютъ, ни что дѣлаютъ, ни о чемъ возвѣщаютъ. Если же, говоря: *не вѣмъ*, Апостолъ зналъ, потому что имѣлъ въ себѣ Христа, открывающаго ему все, — то, подлинно, не развращенно ли и не самоосуждено ли сердце христорборцевъ? Объ Апостолѣ, когда говоритъ: *не вѣмъ*, утверждаютъ, что знаетъ, о Господѣ же, когда гово-

рить: *не вѣмъ*, утверждаютъ, что не знаетъ. Если Павелъ потому, что былъ въ немъ Христосъ, знаетъ и то, о чемъ говоритъ: *не вѣмъ*; то не тѣмъ ли паче вѣдаетъ Самъ Христосъ, хотя и говоритъ: *не вѣмъ*? Апостоль, поелику открываетъ ему Господь, знаетъ, что было съ нимъ, потому и говоритъ: *вѣмъ человека о Христѣ*, зная же человекъ, знаетъ и то, какъ былъ восхищенъ этотъ человекъ. Такъ, Елисей видѣлъ и зналъ, какъ взятъ былъ Ілія. Но и зная, когда сыны пророческіе стали думать, что Ілія повергнутъ Духомъ на одну отъ горъ (4 Царств. II, 16), сначала увѣрялъ ихъ въ томъ, что видѣлъ и зналъ; когда же стали принуждать его, — умолкъ и согласился, чтобы шли искать. Неужели, поелику умолкъ, то и не зналъ? Зналъ, конечно, но согласился какъ незнавшій, чтобы они, убѣдившись, не сомнѣвались болѣе о взятіи Іліи. Тѣмъ паче Павелъ, будучи самъ восхищенъ, зналъ, какъ онъ былъ восхищенъ; потому что и Ілія зналъ, и если бы спросилъ кто, сказалъ бы, какъ былъ взятъ. Однакоже, Павелъ говоритъ: *не вѣмъ*, какъ думаю, двухъ ради причинъ, во-первыхъ, какъ самъ сказалъ, *да не како за премногая откровения* почитать кто его инымъ паче, *еже видитъ* (2 Коринѣ. XII, 6); а во-вторыхъ, поелику Спаситель сказалъ: *не вѣмъ*, и Павлу сказать прилично было: *не вѣмъ*, чтобы не казаться рабу выше Господина своего и ученику выше Учителя (Матѣ. X, 24).

Слѣдовательно, Давшій вѣдѣніе Павлу гораздо паче зналъ Самъ. Ибо, говоря о томъ, что предшествуетъ

дню, какъ сказано выше, зналъ Онъ, когда день, и когда часъ. Однакоже, зная, говорить: не знаетъ и Сынъ. Для чего же тогда наименовалъ Себя незнающимъ, что зналъ, какъ Владыка? Сколько изслѣдователямъ нужно прибѣгать къ догадкамъ, думаю, что для нашей пользы сдѣлалъ сіе Господь. Предположенію моему Самъ Онъ даетъ значеніе истины. Въ томъ и другомъ Спаситель соблюлъ полезное для насъ; потомучто и сдѣлалъ извѣстнымъ, что встрѣтится прежде конца, чтобы, какъ Самъ Онъ сказалъ, не изумлялись мы симъ событіямъ и не ужасались ихъ (Матѳ. XXIV, 6), но по онымъ ожидали послѣдующаго за тѣмъ конца; о днѣ же и часѣ не благоволилъ сказать по Божеству: «знаю», но по причинѣ невѣдущей плоти, по замѣченному выше, сказалъ: *не въмъ*, чтобы еще не предложили Ему вопросовъ, и тогда уже Ему или не опечалить учениковъ, не сказавъ, или, сказавъ, не сдѣлать того, что не было бы полезно имъ и всѣмъ намъ. Ибо что ни дѣлаетъ Онъ, все это, безъ сомнѣнія, для насъ, такъ какъ ради насъ *Слово плоть бысть*. Поэтому, ради насъ сказалъ: не знаетъ и Сынъ. И не солгалъ, сказавъ это, потомучто, какъ человѣкъ, по человѣчеству сказалъ: не знаю, и не допустилъ учениковъ вынуждать у Него отвѣтъ, потомучто сказаннымъ: не знаю, остановилъ ихъ вопросъ.

Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ написано, что, — когда *взыде* на Ангелы (Псал. XVII, 12), восходя какъ человѣкъ и вознося на небо плоть, которую

понесъ на Себѣ, когда и ученики, видя сіе, снова вопрошали, скоро ли будетъ конецъ и скоро ли придетъ?—тогда сказалъ имъ яснѣе: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. I, 7). Не сказалъ тогда: *ни Сынъ*, какъ говорилъ прежде сего по человѣчеству, но *нѣсть ваше разумѣти*; потомучто плоть Его была уже воскресшая, отложившая мертвенность и обоженная, и Ему восходящему на небеса прилично уже было отвѣчать не по плоти, но научить, наконецъ, по Божеству: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти: но примите силу*. Какая же Отчая сила, кромѣ Сына? Ибо Христосъ *сила Божія и Божія Премудрость* (1 Коринѣ. I, 25). Итакъ Онъ, будучи Словомъ, зналъ. Ибо, говоря сіе, давалъ разумѣть: я знаю, но *нѣсть ваше разумѣти*; для васъ, и сидя на горѣ, говорилъ Я по плоти: «не знаетъ и Сынъ», имѣя въ виду вашу и общую всѣхъ пользу. Ибо вамъ полезно слышать сіе и объ Ангелахъ и о Сынѣ по причинѣ обманщиковъ, какіе будутъ послѣ сего, чтобы вы, когда демоны преобразятся въ Ангеловъ и вознамѣрятся говорить о кончинѣ, не вѣрили имъ, потомучто они не знаютъ, и когда антихристъ, принявъ притворный видъ, скажетъ: «я Христосъ», и для обольщенія слушающихъ покусится также говорить о днѣ и о кончинѣ, и ему не повѣрили, помня Мое слово: *ни Сынъ*.

Сверхъ того, не знать, когда конецъ, или когда день кончины, полезно людямъ, чтобы, зная, не со-

дѣлаться имъ небрегутими о текущемъ времени во ожиданіи дней близкихъ къ концу, и не имѣть предлога, что тогда только позаботятся о себѣ. Поэтому умолчалъ и о смертной кончинѣ каждаго, чтобы, подъ предлогомъ знанія, люди, надмившись, не начали бѣольшую часть времени нерадѣть о себѣ. Такъ Слово сокрыло отъ насъ то и другое, и конецъ всего, и предѣлъ каждаго (потому что съ общею кончиною соединенъ конецъ и каждаго, и кончиною каждаго приближается общій конецъ), чтобы, поелику конецъ неизвѣстенъ и непрестанно ожидается, съ каждымъ днемъ, какъ призываемые, преспѣвали мы, *въ предняя простираяся, задняя же забывая* (Филиппис. III, 13). Ибо кто, зная день кончины, не оставитъ безъ вниманія текущаго времени? Не зная же дня сего, не будетъ ли готовиться каждый день? Посему-то и присовокупилъ Спаситель къ сказанному, говоря: *бдите убо, яко не вѣсте вы, въ кій день Господь вашъ придетъ* (Матѳ. XXIV, 42); и: *въ онъже не мните часъ, Сынъ Человѣческій придетъ* (Лук. XII, 40). Слѣдовательно, сказалъ сіе по причинѣ пользы такого невѣдѣнія; ибо говорить сіе съ тою цѣлію, чтобы всегда были мы готовы. Вы, говорить, не знаете, а Я Господь знаю, когда прииду, хотя аріане не ожидаютъ Меня, Отчее Слово. Итакъ, Господь, лучше насъ зная полезное для насъ, предостерегалъ Самъ учениковъ; и они, выразумѣвъ сіе, исправили тѣхъ Ѳессалоникійцевъ, которые готовы были погрѣшить въ этомъ.

Но поелику христорборцы и симъ не приводятся въ стыдъ, то, хотя знаю, что сердце ихъ ожесточеннѣе фараонова, хочу однакоже спросить ихъ еще и о семъ. Богъ спрашиваетъ въ раю, говоря: *Адаме, идѣ еси* (Быт. III, 9)? вопрошаетъ и Каина: *идѣ есть Авель, братъ твой* (Быт. IV, 9)? Поэтому, что скажете о семъ? Если полагаете, что Богъ не знаетъ и потому спрашиваетъ, то вы присоединяетесь уже къ манихеямъ, потому что имъ принадлежитъ такая дерзкая мысль. Если же, опасаясь явнаго наименованія манихеями, принудите себя сказать, что спрашиваетъ зная, то какую несообразность или странность можете примѣчать въ томъ, что Сынъ, чрезъ Котораго тогда вопрошалъ Богъ, Сей, говорю, Сынъ и нынѣ, облеченный плотію, какъ человѣкъ, вопрошаетъ учениковъ? Развѣ пожелаете, ставъ манихеями, порицать и данный тогда Адаму вопросъ, только бы имѣть вамъ случай похвалиться своимъ злоуміемъ.

Во всемъ обличаемые, еще ропщете вы по причинѣ сказаннаго у Луки, хотя и хорошо сіе сказано, вы же понимаете худо. Что же это именно, необходимо предложить здѣсь, чтобы и въ этомъ видѣнъ былъ развращенный умъ еретиковъ. Итакъ, Лука говоритъ: *и Иисусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ и благодатію у Бога и человекъ* (Лук. II, 52). Таково изреченіе. Но поелику аріане и въ семъ находятъ преткновеніе, то необходимо оный спросить ихъ, какъ саддукеевъ и фарисеевъ: о комъ говоритъ Лука? Спрашиваемъ же такъ: Иисусъ Христосъ есть ли

человѣкъ, какъ и всѣ прочіе человѣки, или Богъ, носящій на Себѣ плоть? Если и Онъ обыкновенный человѣкъ, подобный другимъ людямъ то пусть и преуспѣваетъ такъ же, какъ человѣкъ. Это—мудрованіе Самосатскаго, котораго и вы въ сущности держитесь, по имени же только отрицаетесь ради людской молвы. А если Онъ—Богъ, носящій на Себѣ плоть (какъ и дѣйствительно), и *Слово плоть бысть*, и будучи Богомъ, снисшло на землю,—то какое преспѣваніе имѣлъ Тотъ, Кто равенъ Богу? Или, съ чего начавъ, возрасталъ Сынъ, всегда сущій во Отцѣ? Если преспѣваетъ всегда Сущій во Отцѣ,—что будетъ выше Отца, въ чемъ бы преспѣвать Сыну? Потомъ, хорошо будетъ сказать здѣсь то же, что сказано о пріятіи и прославленіи. Если преспѣваетъ, содѣлавшись человѣкомъ, то явно, что, пока не содѣлался человѣкомъ, былъ несовершенъ, и болѣе плоть стала причиною Его совершенства, нежели Онъ причиною совершенства плоти. И еще, если, будучи Словомъ, преспѣваетъ, то чѣмъ же можетъ содѣлаться высшимъ Слова, Премудрости, Сына, Божіей силы? А Слово есть все это, и кто можетъ содѣлаться сколько-нибудь причастникомъ сего, какъ луча, тотъ дѣлается совершеннѣйшимъ человѣкомъ и равноангельнымъ. Ибо и Ангелы, и Архангелы, и господства, и всѣ силы, и престолы, по общенію съ Словомъ, *выну видятъ* лице Отца Его. Какъ же Дарующій совершенство другимъ Самъ преспѣваетъ послѣ нихъ? Ангелы служили и при человѣческомъ Его рожденіи, и сказан-

ное Лукою говорится послѣ служенія Ангеловъ. Какъ же вообще можетъ даже прійти сіе на мысль чело-вѣку? Или, какъ Премудрость преспѣвала премудро-стію? Какъ Подающій благодать другимъ (о чемъ Па-вель, зная, что Имъ преподается благодать, говоритъ во всякомъ посланіи: *благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами*) Самъ преспѣвалъ благодатию? Или пусть скажутъ, что Апостоль солгалъ; или пусть осмѣлятся утверждать, что Сынъ не есть Пре-мудрость. А если Онъ—Премудрость, какъ Соломонъ сказалъ, и написалъ Павелъ: *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость*,—то какое преспѣяніе допускала Премудрость? Люди, будучи тварями, могутъ прости-раться впередъ и преспѣвать въ добродѣтели. Такъ, Енохъ *преложенъ бысть*, и Моисей возрастая усовер-шался, и Исаакъ преспѣвая сталъ великъ, и Апо-столь сказалъ о себѣ, что съ каждымъ днемъ *про-стирается въ предняя*. Ибо каждому было въ чемъ преспѣвать, взирая на предлежащую ему степень. Но Сынъ Божій, какъ единый, къ чему могъ простираться? Все преспѣваетъ, взирая на Него, Самъ же Онъ единъ во единомъ Отцѣ, и отъ Него уже не простирается, но въ Немъ всегда пребываетъ. Посему, преспѣвать свойственно людямъ; Сынъ же Божій, поелику Ему не въ чемъ преспѣвать, будучи совершеннымъ во Отцѣ, смирилъ Себя насъ ради, чтобы Его смире-ніемъ мы могли паче возрастать; возрастаніе же наше не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ удале-ніи отъ чувственнаго и въ приближеніи къ Самому

Слову, потомучто и Его смиреніе не иное что есть, какъ воспріятіе нашей плоти. Поэтому, преспѣвало не Слово, поколику Оно—Слово, совершенное отъ совершеннаго Отца, ни въ чемъ не имѣющее нужды, но и другихъ возводящее къ преспѣянію; но и здѣсь именуется преспѣвающимъ по человѣчеству, потомучто и преспѣяніе свойственно также людямъ.

И Евангелистъ, говоря съ строгою осмотрительностію, къ преспѣянію присоединилъ и *возрастъ*. Слово и Богъ не измѣряется возрастомъ, возрасты же принадлежатъ тѣламъ; слѣдовательно и преспѣяніе принадлежитъ тѣлу. Съ преспѣяніемъ тѣла преспѣвало въ немъ для видящихъ и явленіе Божества. А въ какой мѣрѣ открывалось Божество, въ такой болѣе и болѣе для всѣхъ людей возрастала благодать, какъ въ человѣкѣ. Будучи младенцемъ, былъ Онъ носимъ; ставъ отрокомъ, остался во храмѣ и вопрошалъ священниковъ о законѣ; а по мѣрѣ того, какъ постепенно возрастало тѣло, и являло Себя въ немъ Слово, исповѣдуютъ уже сперва Петръ, а потомъ и всѣ, что *воистинну Божій Онъ Сынъ*, хотя Іудеи, и древніе и сіи новыя, добровольно смежаютъ очи и не хотятъ видѣть, что преспѣвать премудростію не то значитъ, будто бы преспѣваетъ Сама Премудрость, скорѣе же то, что преспѣваетъ премудростію человѣчество.

И Іисусъ преспѣвалъ премудростію и благодатію. Если же надобно выразиться вмѣстѣ истинно и удобно-понятно, то Іисусъ преспѣвалъ Самъ въ Себѣ, потомучто *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. IX, 1),

и содѣлала, что домъ преспѣвалъ Ею. О какомъ же говорится преспѣяніи? Не о томъ ли обоженіи и не о той ли благодати, какія, по замѣченному выше, послѣ уничтоженія въ людяхъ грѣха и бывшаго въ нихъ тлѣнія, по подобію и сродству съ плотію Слова, преподаются имъ Премудростію? Такъ, когда съ лѣтами, возрастало тѣло, соотвѣтствовало сему въ немъ и явленіе Божества, и всѣмъ дѣлалось явно, что Божій это храмъ, и что Богъ былъ въ тѣлѣ.

Если же будутъ упорствовать, что Слово, содѣлавшееся плотію, наречено Іисусомъ, и къ Нему станутъ относить сказанное: *преспѣваше*, то пусть слышать, что и сіе не умаляетъ Отчаго Свѣта (потому что Сынъ есть Отчій Свѣтъ), показываетъ же опять, что Слово содѣлалось человѣкомъ и носило на Себѣ истинную плотъ. И какъ говорили мы, что Слово плотію страдало, плотію алкало и плотію утруждалось,—такъ справедливо можно сказать, что Оно плотію преспѣвало; потому что не внѣ было Слово, когда совершалось сіе, какое бы то ни было, сказанное нами преспѣяніе. Въ Словѣ была преспѣвающая плотъ и называется плотію Слова. И сіе опять для того, чтобы человѣческое преспѣяніе, по причинѣ соприсущаго Слова, пребывало непогрѣшительнымъ. И такъ это—не преспѣяніе Слова, Премудрость не была плотію; но плотъ содѣлалась тѣломъ Премудрости. Поэтому, какъ уже сказали мы, не Премудрость, поколику Она—Премудрость, Сама въ Себѣ преспѣвала, но человѣчество преспѣвало премудростію, постепенно

возвышаясь надъ естествомъ человѣческимъ, обожаясь, содѣлываясь и являясь для всѣхъ органомъ Премудрости для дѣйственности Божества и Его возсіянія. Потому не сказалъ Евангелистъ: преспѣвало Слово, но *Иисусъ преспѣваше*, а симъ именемъ нареченъ Господь, содѣлавшись человѣкомъ. И такимъ образомъ преспѣваніе, какъ сказали мы и выше, принадлежитъ естеству человѣческому.

Посему, какъ съ преспѣваніемъ плоти Господь Самъ именуется преспѣвающимъ, потому что тѣло принадлежало Ему собственно: такъ и сказуемое относительно ко времени смерти, что Господь возмущался, плакалъ, надобно принимать въ томъ же смыслѣ. Ибо еретики, кидаясь туда и сюда, и на этомъ какъ-бы вновь созидая свою ересь, говорятъ: вотъ плакалъ и говорилъ: *нынѣ душа Моя возмутися* (Іоан. XII, 27), и молился, *да мимоидетъ чаша* (Матѳ. XXVI, 39); почему же, если говорилъ это, Онъ—Богъ и Отчее Слово? Такъ; написано, богоборцы, что плакалъ, и говорилъ: *возмутися*, и на крестѣ сказалъ: *Елої, Елої, ліма савахані? еже есть: Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Марк. XV, 34. Матѳ. XXVII, 46); молился и о томъ, *да мимоидетъ чаша*: и сіе написано. Но я желалъ бы также, чтобы и вы дали отвѣтъ. Ибо каждое изъ вашихъ возраженій необходимо отражать тѣмъ же. Если Глаголющій есть простой человѣкъ, то пусть плачетъ и боится смерти, какъ человѣкъ. Если же Онъ—Слово во плоти (для насъ необременительно—повторять всегда одно и то же), то

чего было бояться Ему-Богу? Или почему убоялся смерти, будучи Самъ жизнь и другихъ спасаая отъ смерти? Или почему, говоря: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло* (Лук. XII, 4), Самъ убоялся? Почему Тотъ, Кто говоритъ Аврааму: *не бойся, яко съ тобою есмь* (Исаія XLIII, 5), и Моисея поощряетъ къ мужеству предъ фараономъ, и Навину говоритъ: *крѣпнися и мужайся* (Ис. Навин. I, 6),—Самъ пришелъ въ боязнь отъ Ирода и Понтія? Притомъ, другимъ ставъ помощникомъ, чтобы не имѣли страха (ибо сказано: *Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человекъ*,—Псал. CXVII, 6), Самъ устрашился игеионовъ, людей смертныхъ, и добровольно пришедши на смерть, убоялся смерти? Совмѣстно ли съ чѣмъ и не злочестиво ли—говорить, что убоялся смерти или ада Тотъ, Кого *видѣвши вратницы адовы убояшася* (Іов. XXXVIII, 17)? Если жѣ по словамъ вашимъ убоялось Слово, то почему же незадолго предъ симъ, говоря о злоумышленіи Іудеевъ, Оно не спаслось бѣгствомъ, но когда искали, сказало: *Азъ есмь* (Іоан. XVIII, 5)? Господь могъ и не умереть, какъ говорилъ: *область имамъ положить душу Мою, и область имамъ пакы пріяти ю; и: никтоже возметъ ю отъ Мене* (Іоан. X, 18). Напротивъ того, бояться свойственно было не естеству Слова, какъ Слова, христорборцы и неблагодарные Іудеи, но Слово было во плоти, подверженной страху. И не говорилось сего о Словѣ до пріятія Имъ плоти; когда же *Слово плоть бысть*, и содѣлалось человѣкомъ, тогда написано сіе

относительно къ челоѳчеству. Несомнѣнно же, что, о Комъ написано сіе, Тотъ воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ, воду содѣлалъ виномъ, даровалъ зрѣніе родившемуся слѣпымъ, и говорилъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30).

Итакъ, если еретики челоѳческія свойства выставляютъ въ предлогъ къ тому, чтобы о Сынѣ Божіемъ думать низко, лучше же сказать, почитаютъ Его челоѳкомъ совершенно земнымъ и не небеснымъ, — то почему изъ дѣлъ Божескихъ не признаютъ Слова, сущаго во Отцѣ, и не отрекутся наконецъ отъ своего злочестія? Ибо можно имъ видѣть, почему Творящій дѣла есть Тотъ же Самый, Кто являетъ и удобостраждущее тѣло, попуская ему плакать и алкать и обнаруживать въ себѣ свойственное тѣлу. Чрезъ подобное сему дѣлалъ Онъ извѣстнымъ, что Онъ — безстрастный Богъ, и пріялъ на Себя удобостраждущую плоть; а дѣлами доказывалъ о Себѣ, что Онъ есть Божіе Слово, впоследствии содѣлавшееся челоѳкомъ, и говорилъ: *аще и Мнѣ не вѣруете, видя Меня облеченнымъ въ челоѳческое тѣло, дѣломъ Моимъ вѣруйте, да разумѣете, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. X, 38).

Но весьма великими кажутся мнѣ безстыдство и хула христорборцевъ. Слыша: *Азъ и Отецъ едино есма*, усиливаются перетолковать смыслъ и расторгнуть единство Отца и Сына; а слыша, что плакалъ, проливалъ потъ, страдалъ, не обращаютъ вниманія на тѣло, но причисляютъ за сіе къ твари Того, Кѣмъ

тварь получила бытіе. Чѣмъ же наконецъ еретики сіи отличаются отъ Іудеевъ? Какъ тѣ хульно приписывали дѣла Божіи веельзевулу, такъ и они, причисляя къ тварямъ совершившаго дѣла сіи Господа, понесутъ на себѣ и одинаковое съ Іудеями непощадное осужденіе. Но имъ, слыша: *Азъ и Отецъ едино есма*, надлежало видѣть единое Божество и свойственное Отчей сущности, а слыша: «плакалъ» и подобное тому, именовать сіе свойственнымъ тѣлу, тѣмъ паче, что въ томъ и другомъ имѣютъ основательный поводъ признавать одно написаннымъ о Немъ, какъ о Богѣ, а другое сказаннымъ по причинѣ человѣческаго Его тѣла. Въ Безплотномъ не было бы свойственнаго тѣлу, если бы не пріялъ на Себя тлѣннаго и смертнаго тѣла. Ибо смертною была святая Марія, отъ Которой было тѣло. А потому, когда былъ Онъ въ тѣлѣ страждущемъ, способномъ плакать и утомляться, тогда необходимо стало, чтобы Ему вмѣстѣ съ тѣломъ приписывалось и то, что собственно принадлежитъ плоти. Итакъ, если Онъ плакалъ и возмущался, то плакало и возмущалось не Слово, какъ Слово, но это свойственно было плоти; если и молился, *да мимоидетъ чаша*, то не Божество страшилось, но и сія немощь свойственна была человѣчеству.

И слова: *вскую Мя еси оставилъ*, по сказанному выше, Ему же опять, хотя ни мало не страждущему (потому что Слово было безстрастно), приписали одинаково Евангелисты. Ибо Господь содѣлался человѣкомъ, и сіе совершается и говорится Имъ, какъ чело-

вѣкомъ, чтобы Ему Самому, облегчивъ и сіи страданія плоти, содѣлать плоть свободною отъ нихъ. Посему, не можетъ быть и оставленъ Отцемъ Господь, всегда сущій во Отцѣ, какъ и прежде нежели изрекъ сіе, такъ и по произнесеніи сихъ словъ. Но непозволительно опять сказать, будто бы убоился Господь, Котораго убоявшись, *вратницы адовы* дали свободу содержимымъ во адѣ, и *гробы отверзошася, и многа тѣлеса святыхъ* восташа и явишася своимъ (Матѳ. XXVII, 52—53). Итакъ, да умолкнетъ всякій еретикъ, и да устрашится говорить, будто бы имѣлъ боязнь Господь, отъ Кого бѣжитъ смерть какъ змій, предъ Кѣмъ трепещутъ демоны, Кого страшится море, для Кого разверзаются небеса и всѣ силы колеблются. Ибо вотъ, когда говоритъ Онъ: *вскую Мя еси оставилъ*, Отецъ показываетъ, что какъ всегда, такъ и въ это время былъ Онъ въ Немъ, потому что земля, зная вѣщающаго Владыку, немедленно потряслась, завѣса раздралась, солнце сокрылось, камни рассѣлись, гробы, какъ сказано выше, отверзлись, и бывшіе въ нихъ мертвецы возстали, и, что всего удивительнѣе, предстоящіе, которые прежде отреклись отъ Него, когда увидѣли сіе, исповѣдуютъ, что *воистинну Божій Сынъ есть Сей* (Матѳ. XXVII, 54).

Въ разсужденіи же сказаннаго Имъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ чаша* (Матѳ. XXVI, 39), обратите вниманіе на то, почему Сказавшій сіе въ иномъ случаѣ сдѣлалъ упрекъ Петру: *не мыслиши, яже Божія, но человѣческая* (Матѳ. XVI, 23). Объ отмѣненіи чего

просилъ, Самъ того хотѣлъ, на то и пришелъ. Но какъ Ему было свойственно хотѣть сего, потому что на сіе и пришелъ, такъ плоти свойственно было и страшиться: почему, какъ человѣкъ, сказалъ Онъ слова сіи. И опять, то и другое сказано было Имъ въ доказательство, что Онъ—Богъ, Самъ хотѣлъ сего. Но, содѣлавшись человѣкомъ, сталъ имѣть страшливую плоть и по причинѣ оной волю Свою срастворилъ человѣческою немощію, чтобы, и сіе также уничтоживъ, снова содѣлать человѣка небоящимся смерти. Вотъ подлинно необычайное дѣло! Кого христорборцы почитаютъ говорящимъ по боязни, Тотъ мнимою боязнію содѣлалъ людей отважными и небоязненными. И блаженные Апостолы, послѣ Него, вслѣдствіе словъ сихъ столько начинаютъ презирать смерть, что не обращаютъ вниманія на судей своихъ, но говорятъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ* (Дѣян. V, 29). Другіе же святые мученики до того простирали небоязненность, что скорѣе можно было почитать ихъ преходящими въ жизнь, нежели претерпѣвающими смерть. Итакъ, не явная ли несообразность—удивляться мужеству служителей Слова, и приписывать боязнь Самому Слову, силою Котораго и они презирали смерть? Самою твердою рѣшимостію и мужествомъ святыхъ мучениковъ доказывается, что не Божество имѣло боязнь, но нашу боязнь отъялъ Спаситель. Ибо, какъ смерть привелъ въ бездѣйствіе смертію и все человѣческое—Своимъ человѣчествомъ, такъ и мнимою боязнію отъялъ нашу боязнь и со-

дѣлалъ, что люди не боятся уже смерти. Поэтому и говорилъ и вмѣстѣ дѣлалъ сіе. Человѣчеству свойственно было говорить: *да мимоидеть чаша; и: вскую Мя еси оставилъ*; а по Божеству содѣлалъ Онъ, что меркнетъ солнце, и возстаютъ мертвые, и опять, говоря по-человѣчески: *нынѣ душа Моя возмутися*, говорилъ Божески: *область имамъ положить душу Мою, и область имамъ пакы пріяти ю*. Возмущаться свойственно было плоти, а имѣть власть положить и пріять душу, когда хочеть, не человѣкамъ уже свойственно, но возможно только силѣ Слова. Человѣкъ умираетъ не по собственной своей власти, но по необходимости природы и противъ воли: Господь же, Самъ будучи бессмертнымъ, но имѣя смертную плоть, былъ властенъ, какъ Богъ, разлучиться съ тѣломъ и снова воспріять оное, когда Ему было угодно. О семъ и Давидъ воспѣваетъ: *не оставши душу мою во адъ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (Псал. XV, 10). Плоти тлѣнной прилично было не оставаться болѣе смертною, сообразно съ естествомъ своимъ, но пребывать нетлѣнною по причинѣ облекшагося въ нее Слова. Какъ Оно, бывъ въ нашемъ тѣлѣ, подражало свойственному намъ, такъ мы, пріавъ Его, отъ Него приобщаемся бессмертія.

Посему, аріане напрасно притворяются соблазняющимися и низко думаютъ о Словѣ, если написано: *возмутися, и: плакалъ*. Повидимому, не имѣютъ они человѣческаго чувства, не зная естества человѣческаго и свойственнаго людямъ. Надлежало болѣе

дивиться сему, что Слово было въ такой удобостраждущей плоти и не воспрепятствовало злоумышляющимъ, не показало убійць, хотя и могъ сіе сдѣлать Тотъ, Кто другихъ удерживалъ отъ смерти и умершихъ воскрешалъ изъ мертвыхъ. Напротивъ того, Слово попустило пострадать собственному Своему тѣлу. Для того, какъ говорилъ я прежде, и пришло Оно, дабы пострадать плотію и плоть содѣлать наконецъ безстрастною и безсмертною, и дабы чрезъ страданія и все бывшее, поколику относилось это и къ Самому Слову, содѣлать, чтобы болѣе уже не касалось это людей, но совершенно уничтожилось въ Немъ, и люди, какъ храмъ Божій, пребывали уже нетлѣнными во вѣкъ.

Если бы такъ разсуждали о семъ христорборцы и церковное руководство признавали за якорь вѣры, то не подверглись бы крушенію въ вѣрѣ и не дошли бы до такого безстыдства, чтобы противиться желающимъ возставить ихъ отъ паденія, и лучше сказать, почитать врагами увѣщавающихъ къ благочестію. Но, какъ видно, еретикъ имѣетъ подлинно лукавое и во всемъ развращенное нечестіемъ сердце. Ибо вотъ во всемъ обличаемые, и, какъ оказывается, лишенные всякаго смысла, они не стыдятся; но какъ описываемая въ Еллинскихъ басняхъ гидра, когда умерщвляли у нея прежнихъ змѣй, пораждала новыхъ, и упорно противилась умерщвляющему, противопоставляя вновь поражаемыхъ змѣй: такъ и сіи богоборцы и богоненавистные, подобно гидрамъ въ душѣ смертельно по-

ражаемые во всемъ, что выставляють въ свою защиту, изобрѣтають себѣ новыя Іудейскіе и буи вопросы, и, какъ-бы враждуя противъ истины, вымышляють новое, чтобы только во всемъ показать себя христорборцами. Ибо послѣ столь многихъ обличеній, при которыхъ и самъ отецъ ихъ—дѣволъ обратился бы вспять, они снова ропщутъ, вымышляя въ ухищренномъ сердцѣ своемъ, и однимъ шепчуть, другимъ, какъ комары, жужжать, говоря: «положимъ, что такъ толкуете вы это и преодолеваете умозаключеніями и доводами; но должно сказать, что по хотѣнію и изволенію произошелъ Сынъ отъ Отца». И ограждая себя Божиимъ хотѣніемъ и изволеніемъ, обольщаютъ симъ многихъ. Но если бы кто изъ правовѣрующихъ говорилъ сіе въ простотѣ, то не было бы ничего подозрительнаго въ сказанномъ, потому что простодушное произнесеніе такихъ словъ превозмогалось бы православнымъ разумѣніемъ. Поелику же говорятъ это еретики, а еретическія рѣчи подозрительны, и какъ написано, *управляютъ же нечестивіи лести, и слова ихъ льстива* (Притч. XII, 5—6), хотя бы сдѣлали и одинъ намекъ, потому что имѣють развращенное сердце, то изслѣдуемъ сказанное ими и разыщемъ, не съ тѣмъ ли они, во всемъ обличенные, наконецъ, подобно гидрамъ, измыслили новое реченіе, чтобы, при такомъ хитрословіи и при своей вкрадчивости, снова въ иномъ видѣ посѣять свое нечестіе.

Кто говоритъ, что Сынъ произошелъ по хотѣнію, означаетъ симъ то же, что и утверждающій: «было,

когда не было Сына, и Онъ произошелъ изъ не сущаго, и есть тварь». Но поелику аріане постыждены за такія рѣчи, то хитрецы сіи вознамѣрились иначе означить то же самое, ограждаясь хотѣніемъ, какъ каракатицы черной влагой, чтобы омрачить тѣхъ людей простосердечныхъ, а самимъ не забыть своей ереси. Откуда сіе по хотѣнію и изволенію? Или изъ какого Писанія приводятъ такія слова? Пусть скажутъ сіи подозрительные въ рѣчахъ своихъ и изобрѣтатели злочестія! Отецъ, съ небеси открывая Слово Свое, изъявилъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. III, 17); и чрезъ Давида сказалъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Псал. XLIV, 2); и Іоанну повелѣлъ сказать: *въ началѣ бѣ Слово*; и Давидъ воспѣвая говоритъ: *яко у Тебе источникъ живота, во свѣтъ Твоемъ ѹзримъ свѣтъ* (Псал. XXXV, 10); Апостоль же пишетъ: *Иже сый сіяніе славы* (Евр. I, 3); и еще: *Иже во образъ Божіи сый* (Филиппис. II, 6); и: *Иже есть образъ Бога невидимаго* (Колос. I, 15). Всѣ и вездѣ говорятъ о бытіи Слова, и нигдѣ о томъ, что Оно отъ хотѣнія, и вообще, что Оно сотворено. Гдѣ же нашли еретики хотѣніе или изволеніе, предшествующее Божію Слову? Развѣ, оставивъ Писанія, прикроются злоуміемъ Валентина. Ибо Птолемей, ученикъ Валентиновъ, говорилъ, что Нерожденный имѣетъ два рога—мысль и изволеніе, и сперва помыслилъ, потомъ изволилъ; и что помыслилъ, того не могъ бы произвести, если бы не привзошли и силы воли. И научившись изъ сего, аріане хотятъ, чтобы Слову

предшествовали изволеніе и хотѣніе. И такъ, пусть соревнують они въ заблужденіяхъ Валентину; а мы, читая Божіи словеса, находимъ о Сынѣ: *бгъ*, и слышимъ, что Онъ одинъ во Отцѣ и есть Отчій образъ; объ однихъ же созданныхъ, потому что ихъ и по естеству нѣкогда не было, произошли же они впоследствии, читаемъ, что имъ предшествовало хотѣніе и изволеніе, какъ воспѣваетъ Давидъ во сто тринадцатомъ псалмѣ: *Богъ нашъ на небеси и на земли: вся елика восхотѣ, сотвори* (Псал. СХІІІ, 11); и во сто десятомъ: *веля дѣла Господня, изыскана во всѣхъ воляхъ Ею* (Псал. СХ, 2); и еще во сто тридцать четвертомъ: *вся елика восхотѣ Господь, сотвори, на небеси и на земли, въ моряхъ и во всѣхъ безднахъ* (Псал. СХХІV, 6). Посему, если Сынъ есть дѣло и произведеніе, одинъ изъ всего, то пусть будетъ сказано, что и Онъ произведенъ хотѣніемъ; ибо, по указанію Писанія, такъ произошли твари. И защитникъ ереси, Астерій, соглашаясь съ симъ, пишетъ такъ: «Если недостойно Создателя производить по изволенію, то пусть во всемъ также отъята будетъ у Него воля, чтобы неприкосновеннымъ сохранилось у Него достоинство. Если же прилично Богу хотѣть, то пусть и въ разсужденіи перваго рожденія принадлежитъ Ему совершеннѣйшее. Ибо невозможно, чтобы одному и тому же Богу и приписываема была воля въ разсужденіи производимаго, и приличествовало не хотѣть». Сложивъ въ словахъ своихъ величайшее, какое только возможно, злочестіе, а именно, что произведеніе и

рожденіе есть одно и то же, и что Сынъ есть одно изъ всѣхъ сущихъ рожденій, лжеумствователь заключилъ тѣмъ, что о произведеніяхъ слѣдуетъ говорить: они по хотѣнію и изволенію.

Итакъ, если Сынъ иной есть отъ всѣхъ, какъ и прежде сего было доказано, вѣрнѣе же сказать, Имъ произведены и дѣла, — то пусть не говорятъ, что и Онъ по хотѣнію, иначе и Онъ будетъ происходить такъ же, какъ состоялось все сотворенное Имъ. Ибо Павелъ, котораго прежде не было, впоследствии однако *волею Божіею* сталъ Апостоломъ (1 Коринѣ. I, 1). И наше званіе, котораго не имѣли мы нѣкогда, нынѣ же получили, имѣетъ предшествовавшее ему хотѣніе, какъ опять говоритъ тотъ же Павелъ: *бысть по благоволенію хотѣнія Его* (Ефес. I, 5). Сказанное же Моисеемъ: *да будетъ свѣтъ, и: да изведетъ земля, и: сотворимъ челоука*, думаю, какъ сказано было и выше, означаетъ хотѣніе Творящаго, потомучто Создатель совѣщаваеъ сотворить не существовавшее нѣкогда, привходящее же совнѣ. Но собственному Его Слову, рожденному отъ естества Его, не предшествуетъ совѣщаніе: потомучто Отецъ все прочее, о чемъ совѣщаваеъ, Имъ производитъ, и Имъ зиждетъ, какъ учитъ насъ и Апостоль Іаковъ, говоря: *восхотѣвъ породити насъ Словомъ истины* (Іаков. I, 18). Посему, о всѣхъ возраждаемыхъ и единожды приводимыхъ въ бытіе есть Божіе хотѣніе въ Словѣ, Которымъ Богъ преднамѣренное Имъ производитъ и возраждаеъ. И сіе опять даеъ разумѣть Апостоль, пиша въ Тессалонику:

сія бо есть воля Божія о Христѣ Иисусѣ въ васъ (1 Солун. V, 18). Если же, Кѣмъ творить, въ Томъ и хотѣніе, и во Христѣ воля Отца,—то какъ же Самъ Христосъ можетъ происходить по хотѣнію и изволенію? Если и Онъ, подобно намъ, произошелъ по хотѣнію, то необходимо и о Немъ состояться хотѣнію въ другомъ какомъ-либо словѣ, которымъ и Онъ производится. Ибо доказано, что хотѣніе Божіе не въ томъ, что приводится въ бытіе, но въ Томъ, Кѣмъ и о Комъ приходятъ въ бытіе всѣ созданія.

Притомъ, поелику сказать: по хотѣнію, значитъ то же, что и: было, когда не былъ; то пусть удовольствуются симъ изреченіемъ: было, когда не былъ, и постыждаемые тѣмъ, что чрезъ сіе означаютъ время, пусть знаютъ, что, употребляя слово: по хотѣнію, опять наводятъ на мысль, что прежде Сына было время. Ибо тому, чего нѣкогда не было, какъ должно сказать о всѣхъ тваряхъ, предшествуетъ совѣщаніе. Если же Слово есть Зиждитель тварей, Само же соприсуще Отцу, то Присносущему можетъ ли, какъ не сущему, предшествовать совѣщаніе? Если предшествуетъ Ему совѣтъ, то какъ же Имъ все? Напротивъ того, одинъ изъ всѣхъ будетъ и Самъ Сынъ, рожденный по хотѣнію, подобно тому, какъ и насъ Слово истины содѣлало сынами; и необходимо уже намъ, какъ сказано, искать другаго слова, которымъ и Сынъ получилъ бытіе и рожденъ вмѣстѣ со всѣми, кого восхотѣлъ породить Богъ.

Поэтому, ежели есть иное Божіе слово, то пусть и Сынъ произведенъ будетъ словомъ. Если же нѣтъ инаго слова (какъ и дѣйствительно нѣтъ), но все, что угодно было Отцу, получило бытіе Сыномъ,—то не выказывается ли въ этомъ многоглавое коварство еретиковъ? Постыжденные за наименованіе Сына произведеніемъ и тварію и за это положеніе: не было Божія Слова, пока не рождено, снова выражаютъ иначе, что Сынъ есть тварь, ограждая себя реченіемъ: хотѣніе, и говоря: если Онъ не по хотѣнію произошелъ, то значить, что по необходимости и противъ воли имѣлъ Богъ Сына. Но кто же налагаетъ на Него необходимость, прелукавые еретики, старающіеся все обратить въ пользу своей ереси? Усмотрѣли вы, что противоположено хотѣнію, а что важнѣе и выше, того не примѣтили. Какъ хотѣнію противопоставляется несогласное съ волею, такъ выше и первоначальнѣе свободнаго избранія тѣ, что въ естествѣ. Человѣкъ строить домъ по свободному изволенію, а сына рождаетъ по естеству. И что устрояется по хотѣнію, тѣ получило начало бытія, и оно для творящаго есть внѣшнее; а Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности, не отвнѣ Отца. Поэтому, Отецъ не совѣщаваетъ о Сынѣ, иначе должно было бы заключить, что Онъ совѣщаваетъ и о Себѣ Самомъ. Итакъ, въ какой мѣрѣ Сынъ выше твари, въ такой же и тѣ, что отъ естества, выше хотѣнія. И еретикамъ, слышася, надлежало не вмѣнять хотѣнію того, что отъ естества; но они, забывъ, что слышатъ о Сынѣ Бо-

жіемъ, осмѣливаются употреблять о Богѣ человѣческія противоположенія: «по необходимости и противъ воли», чтобы отрицать имъ бытіе истиннаго Сына Божія.

Дѣйствительно, пусть скажутъ намъ сами: по хотѣнію ли, или не по хотѣнію у Бога тѣ, что Онъ благъ и милосердъ? Если по хотѣнію, то должно замѣтить, что Онъ началъ быть благимъ, и есть возможность не быть Ему благимъ; потому что при совѣщаніи и избраніи имѣетъ мѣсто склонность къ тому и другому, и состояніе сіе свойственно разумной природѣ. Если же, по причинѣ заключающейся въ семъ необходимости, Богъ благъ и милосердъ не по хотѣнію,—то пусть услышатъ то же, что сказали сами: слѣдовательно, Онъ благъ по необходимости и не по волѣ. Кто же налагаетъ на Него и сію необходимость? Если ни съ чѣмъ несообразно приписывать Богу необходимость, и поэтому, Онъ благъ по естеству, то гораздо паче и съ большею несомнѣнностію по естеству, а не по хотѣнію, Онъ—Отецъ Сына.

Но намѣреваюсь безстыдству ихъ предложить вопросъ, хотя и смѣлый, впрочемъ (да помилуетъ Владыка!) имѣющій цѣлю благочестіе; пусть еще скажутъ намъ и сіе: Самъ Отецъ, совѣщавшись прежде и потомъ возжелавъ, или и прежде совѣщанія, такъ существуетъ? Еретикамъ, дерзнувшимъ отзываться такъ о Словѣ, надлежитъ выслушать и это и изъ сего выразумѣть, что такая ихъ продерзость касается и Самого Отца. Итакъ, если, однажды навсегда рѣшившись

разсуждать о хотѣніи, скажутъ они, что и Отець— вслѣдствіе хотѣнія, то чѣмъ же былъ Онъ до совѣщанія? Или, что большее сталъ имѣть, какъ говорите вы, по совѣщаніи? Если же такой вопросъ нелѣпъ и несостоятеленъ, и вообще, непозволительно даже и говорить что-либо подобное (ибо слыша о Богѣ, достаточно для насъ знать и представлять въ мысли только одно, что Онъ есть *Сый*), то не будетъ ли неразумно подобнымъ образомъ думать и о Словѣ и выставять на видъ хотѣніе и изволеніе? Ибо слыша и о Словѣ, достаточно для насъ знать и представлять въ мысли только одно, что не вслѣдствіе хотѣнія Сущій Богъ, не по хотѣнію, но по естеству имѣетъ собственное Слово. Не выше ли всякаго безумія даже и помыслить только, будто бы Самъ Богъ совѣщаваесть, размышляетъ, избираетъ и побуждаетъ Себя къ соизволенію не быть безъ Слова и Премудрости, но имѣть Слово и Премудрость? Совѣщавающій о Томъ, Кто собственно отъ Его сущности, видимо совѣщаваесть о Себѣ Самомъ.

Поэтому, много хульнаго въ такомъ мудрованіи, благочестно же будетъ сказать, что существа созданныя пришли въ бытіе по благоволенію и хотѣнію, а Сынъ—не привзошедшее, подобно твари, созданіе воли, но собственное по естеству рожденіе сущности. Ибо, будучи собственнымъ Отчимъ Словомъ, не позволяеть думать о какомъ-либо предшествовавшемъ Ему хотѣніи; потомучто Самъ Онъ есть Отчій совѣтъ, Отчая сила и Зиждитель угоднаго Отцу. И сіе Самъ

Онъ говоритъ о Себѣ въ Притчахъ: *Мой советъ и утверждение, Мой разумъ, Моя же крѣпость* (Притч. XVIII, 14). Какъ Самъ Онъ есть разумъ, которымъ уготовалъ небеса, и Самъ есть крѣпость и сила (потому что Христосъ *Божія сила и Божія Премудрость* 1 Коринѳ. I, 24), теперь же, превративъ рѣчь, сказалъ: *Мой разумъ и Моя крѣпость*; такъ, говоря: *Мой советъ*, Самъ есть живой Отчий советъ, какъ научены мы и пророкомъ, что Онъ дѣлается Ангеломъ великаго совета (Исаія IX, 6), и Онъ же нареченъ *Отчею волею* (Исаія LXII, 4). Такъ надобно обличать еретиковъ, которые о Богѣ представляютъ человѣческое. И такъ, если созданія произошли по хотѣнію и благоволенію, и вся тварь получила бытіе по волѣ, и Павелъ *волею Божіею* нареченъ *посланникъ* (Ефес. I, 1), и званіе наше было по благоволенію и волѣ (Ефес. I, 9), все же получило бытіе Словомъ,—то Слово состоитъ внѣ получившихъ бытіе по хотѣнію, лучше же сказать, Само Оно есть тотъ живой Отчий Советъ, Которымъ вся быша, Которымъ и святой Давидъ, благодаря, сказалъ въ семьдесятъ второмъ псалмѣ: *удержалъ еси руку десную мою, и советомъ Твоимъ наставилъ мя еси* (Псал. LXXII, 23—24). Какъ же Слово, будучи советомъ и волею Отца, можетъ и Само, подобно каждой твари, прійти въ бытіе по волѣ и хотѣнію? Развѣ еретики, по сказанному прежде, въ безуміи своемъ скажутъ опять, что Слово произведено Само Собою, или другимъ какимъ словомъ. Поэтому, кѣмъ же получило Оно бытіе? Пусть измыслятъ иное слово,

и, соревнуя Валентинову ученію, наименоуютъ инаго Христа. Въ Писаніи нѣтъ сего. Но если и измыслятъ иное слово, то, безъ сомнѣнія, и оно приходитъ въ бытіе кѣмъ-либо. И наконецъ, когда разсуждаемъ такимъ образомъ и доискиваемся слѣдствій, открывается предъ нами многоглавая ересь безбожниковъ, впадающая въ многобожіе и безмѣрное безуміе, по которой еретики, желая, чтобы Сынъ былъ тварію и изъ не-сущихъ, то же самое выражаютъ иначе, прикрывая себя словами: хотѣніе и изволеніе, которыя всего болѣе съ основательностію можно употреблять о вещахъ созданныхъ и о тваряхъ.

Не нечестиво ли же свойственное существамъ созданнымъ относить къ Создателю? Не богохульно ли говорить, что во Отцѣ есть хотѣніе прежде Слова? Если хотѣніе во Отцѣ предшествуетъ, то не истину говоритъ Сынъ: *Азъ во Отца* (Іоан. XIV, 10). Или, если и Онъ во Отцѣ, но будетъ считаться вторымъ, то неприлично было Ему сказать о Себѣ: *Азъ во Отца*, когда прежде Него было хотѣніе, которымъ, по словамъ вашимъ, *вся быша*, и состоялся Самъ Сынъ. Ибо хотя отличается Онъ славою, однакоже тѣмъ не менѣе есть одинъ изъ получившихъ бытіе по хотѣнію. Но въ такомъ случаѣ, какъ сказали мы прежде, почему Онъ—Господь, а прочіе—рабы? А Онъ есть Господь всѣхъ, потомучто въ единеніи съ господствомъ Отца; и тварь, безъ сомнѣнія, есть раба, потомучто она внѣ единства со Отцемъ, и нѣкогда не существовавъ, пришла въ бытіе.

Но еретики, говоря, что Сынъ получилъ бытіе по хотѣнію, должны были сказать: и по разумѣнію, потому что разумѣніе и хотѣніе, какъ думаю, есть одно и то же. Кто совѣщаетъ о чемъ, тотъ и разумѣетъ сіе, и что разумѣетъ, о томъ совѣщаетъ. Самъ Спаситель соотнositельно совокупилъ между собою то и другое, какъ родственное, говоря: *Мой совѣтъ и утвержденіе, Мой разумъ, Моя же крѣпость*. Какъ крѣпость и утвержденіе есть одно и то же, потому что это есть самая сила, такъ одно и то же значить сказать, что есть разумъ и совѣтъ, потому что это есть Господь. Но нечестивые не соглашаются, что Сынъ есть Слово и Живый Совѣтъ; баснословятъ же о Богѣ, что разумъ, и совѣтъ, и премудрость бывають въ Немъ по-человѣчески, какъ состояніе случайное и неимѣющее иногда мѣста; и все приводя въ движеніе, выставляють на видъ съ Валентиномъ мысль и изволеніе, только бы разлучить Сына со Отцемъ и сказать, что Онъ—не собственное Отчее Слово, но тварь.

И они пусть услышатъ подобное тому, что сказано Симону волхву: нечестіе Валентиново съ вами да будетъ въ погубель (Дѣян. VIII, 20). Каждый же изъ насъ да повѣритъ лучше Соломону, который говоритъ, что Слово Само есть премудрость и разумъ, ибо сказано: *Богъ премудростію основа землю, употова же небеса разумомъ* (Притч. III, 19). И какъ здѣсь сказано: разумомъ, такъ во Псалмахъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Псал. XXXII, 6). И какъ

небеса Словомъ, такъ и *вся елика восхотъ, сотвори* (Псал. СХХХІV, 6); какъ и Апостоль пишетъ *Θεσσαλονικійцамъ: есть воля Божія о Христъ Иисусъ* (1 Солун. V, 18). Посему, Сынъ Божій Самъ есть Слово и Премудрость, Самъ—разумъ и живой совѣтъ; въ Немъ воля Отчая, Онъ есть истина, свѣтъ и сила Отчая. Если же хотѣніе Божіе есть премудрость и разумъ, также и Сынъ есть Премудрость, то утверждающій, что Сынъ получилъ бытіе по хотѣнію, утверждаетъ съ симъ вмѣстѣ, что Премудрость произведена премудростію, Сынъ сотворенъ сыномъ, Слово создано словомъ. А сіе прекословно Богу и противно Его Писаніямъ. Ибо Апостоль проповѣдуетъ, что Сынъ есть собственное сіяніе и образъ не хотѣнія, но самой Отчей сущности, говоря: *Иже сый сіяніе славы и образъ гностиси Его* (Евр. I, 3). Если же, какъ сказали мы выше, Отчая сущность и впостась не отъ хотѣнія, то явно, не отъ хотѣнія также и тѣ, что составляетъ собственность Отчей впостаси. Ибо какова есть и какъ есть она блаженная впостась, такимъ и такъ должно быть и собственное Ея рожденіе. И Самъ Отець не сказалъ: Сей есть по хотѣнію Моему происшедшій Сынъ, или: Сынъ, Котораго имѣю по благоволенію, но просто говоритъ: *Сынъ Мой*, и сверхъ того: *о Немже благоволихъ*, показывая тѣмъ, что Онъ есть Сынъ по естеству, но въ Немъ Мое хотѣніе угоднаго Мнѣ.

Поелику же Сынъ по естеству, а не по хотѣнію, то ужели Онъ есть нежеланный Отцу и противный

Отчему хотѣнію? Никакъ; напротивъ того, и желателенъ Сынъ Отцу, и, какъ Самъ говоритъ, *Отець любитъ Сына и вся показываетъ Ему* (Іоан. V, 20). Какъ Богъ, хотя не по хотѣнію началъ быть благимъ, однакоже, благъ не противъ хотѣнія и воли, ибо каковъ Онъ есть, тѣмъ и желательно Ему,—такъ и сіе, что есть Сынъ, хотя не по хотѣнію началось, однакоже не противъ желанія и воли Божіей. Какъ желательна Богу собственная Своя вѣпостась, такъ не нежелателенъ Ему и собственный Сынъ, сущій отъ Его сущности. Итакъ, желателенъ и возлюбленъ Отцу да будетъ Сынъ. Такъ да разсуждаютъ благочестно о волѣ Божіей и о томъ, что непротивно Божію хотѣнію. Ибо Сынъ тѣмъ же изволеніемъ, какимъ изволяетъ Его Отець, и Самъ любитъ, и изволяетъ, и чтитъ Отца, и единая есть воля, сущая въ Сынѣ отъ Отца; почему, и изъ сего усматривается, что Сынъ во Отцѣ, и Отець въ Сынѣ.

Посему никто, согласно съ Валентиномъ, да не вводитъ предшествующаго хотѣнія и, подъ предлогомъ хотѣнія, да не ставитъ себя посредникомъ между единымъ Отцемъ и единымъ Словомъ. Ибо безумствуетъ, кто между Отцемъ и Сыномъ поставляетъ хотѣніе и совѣщаніе. Иное дѣло—говорить: произошелъ по хотѣнію, иное же—сказать: любитъ и желаетъ Сына, какъ собственнаго Своего по естеству. Сказать: произошелъ по хотѣнію, значитъ во-первыхъ предположить, что нѣкогда Онъ не былъ; а потомъ, по сказанному, допустить, что возможна склонность

къ тому и другому; почему, иный можетъ подумать, что Богъ могъ и не похотѣть Сына. Но сказать о Сынѣ: могъ и не быть, есть злочестивая дерзость, простирающаяся и на Отчую сущность. Если сказать, что могло не быть собственно принадлежащее сей сущности, то сіе значить то же, какъ и сказать, что Отецъ могъ не быть благимъ. Но какъ Отецъ всегда по естеству благъ, такъ всегда по естеству Родитель. Слова же: Отецъ хочетъ Сына, и Слово хочетъ Отца, не на предшествующее указываютъ хотѣніе, но даютъ разумѣть преискренность естества, свойство и подобіе сущности. Какъ можно о сіяніи и свѣтѣ сказать, что сіяніе не имѣетъ въ свѣтѣ предшествующаго хотѣнія, но есть по естеству рожденіе, изволяемое породившимъ его свѣтомъ, не по совѣщанію воли, но по естеству и въ дѣйствительности: такъ правильно будетъ сказать объ Отцѣ и Сынѣ, что Отецъ любитъ и хочетъ Сына, а Сынъ любитъ и хочетъ Отца. Посему, да не именуется Сынъ созданіемъ воли, и да не вводятся въ Церковь Валентиновы понятія, да именуется же Сынъ живымъ свѣтомъ и истинно рожденіемъ по естеству, подобно сіянію свѣта. Такъ и Отецъ сказалъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо;* и согласно съ симъ говоритъ Сынъ: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ.* Если же слово въ сердцѣ, то гдѣ хотѣніе? И если Сынъ во Отцѣ, то гдѣ изволеніе? И если хотѣніе есть Самъ Онъ, то какъ совѣтъ въ хотѣніи? Это нелѣпо: иначе, какъ говорено было неоднократно, будетъ Слово въ Словѣ, Сынъ въ Сынѣ, Премудрость въ

Премудрости, потомучто Отчій Сынъ есть все это. И ничего нѣтъ въ Отцѣ прѣжде Слова, но въ Словѣ и хотѣніе, и Имъ изволенія Отчаго хотѣнія совершаются на дѣлѣ, какъ показываютъ Божественныя Писанія.

Но желалъ бы я, чтобы злочестивые, до такой мѣры ниспадшіе въ неразуміе и разсуждающіе о хотѣніи, не спрашивали уже болѣе раждающихъ женъ своихъ, какъ спрашивали ихъ прѣжде, говоря: «имѣла ли ты сына, пока не родила?» — но чтобы спросили отцевъ: «отъ своей ли только воли бываете вы отцами, или по естеству вашего хотѣнія?» еще: «дѣти ваши подобны ли естеству вашему и сущности вашей?» Тогда, можетъ быть, пристыдили бы ихъ родители, у которыхъ искали рѣшенія задачи о рожденіи и отъ которыхъ надѣялись получить вѣдѣніе. Родители отвѣтили бы имъ: «что раждаемъ, то не волѣ, а намъ подобно; и бываемъ родителями не вслѣдствіе только своего преднамѣренія, но раждать свойственно естеству, какъ и мы сами — образъ родившихъ насъ». Посему пусть еретики или осудятъ сами себя и перестанутъ спрашивать у женъ о Божіемъ Сынѣ, или вразумятся отъ нихъ, что сынъ раждается не по хотѣнію, но по естеству и дѣйствительности. Прилично же симъ зломудреннымъ такое обличеніе, взятое съ людей, потомучто и о Божествѣ разсуждаютъ они по-человѣчески.

Поэтому, что же еще безумствуютъ христорборцы? И о семъ, какъ и о другихъ возраженіяхъ ихъ,

доказано и обнаружено, что это только мечта и басно-творство. И потому, хотя поздно усмотрѣвъ, въ какую стремнину неразумія впали они, должны, по увѣщанію нашему, обратиться вспять и бѣжать отъ діавольской сѣти. Ибо человѣколюбивая Истина всегда взываетъ: *аще и Мнѣ не вѣруете, по причинѣ тѣлеснаго покрова, дѣломъ вѣруйте, да разумѣете, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ, и: Азъ и Отецъ едино есма, и: видѣвый Мене видѣтъ Отца.* Но, хотя Господу и свойственно человѣколюбіе и желаетъ Онъ возводити вся низверженныя (Псал. CXLV, 8), какъ говоритъ Давидъ въ своемъ хваленіи, однакоже злочестивые, не хотя слышать Господняго гласа и не терпя видѣть (о, жалкіе!), что Господь отъ всѣхъ исповѣдуются Богомъ и Божіимъ Сыномъ, подобно *хрущамъ* (Аввак. II, 11), обходятъ всюду, съ отцемъ своимъ діаволомъ ища предлоговъ къ злочестію. Какіе же предлоги, или гдѣ возмогутъ найти еще послѣ сего? Развѣ у Іудеевъ и у Каіафы займутъ хулы, а у язычниковъ возьмутъ безбожіе? Божественныя же Писанія для нихъ заключены; въ нихъ все обличаетъ сихъ несмысленныхъ, какъ и христорборныхъ.

Изъ бесѣды «о слѣпорожденномъ».

Въ прошедшую недѣлю ты слышалъ, возлюбленный, что говорилъ Евангелистъ Іоаннъ: «и мимоидый Іисусъ, видѣвъ человѣка слѣпа отъ рождества, и во-

просиша Его ученицы Его, глаголюще: Равви, кто согрѣши, сей ли, или родителя его, яко слѣпъ родися?» Господь отвѣчалъ имъ: «ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ». «Сія рекъ плюну на землю, и сотвори брение отъ плюновенія, и помаза очи брениемъ слѣпому», и послалъ его въ Силоамъ. Слепой пошелъ, умылся и прозрѣлъ, и прозрѣвши увѣровалъ въ Пославшаго. Слушай со вниманіемъ. Ученики спрашивали Господа: «Учителю, кто согрѣши, сей ли, или родителя его?» Вопросъ Апостоловъ имѣлъ основаніе. Уже видно, что Апостолы предстояли предъ Господомъ Іисусомъ, какъ предъ Богомъ. Ибо кто знаетъ сокровенное въ чловѣкахъ, кромѣ Сердцевѣдца? Посему и Господь не отвергъ ихъ вопроса, но чтобы и удовлетворить желанію Апостоловъ, и вмѣстѣ утвердить вѣру въ Свою божественность, отвѣчалъ имъ: «ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ», — т. е. настоящая слѣпота его не есть наказаніе за грѣхи, но недостатокъ природный. Но поврежденной природы никто не можетъ исправить, кромѣ Самого Творца природы. Посему-то Господь и говоритъ: «ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ». Сказавъ сіе, тотчасъ показываетъ самымъ дѣломъ, что Онъ есть Творецъ природы, и что Онъ о Себѣ Самомъ сказалъ: «да явятся дѣла Божія на немъ», т. е. чтобы узнали чрезъ него, что Я не простой чловѣкъ, но всемогущій Богъ. Ибо Господь, утвердившій небеса словомъ, какъ говоритъ Св. Писаніе: *словомъ Господ-*

нимъ небеса утвердишася (Псал. XXXII, 6), въ другомъ случаѣ (Лук. XVIII, 41—42) однимъ словомъ исцѣлилъ слѣпаго. Слѣдовательно и сего слѣпаго отъ рожденія могъ также исцѣлить однимъ словомъ. Но Онъ теперь не дѣлаетъ сего, а помазываетъ слѣпому глаза брениемъ, чтобы всѣ видѣли, что Онъ есть Художникъ и Адамова тѣла, и теперь подобное совершаетъ брениемъ. Не измѣняетъ образа дѣйствованія, дабы не разнообразилось чудотвореніе. Помазывая брение брениемъ, совершаетъ подобное подобнымъ. Но скажутъ: «если Господь для того помазалъ слѣпому глаза брениемъ, чтобы показать, что Онъ же составилъ и тѣло Адамово изъ брениа, то для чего Онъ посылалъ слѣпаго въ Силоамъ? или и Адама туда же посылалъ?» Слушай со вниманіемъ. Когда Господь творилъ тѣло Адамово, въ то время не было противорѣчущаго Іудея. Итакъ, поелику тогда никто не противорѣчилъ, то Господь и устроилъ сей разумный слѣпокъ въ скорѣйшее время; но какъ нынѣ много противорѣчущихъ, то и совершаетъ Онъ сіе дѣло продолжительнѣе, дабы и противниковъ заставить невольно убѣдиться въ чудѣ. По сей-то причинѣ Господь, помазавъ брениемъ очи слѣпому, посылаетъ его въ Силоамъ умыться, не потому, что Господь Силоама имѣлъ нужду въ Силоамѣ, но для того, чтобы за слѣпымъ послѣдовали видящіе и невидящій сдѣлался вождемъ для видящихъ, чтобы они, идя съ нимъ, содѣлались свидѣтелями чуда. Ибо въ то время, когда Господь совершалъ сіе и посылалъ слѣпаго въ

Силоамъ, стеклось безчисленное множество свидѣтелей онаго чуда. — Но фарисеи еще не переставали разсуждать о настоящемъ дѣлѣ съ утонченною недоувѣрчивостію и кричали, что сіе чудо—мечта! Что было бы, если бы Господь не продолжилъ дѣйствія чудотворенія? Впрочемъ ты не погрѣшишь, если Силоамъ примешь за образъ купѣли крещенія, въ которой всѣ омываются отъ мрака невѣдѣнія и получаютъ свѣтъ благочестія.—А что и послѣ таковой продолжительности чудодѣйствія еще многіе изъ Іудеевъ противорѣчили оному, о семъ ты слышалъ Евангелиста, который говоритъ: «сосѣди же, и иже бяху видѣли его прежде, яко слѣпъ бѣ, глаголаху: не сей ли есть сѣдѣй и просѣй? Ови глаголаху, яко сей есть; иніи же глаголаху, яко подобенъ ему есть. Онъ же глаголаше, яко азъ есмь». Видишь ли слѣпоту, возстающую на прозрѣніе? Слепой прозрѣлъ, а видящіе ослѣпли злобою, ибо злоба всегда слѣпа. Посему Іудеи, обладаемые злобою, такъ научали слѣпаго отъ рожденія: «скажи намъ, за что ты такъ превозносишь сего плотникова сына и прославляешь Его, какъ Бога? вѣдь, не ты слѣпой отъ рожденія? Мы того знаемъ; мы часто подавали ему милостыню. Что же ты славишь Іисуса и говоришь, будто Онъ открылъ тебѣ глаза? Если тебѣ нужны деньги, и для нихъ теперь лжешь, то бери у насъ, сколько хочешь, только говори правду». И такъ они не упустили ничего, чтобы какъ-нибудь скрыть чудо.—«Что вы клеветаете на меня?—отвѣчалъ прозрѣвшій Іудеямъ,—

что вы стараетесь ослѣпить мои душевныя очи? Я прозрѣлъ и больше не слѣпъ. Напрасно вы прехомъ хулы осыпаете меня. Одинъ оказалъ мнѣ благодѣяніе, а вы возстаете на Него, не прославляете, а злословите Его. Впрочемъ вы прилично называете Его сыномъ плотника, ибо Онъ перестроилъ окна моихъ глазъ. Извините, что я не могу теперь много говорить вамъ. Дайте мнѣ сперва насмотрѣться на красоту небесную, на кругъ солнечный и блистательную луну—предѣль дня и мѣру ночи, на сонмы звѣздъ, на разбѣгающіяся облака, на равнину земли и углубленіе морей, на безслѣдный путь кораблей, на округлость холмовъ, на цѣпи горъ, на быстрину рѣкъ и стремительность потоковъ, на водоемы источниковъ, на бѣганіе скотовъ, на разнообразіе звѣрей, на разноцвѣтное убранство птицъ, на различныя породы рыбъ, на высоту деревъ, на пріятный видъ плодовъ».

Слыша сіе и видя, что слѣпой не только исцѣлился, но и проповѣдуетъ чудо, Іудеи опять приступили къ нему съ вопросомъ: «какъ ты прозрѣлъ? Что сдѣлалъ съ тобою Этотъ Человѣкъ, что ты такъ твердо защищаешь Его дѣло?»—На это прозрѣвшій отвѣчалъ ослѣпшимъ: «вы спрашиваете, какъ я прозрѣлъ? О томъ ли говорите, какъ Богъ дѣйствуетъ на природу? Если вы спрашиваете: какъ?—то и я спрошу васъ: какъ Онъ претворилъ воду въ вино? Естественнымъ или чудеснымъ образомъ? Какъ воскресилъ дочь Іаира? Естественною или Божествен-

ною силою? Какъ прокаженнаго очистилъ отъ болѣзни? Врачевствомъ какимъ, или одною волею? Какъ оную кровоточивую жену, какъ-бы волнами своей крови обуреваемую, избавилъ отъ сей бури? Изслѣдовалъ ли Онъ для сего ея болѣзнь, или узналъ только ея вѣру?»—Иудеи, видя его непреклонность, съ яростію схватили его и насильно повлекли въ судилище фарисейское съ сими словами: «тебя надобно лучше вразумить, чтобы ты помнилъ свое рабство, а не училъ; ты не молчишь, а всенародно проповѣдуешь, и хочешь, чтобы этого Іосифова сына признали Богомъ? По какому-то случаю прозрѣлъ, да и увѣряешь насъ, будто слѣпъ родился, и указываешь на этого плотникова сына? Ты все не молчишь, а кричишь?» Но прозрѣвшій сказалъ имъ: «если не хотите, чтобы я кричалъ, то зачѣмъ меня столько разъ спрашиваете? Сами себя безчестите, а вину возлагаете на меня. Если, какъ говорите вы, я прозрѣлъ случайно, то зачѣмъ было призывать моихъ родителей? Напрасно дѣлаете столько шуму: вы не можете скрыть чуда; хотя я и буду молчать, но будутъ говорить мои глаза. Нѣкто, называемый Іисусъ, Кого самое имя означаетъ спасеніе, брениемъ помазалъ мнѣ глаза и сказалъ мнѣ: иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣ; я пошелъ, умылся, брение отпало, и—я увидѣлъ свѣтъ».

Слово на слова: «вся Мнѣ предана суть отцемъ Моимъ: и никтоже знаетъ, кто есть Сынъ, токмо Отецъ: и кто есть Отецъ, токмо Сынъ, и емуже аще волить Сынъ открыти (Матѳ. XI, 27).

И сего не уразумѣвъ, держащіеся Аріевои ереси, Евсевій и сообщники его, нечестиво говорятъ о Господѣ: «Если *вся предана* (и подѣ словомъ *вся* разумѣютъ они господство надѣ тварію), то было, когда не имѣлъ сего. Еслибъ не имѣлъ, то Онъ не отъ Отца, потомучто, если бы отъ Отца былъ, то, какъ Сущій отъ Него, всегда имѣлъ бы сіе, и не было бы Ему нужды принимать это». Но сими-то словами изобличается наиболѣе ихъ неразуміе: потомучто изреченіе сіе означаетъ не начальство надѣ тварію, или господство надѣ вещами сотворенными, но имѣеть въ виду дать нѣкоторое понятіе о домостроительствѣ.

Если тогда *предана* Ему *вся*, когда сказалъ сіе, то явно, что, прежде пріятія Имъ всего, тварь не имѣла въ себѣ Слова. Какъ же сказано: *всяческая въ Немъ состоится* (Колос. I, 17)? Если же вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ произошла тварь, *вся* она предана Ему, то не было нужды предавать, потомучто *вся Тьма быша* (Іоан. I, 3), и излишне было бы предавать Господу тѣ, чему Самъ Онъ—Создатель. Онъ былъ Господь сотвореннаго по тому самому, что сотворилъ сіе. Но если уже по сотвореніи *вся предана* Ему, то

вникни въ несообразность. Ибо если *предана*, и по принятіи Имъ, Отецъ устранился, то подвергаемся опасности впасть съ иными въ баснословіе, будто бы Отецъ, предавъ Сыну, Самъ отступился отъ міра. Или если, когда содержитъ все Сынъ, содержитъ также и Отецъ, то надлежало бы сказать не *предана*, но—Отецъ принялъ въ общеніе, какъ Павелъ Силуана. А въ семъ еще болѣе несообразности. Богъ ни въ комъ не имѣетъ нужды, и не по необходимости принялъ въ помощь Сына, но, будучи Отцемъ Сыну, чрезъ Него все творить, и не передаетъ Ему твари, но чрезъ Него и въ Немъ промышляетъ о твари, такъ-что и воробей не падетъ на землю безъ воли Отца, и трава не одѣнется безъ Бога. Впрочемъ, тогда какъ дѣлаетъ Отецъ, и Сынъ дѣлаетъ доселѣ (Іоан. V, 17).

Итакъ суетно мудрованіе нечестивыхъ. Приведенное изреченіе не то значитъ, что они думаютъ; указываетъ же на Господне во плоти домостроительство. Когда человѣкъ согрѣшилъ и палъ, а съ паденіемъ его все пришло въ смятеніе, усилилась смерть *отъ Адама даже до Моисеа* (Римлян. V, 14), земля подверглась проклятію, отверзся адъ, заключился рай, раздражилось небо, человѣкъ въ конецъ развратился и уподобился скотамъ, діаволь же поругался надъ нами; тогда Богъ, Который человѣколюбивъ и не хочетъ, чтобы погибъ созданный по образу Его человѣкъ, изрекъ: *кого пошлю, и кто пойдетъ?* Всѣ безмолвствовали, и Сынъ сказалъ: *се Азъ, посли Мя.* То-

гда-то, конечно, Отецъ, сказавъ Ему: *иди* (Исаія VI, 8—9), предалъ Ему человѣка, чтобы Само Слово стало плотію, и принявъ на Себя плоть, во всемъ обновило его. Ибо Слово преданъ человѣкъ, какъ Врачу, чтобы уврачевать отъ угрызенія змія; какъ жизни, чтобы воскресить мертваго; какъ Свѣту, чтобы озарить тьму; и сущему Слово, чтобы обновить словесную тварь. Посему, какъ скоро *вся предана* Слово, и Оно стало человѣкомъ,—тотчасъ все обновлено и усовершено: земля вмѣсто проклятія пріемлетъ 'благословеніе, рай отверзтъ разбойнику, адъ ужаснулся, гробы отверзлись, когда мертвецы воскрешены, взялись врата небесныя, *да увидеть грядущій отъ Едома* (Псал. XXIII, 9). Самъ Спаситель, чтобы показать, какимъ именно образомъ *вся предана* Ему, какъ говоритъ Матѳеѣй, немедленно присовокупилъ: *приидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. XI, 28). Мнѣ вы преданы, да упокою утружденныхъ и оживотворю умерщвленныхъ. Согласно съ симъ—и читаемое у Іоанна: *Отецъ любитъ Сына и вся даде въ рѣчь Его* (Іоан. III, 35). Далъ для того, чтобы, какъ все Имъ сотворено, такъ все о Немъ же могло и обновиться. Ибо не для того, чтобы изъ бѣднаго сталъ Онъ богатымъ, предается Ему, не для того, чтобы, не имѣя власти, пріять власть, пріемлетъ Онъ все,—да не будетъ сего!—а напротивъ того, чтобы Ему, какъ Спасителю, все обновить: ибо прилично было какъ въ началѣ созданія Имъ, такъ и при исправленіи,

о Немъ же придти сему въ бытіе, съ тою разностію въ реченіяхъ, что въ началѣ Имъ пришло въ бытіе, а впослѣдствіи,—когда все пало, Слово стало плотію и облеклось въ плоть,—въ Немъ все обновилось. Ибо Само страдая, насъ упокоило; Само алча, насъ напитало, и, нисходя во адъ, насъ возвело изъ ада. Тогда, при сотвореніи всего, было повелѣніе придти въ бытіе, напр. *да произведетъ, да будетъ* (Быт. I, 3, 20); при исправленіи же прилично было, чтобы Ему было предано, да Само Слово содѣлается человѣкомъ, и все въ Немъ обновится. Ибо оживотворился сущій о Немъ человѣкъ. Для того Слово и соединилось съ человѣкомъ, чтобы клятва не имѣла болѣе силы надъ человѣкомъ. Для того въ 71-мъ псалмѣ умоляющіе Бога о человѣческомъ родѣ говорятъ: *Боже, судъ Твой царице даждь* (ст. 1), чтобы смертное наше осужденіе, которое было противъ насъ, предано было Сыну, и Онъ уже въ Себѣ уничтожилъ сіе осужденіе, умерши за насъ. Сіе разумѣя, и Самъ Онъ сказалъ въ 87-мъ псалмѣ: *на мнѣ утвердися ярость Твоя* (8); потомучто Самъ понесъ на Себѣ гнѣвъ, который лежалъ на насъ, какъ говоритъ и въ 137 псалмѣ: *Господь воздастъ за Мя* (8).

Посему такъ должно понимать сказанное: *вся предана* Спасителю; и въ этомъ смыслѣ, можно сказать, передается Ему то, чего не имѣлъ. Ибо прежде сего не былъ Онъ человѣкомъ; сталъ же человѣкомъ, чтобы спасти человѣка. Въ началѣ не было плотію Слово, но впослѣдствіи стало плотію, и ею, по слову

Апостола, примирило вражду съ нами, и законъ заповѣдй ученьми упразднило, да оба созиждетъ во единого новаго чловѣка, творя миръ, и примиритъ обоихъ во единѣмъ тѣлѣ Отцу (Ефес. II, 15—16).

Что имѣеть Отецъ, то принадлежитъ и Сыну, какъ говоритъ у Іоанна: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI, 15); и весьма выразительны слова сіи. Ибо когда содѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ, тогда все предается Ему. А когда хочетъ указать на Свое единство съ Отцемъ, тогда не скрываетъ и учить, говоря: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть*. И подивиться должно точности слова. Не сказалъ: *вся елика иматъ Отецъ*, далъ Мнѣ, чтобы не заключили, будто бы не имѣлъ когда-то сего, но говоритъ: *Моя суть*, ибо сіе, состоя во власти Отца, также и во власти Сына.

Но должно еще изслѣдовать: что *иматъ Отецъ*? Если означается симъ тварь, то прежде твари ничего не имѣлъ Отецъ, и что имѣеть, оказывается заимствующимъ сіе у твари. Да не подумаемъ сего! Ибо какъ Самъ Онъ—прежде твари, такъ прежде же твари имѣеть все, что ни имѣеть, и сіе, какъ вѣруемъ, принадлежитъ и Сыну. Ибо если Сынъ въ Отцѣ (Іоан. XIV, 10), то все, что имѣеть Отецъ, принадлежитъ и Сыну.

Но симъ изреченіемъ низлагается лукавство неправомыслящихъ, которые говорятъ: «если все предается Сыну, то Отецъ прекращаетъ власть Свою надъ тѣмъ, что предано Сыну, потомучто вмѣсто

Себя поставляетъ Сына: *Отець бо не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 52)». Но да заградятся уста глаголющихъ неправедная (Псал. LXXII, 12)! Ибо Самъ Отець не лишился владычества потому, что судъ весь даде Сынови. И если сказано, что Отцемъ предано все Сыну, то посему не перестаетъ Самъ быть надъ всѣмъ.

Поелику же явнымъ образомъ отдѣляютъ отъ Отца Единороднаго Божія, неотдѣльнаго по естеству, хотя сіи злочестивцы въ безуміи своемъ стараются отдѣлить Его на словахъ, не разумѣя, что свѣтъ никакъ не отдѣлимъ отъ солнца, но естественно въ немъ пребываетъ,—то (хотя и дерзко входитъ въ изслѣдованіе о недомыслимомъ естествѣ), воспользовавшись скуднымъ подобіемъ, заимствованнымъ отъ того, что—обыкновенно и у насъ подъ руками, должно намъ объяснить мысленное словомъ. Посему, какъ имѣющему здравый умъ не возможно представить, что солнечный свѣтъ, озаряющій вселенную, сіяетъ безъ солнца, потому что солнечный свѣтъ соединенъ съ естествомъ солнца; и если бы свѣтъ сказалъ: «отъ солнца заимствую то, что все озаряю, что все растетъ и укрѣпляется моею теплотою»,—то ни одинъ безумецъ не подумаетъ именованіе солнца отдѣлять отъ естества, которое отъ него происходитъ и которое есть свѣтъ: такъ, благочестиво думать, что божественная сущность Слова соединена по естеству съ Отцемъ Своимъ. Ибо рассматриваемое нами изреченіе представляетъ самое ясное истолкованіе искомаго, такъ-

какъ Спаситель сказалъ: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть*. Сіе означаетъ, что всегда пребываетъ Онъ съ Отцемъ. Ибо слова: *елика иматъ* даютъ разумѣть, что Отецъ имѣетъ владычество; а слова: *Моя суть* показываютъ нераздѣльное единеніе. Посему необходимо должны мы представлять, что въ Отцѣ есть нескончаемость бытія, вѣчность, безсмертіе, и сіе пребываетъ въ Немъ не какъ что-либо Ему чуждое, но, какъ въ источникѣ, покоится въ Немъ и въ Сынѣ. И когда хочешь представить что о Сынѣ, тогда познай прежде, что есть въ Отцѣ, и потомъ вѣруй, что то же самое есть и въ Сынѣ. Если Отецъ есть тварь, или произведеніе, то и Сынъ—то же. И если позволено сказать объ Отцѣ, что было, когда Онъ не былъ, или что Онъ—изъ не сущаго,—то пусть будетъ сіе сказано о Сынѣ. Но если нечестиво утверждать, что есть это въ Отцѣ, то да будетъ нечестиво представлять сіе и въ Сынѣ. Ибо что принадлежитъ Отцу, то принадлежитъ и Сыну: кто чтитъ Сына, тотъ чтитъ посланшаго Его Отца (Іоан. V, 23); кто приѣмлетъ Сына, тотъ съ Нимъ приѣмлетъ и Отца (Іоан. XIII, 20); кто видѣлъ Сына, тотъ видѣлъ и Отца (Іоан. XIV, 9). Поэтому какъ Отецъ—не тварь, такъ не тварь и Сынъ, и какъ невозможно сказать объ Отцѣ, что было, когда Онъ не былъ, или что Онъ—изъ не сущаго, такъ неприлично говорить сіе о Сынѣ. Напротивъ же того, какъ въ Отцѣ—нескончаемость бытія, безсмертіе, вѣчность, несозданность, такъ точно слѣдуетъ думать намъ и о Сынѣ, по написанному: *якоже Отецъ иматъ*

жизнотъ въ Себѣ, тако даде и Сынови жизнь имѣти въ Себѣ (Іоан. V, 26). Сказано же даде, чтобы указать на дающаго Отца; но какъ въ Отцѣ, такъ и въ Сынѣ, есть жизнь; изъ чего заключаи о нераздѣльности и вѣчности бытія. И посему-то съ такою точностію Спаситель сказалъ: *елика имать Отецъ*, чтобы и здѣсь, говоря объ Отцѣ, не быть признаннымъ за Самого Отца. Не сказалъ Онъ: «Я—Отецъ»; но: *елика имать Отецъ*.

И Единородный Отчій Сынъ отъ Отца именуется Отцемъ же, впрочемъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ, можетъ быть, приняли бы вы, заблуждающіеся аріане; напротивъ того, Онъ—Сынъ родившаго Его Отца, Отецъ же будущаго вѣка. Ибо должно отнять у васъ всѣ ваши предположенія. У пророка сказано: *родися намъ Сынъ, и дадеся намъ, Еюже началство бысть на рампъ Его: и нарицается имя Его велика совета Ангелъ, Богъ крѣпкій, Властитель, Отецъ будущаго вѣка* (Исаія IX, 6). Итакъ Единородный есть и Отецъ будущаго вѣка, и Сынъ Божій есть Богъ крѣпкій и Властитель, и ясно доказано, что *вся елика имать Отецъ*, суть и у Сына, и, какъ Отецъ даетъ жизнь, такъ и Сыну равно возможно живить, *ихже хочетъ* (Іоан. V, 21). Ибо сказано: *мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и оживутъ* (Іоан. V, 25). Одна воля, одно хотѣніе у Отца и Сына, потомучто и естество у ихъ одно и нераздѣльно.

Напрасно утруждаютъ себя аріане, не понимая сказаннаго Спасителемъ нашимъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть*. Сими словами и Савелліево низла-

гается заблужденіе, и обличается неразуміе нынѣшнихъ Іудеевъ. Ибо, по разуму сихъ словъ, Единородный имѣеть жизнь въ Себѣ, какъ имѣеть Отецъ, и Онъ одинъ знаетъ, кто есть Отецъ, потомучто во Отцѣ пребываетъ и Отца имѣеть въ Себѣ. Онъ есть Отчій образъ; слѣдовательно въ Немъ, какъ въ образѣ, есть все тѣ, что принадлежитъ Отцу. Онъ есть равнообразная печать, показывающая въ Себѣ Отца; Онъ—живое, истинное слово, сила, премудрость, освященіе и избавленіе наше. *О Немъ бо живемъ и движемся и есмь (Дѣян. XVII, 28), и никтоже знаетъ, кто есть Отецъ, токмо Сынъ, и кто есть Сынъ, токмо Отецъ.* Какъ же нечестивые осмѣливаются суесловить о томъ, о чемъ непозволительно умствовать, когда они—люди, и не въ состояніи объяснить и того, что на землѣ? И что говорю о томъ, что на землѣ? Пусть скажутъ намъ о себѣ самихъ, если въ состояніи будутъ изслѣдовать собственную свою природу подлинно дерзкіе и самонадѣянныя эти люди, не трепещущіе славы, *въ нюже желаютъ приникнути Ангелы (1 Петр. I, 12),* которые столько выше насъ и природою и чиномъ. Ибо что ближе къ Богу херувимовъ и серафимовъ? Но и они не только не смѣютъ взирать, или предстоять въ прямомъ положеніи, но даже не съ обнаженными, но какъ-бы съ прикровенными лицами, произносятъ славословіе, немолчными устами въ трисвятой пѣсни прославляя не иное что, а только Божіе неизреченное естество. И никто изъ богомудрыхъ пророковъ, особенно сподобившихся сего вѣдѣнія, не

возвѣщалъ намъ, что, произнося первое *святъ*, серафимы восклицають громкимъ голосомъ, а второе произносятъ тише, а третіе же еще слабѣе, и потому собственно величаютъ только первую Святыню, вторую же подчиняють ей и третью поставляютъ еще ниже. Да не приближается къ намъ сіе безуміе богомерзкихъ и безразсудныхъ еретиковъ! Всепѣтая, досточтимая и достопокланяемая Троица есть единая, нераздѣльная и неопикуемая. Сочетаваается же неслитно, и какъ Единица, дѣлится несѣкомо. Почему, досточтимыя сіи живыя существа троекратнымъ возношеніемъ славословія, взывая: *святъ, святъ, святъ*, показываютъ три совершенныя *Упостаси*, а единымъ произношеніемъ слова: *Господь* выражаютъ единую сущность.

Посему умяляющіе Единороднаго Сына Божія хулятъ Бога, имѣя ложное понятіе о совершенствѣ, и, несправедливо называя Его несовершеннымъ, дѣлають себя достойными самаго жестокаго наказанія, потому что произносящіе хулу на одну изъ Божественныхъ *Упостасей* не получаютъ отпущенія грѣховъ ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ. Но Богъ—силенъ отверзть сердечныя очи ихъ къ познанію Солнца правды, да познавъ Того, Кого прежде отвергали, вмѣстѣ съ нами и они прославятъ Его неослабно благочестивымъ разумомъ; потому что Его есть Царство,—Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и во вѣки. Аминь.

Отрывокъ изъ 39-го праздничнаго посланія.

Но поелику объ еретикахъ упомянули мы, какъ о мертвыхъ, а о себѣ какъ объ имѣющихъ для спасенія Божественныя Писанія, боюсь же, чтобы иные изъ людей простыхъ, какъ писалъ Павелъ къ Коринѳянамъ, по ухищренію нѣкоторыхъ, не уклонились отъ простоты и чистоты и не стали уже читать другихъ книгъ, называемыхъ апокрифическими, будучи обмануты сходствомъ ихъ именованія съ книгами истинными, то умоляю васъ перенести терпѣливо, если, о чемъ сами знаете, о томъ же и я напишувъ напоминаніе вамъ, какъ по надобности, такъ и для пользы Церкви. Намѣреваясь же написать сіе напоминаніе, для утвержденія своего въ дерзновеніи моемъ, воспользуюсь примѣромъ Евангелиста Луки, говоря и самъ: *понеже нѣкіи начаша чинити себѣ такъ называемыя апокрифическія книги и смѣшивать ихъ съ несомнѣнно богодухновеннымъ Писаніемъ, якоже предаша отцамъ, ѿже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе: изволися и мнѣ, убѣжденному и наученному искренними братіями, исчислить сначала по порядку всѣ книги, внесенныя въ канонъ, преданныя намъ какъ Божественныя, и таковыми признанныя, чтобы всякій, если вовлеченъ въ обманъ, осудилъ предавшихъ заблужденію, а если пребылъ чистымъ, порадовался при новомъ семъ напоминаніи.* Итакъ, всѣхъ книгъ Ветхаго Завѣта числомъ двадцать двѣ (а по преданію, какъ слышалъ я, у Евреевъ

столько же и буквъ). Книги сіи слѣдуютъ каждая въ такомъ порядкѣ и подъ такимъ именованіемъ: во-первыхъ Бытіе, потомъ Исходъ, потомъ Левитъ, за нею Числа, и наконецъ Второзаконіе; вслѣдъ за сими Іисусъ Навинъ и Судіи. Послѣ книги Судей Руѳъ, и опять вслѣдъ за симъ четыре книги Царствъ и изъ нихъ первая и вторая считаются за одну книгу, а подобно третія и четвертая также за одну; послѣ нихъ первая и вторая книга Паралипоменонъ, считаемя также опять за одну книгу, потомъ первая и вторая книга Ездры, принимаемя также за одну книгу. Послѣ сихъ книга Псалмовъ, и вслѣдъ за нею Притчи, потомъ Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней. Сверхъ сего есть книги: Іовъ и наконецъ Пророки, и именно двѣнадцать, считаемя за одну книгу, а потомъ Исаія, Іеремія и съ нимъ вмѣстѣ Варухъ, Плачь и Посланіе, и послѣ Іереміи Іезекіиль и Данииль. Доселѣ поименованы книги Ветхаго Завѣта. Но не полѣнимся сказать и о книгахъ Новаго Завѣта; онѣ суть слѣдующія. Четыре Евангелія: отъ Матѳея, отъ Марка, отъ Луки, отъ Іоанна; потомъ послѣ нихъ Дѣянія Апостольскія и семь Апостольскихъ Посланій, называемыя Соборными, именно: одно Іаковлево, два Петровы, потомъ три Іоанновы и послѣ нихъ одно Іудино. Сверхъ сего, есть четырнадцать Посланій Апостола Павла, перечисляемя въ такомъ порядкѣ: первое къ Римлянамъ, потомъ два къ Коринѳянамъ, послѣ нихъ къ Галатамъ, и вслѣдъ затѣмъ къ Ефѳесянамъ, потомъ къ Филиппій-

цамъ и къ Колоссянамъ, а послѣ сихъ два къ Θεссалоникійцамъ и Посланіе къ Евреямъ и непосредственно затѣмъ два къ Тимоѳею, одно къ Титу и послѣднее къ Филимону, и еще Апокалипсисъ Іоанновъ. Вотъ источники спасенія, чтобы заключающимися въ нихъ словесами напоеваться жаждущему. Въ нихъ однихъ благовѣствуется ученіе благочестія. Никто да не прилагаетъ къ нимъ и не отъемлетъ отъ нихъ чего-либо. Сіи-то Писанія разумѣя, Господь пристыждалъ саддукеевъ, говоря: *прельщаетесь, не вѣдуще Писанія* (Матѳ. XXII, 29), и увѣщевалъ Іудеевъ: *испытайте Писаній, яко та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. V, 39). Но для большей точности (пиша и это по необходимости) присовокупляю, что кромѣ сихъ книгъ есть и другія, не внесенныя въ канонъ, которыя однакоже установлено отцами читать вновь приходящимъ и желающимъ огласиться словомъ благочестія, таковы: Премудрость Соломонова, Премудрость Сирахова, Есѳирь, Іудиевъ, Товія, такъ называемое Апостольское наставленіе (*διδαχὴ*), и Пастырь. Впрочемъ, возлюбленные, тогда какъ однѣ книги внесены въ канонъ, а другія предлагаются для чтенія, нигдѣ не упоминается о книгахъ апокрифическихъ; онѣ суть выдумки еретиковъ, которые пишутъ ихъ, когда хотятъ, но приписываютъ имъ давность и прибавляютъ лѣтъ, чтобы, выдавая ихъ за древнія, имѣть случай къ оболъщенію тѣмъ людей простодушныхъ.

**Сказаніе объ аввахъ Θεодорѣ и Паммонѣ блаженнаго
Аѳанасія, епископа Александрійскаго, Аммону, епископу
Елеархіи, и Ермону, епископу Вумастикъ.**

Въ сіи времена видѣлъ я великихъ Божіихъ чело-
вѣковъ, Θεодора, начальника монаховъ Тавеннисійот-
скихъ, и отца монаховъ Антинойскихъ, по имени
авву Паммона, которые недавно почили. Поелику
гонимъ я былъ Іуліаномъ и ждалъ, что буду умерщ-
вленъ, о чемъ извѣщали меня искренніе друзья, то
въ одинъ день пришли они оба ко мнѣ въ Антиной,
и, по общему совѣту—скрыться мнѣ у Θεодора, всту-
пилъ я на корабль его со всѣхъ сторонъ закрытый,
въ сопровожденіи аввы Паммона. Вѣтеръ былъ не-
благопріятный; я, болѣзнуя сердцемъ, молился; Θεо-
доровы монахи, сошедши съ корабля, тянули оный
волокомъ; авва Паммонъ утѣшалъ меня; и я отвѣ-
чалъ: «повѣрь словамъ моимъ, что сердце мое ис-
полнено твердой вѣры не столько во время мира,
сколько во время гоненій. Ибо несомнѣнно увѣренъ,
что, страдая за Христа и укрѣпляемый Его мило-
стію, если буду умерщвленъ, то тѣмъ паче обрѣту у
Него милость». Еще не выговорилъ я этого, какъ
Θеодоръ, устремивъ взоръ на авву Паммона, улыб-
нулся. Поелику же и авва Паммонъ почти засмѣ-
ялся, то я сказалъ имъ: «для чего смѣетесь, когда
говорю это? Неужели осуждаете меня въ боязни?»
Но Θεодоръ говоритъ аввѣ Паммону: «скажи ему,
почему улыбнулись мы». И поелику авва Паммонъ

отвѣчалъ: «ты долженъ сказать это», Θεодоръ продолжалъ: «въ сей самый часъ умерщвленъ въ Персіи Іуліанъ. Ибо такъ предрекъ о немъ Богъ: *презорливый и обидливый мужъ и величавый ничесоже скончаетъ* (Аввак. II, 5). Возстанетъ же царь христіанинъ, который будетъ славенъ, но недолговѣченъ. Поэтому, нѣтъ тебѣ нужды трудить себя и уходить въ Фиваиду, но лучше тайно вступить въ свиту, потомучто, встрѣтившись съ нею на пути и искренно принятый ею, возвратишься въ Церковь. А Юліанъ скоро поять будетъ Богомъ». Такъ и сбылось. Посему думаю, что многіе благоугождающіе Богу въ монашествѣ по большей части остаются въ сокровенности, потомучто не знаютъ ихъ люди; таковы были и блаженный Амунъ и святой Θεодоръ въ горѣ Нитрійской, и рабъ Божій маститый старецъ Паммонъ.

Житіе преподобнаго отца нашего Антонія, описанное святымъ Аванасіемъ въ посланіи къ инокамъ, пребывающимъ въ чужихъ странахъ.

Въ доброе соревнованіе съ Египетскими иноками вступили вы, пожелавъ или сравниться съ ними, или даже превзойти ихъ своими подвигами въ добродѣтели. Ибо и у васъ уже появляются монастыри, и водворяются иноки. Посему, такое расположеніе ваше достойно похвалы и того, чтобы усовершилъ оное Богъ по молитвамъ вашимъ.

Поелику же и у меня требовали вы свѣдѣній о житіи блаженнаго Антонія, и, чтобы самимъ вамъ

пріобрѣсти его ревность, пожелали вы знать, какъ началъ онъ свою подвижническую жизнь, каковъ былъ до вступленія въ оную, какой имѣлъ конецъ жизни, и справедливо ли все о немъ рассказываемое, — то съ великою готовностію принялъ я ваше требованіе, потомучто и для меня много пользы въ одномъ воспоминаніи объ Антоніи, да и вы, какъ увѣренъ я, услышавъ о немъ и подивившись ему, пожелаете устремиться къ тойже цѣли, какая и имъ была предположена. Ибо жизнь Антонія для иноковъ достаточный образецъ подвижничества. Я, получивъ посланіе ваше, намѣревался вызвать нѣкоторыхъ иноковъ, особливо же тѣхъ, которые чаще другихъ бывали при немъ, чтобы, получивъ болѣе свѣдѣній, и вамъ сообщить что-либо болѣе полное. Но поелику время плаванія приходило къ концу и отправляющійся съ письмами спѣшилъ, то потщился я написать вашему благоговѣнію, что знаю объ Антоніи самъ, многократно видѣвъ его, и какія свѣдѣнія могъ пріобрѣсти о немъ, когда былъ его ученикомъ и возливалъ воду на руки ему. Во всемъ же заботился я объ истинѣ, чтобы иной, услышавъ больше надлежащаго, не впалъ въ невѣріе, или также узнавъ меньше должнаго, не сталъ съ неуваженіемъ думать объ Антоніи.

Антоній родомъ былъ Египтянинъ. Поелику родители его, люди благородные, довольно богатые, были христіане, то и онъ воспитанъ былъ по-христіански, и въ дѣтствѣ росъ у родителей, не зная ничего инаго,

кромѣ ихъ и своего дома. Когда же сталъ отрокомъ и преспѣвалъ уже возрастомъ, не захотѣлъ учиться грамотѣ, ни сближаться съ другими отроками, но имѣлъ единственное желаніе, какъ *человѣкъ немудръ*, по написанному объ Іаковѣ, жить въ дому своемъ (Быт. XXV, 27). Между-тѣмъ ходилъ онъ съ родителями въ храмъ Господень; и не лѣнился, когда былъ малымъ отрокомъ, не сдѣлался небрежнымъ, когда сталъ уже возрастать, но покоренъ былъ родителямъ, и внимательно слушая читаемое въ храмѣ, соблюдалъ въ себѣ извлекаемую отъ того пользу. Воспитываемый въ умѣренномъ достаткѣ, онъ не беспокоилъ родителей требованіемъ разныхъ и дорогихъ яствъ, не искалъ услажденія въ снѣдахъ, но довольствовался тѣмъ, что было, и ничего больше не требовалъ.

По смерти родителей, остался онъ съ одною малолѣтнею сестрою, и будучи восемнадцати или двадцати лѣтъ отъ роду, самъ имѣлъ попеченіе и о домѣ и о сестрѣ. Но не минуло еще шести мѣсяцевъ по смерти его родителей, онъ, идя по обычаю въ храмъ Господень и собирая во едино мысли свои, на пути сталъ размышлять, какъ Апостолы, оставивъ все, пошли во слѣдъ Спасителю, какъ упоминаемые въ Дѣянїяхъ вѣрующіе, продавая все свое, приносили и полагали къ ногамъ Апостольскимъ для раздаянїя нуждающимся, какое имѣли они упованіе, и какія воздаянїя уготованы имъ на небесахъ. Съ такими мыслями входитъ онъ въ храмъ; въ чтенномъ тогда Евангелїи слышитъ онъ слова Господа къ богатому: *аще хочешь*

совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищымъ, и гряди вслѣдъ Мене, и имѣти имамы сокровище на небеси (Матѳ. XIX, 21). Антоній, пріявъ сіе за напоминаніе свыше, такъ какъ-бы для него собственно было сіе чтеніе, выходитъ немедленно изъ храма, и что имѣлъ во владѣніи отъ предковъ (было же у него триста аруръ¹⁾ весьма хорошей, плодоносной земли), даритъ жителямъ своей веси, чтобы ни въ чемъ не беспокоили ни его, ни сестру; а все прочее движимое имущество продаетъ, и собравъ довольно денегъ, раздаетъ ихъ нищимъ, оставивъ нѣсколько для сестры. Но какъ-скоро, вошедши опять въ храмъ, услышалъ, что Господь говоритъ въ Евангеліи: *не пе-щитесь на утрей* (Матѳ. VI, 34),—ни на минуту не остается въ храмѣ, идетъ вонъ и остальное отдаетъ людямъ недостаточнымъ, сестру, поручивъ извѣстнымъ ему и вѣрнымъ дѣвственницамъ, отдаетъ на воспитаніе въ ихъ обитель, а самъ передъ домомъ своимъ начинаетъ наконецъ упражняться въ подвижничествѣ, внимая себѣ и пребывая въ терпѣніи.

Въ Египтѣ немногочисленны еще были монастыри, и инокъ вовсе не зналъ великой пустыни, всякій же изъ намѣревавшихся внимать себѣ подвизался, уединившись не вдали отъ своего селенія. Поэтому, въ одномъ ближнемъ селеніи былъ тогда старецъ, съ молодыхъ лѣтъ проводившій уединенную жизнь. Антоній, увидѣвъ его, поревновалъ ему въ

¹⁾ Арура—Египетская мѣра земли во сто лактей.

добромъ дѣлѣ, и прежде всего началъ уединяться въ мѣстахъ, лежавшихъ передъ селеніемъ. И если слышалъ тамъ о какомъ рачителѣ добродѣтели, шелъ, отыскивалъ его, какъ мудрая пчела, и не прежде возвращался въ мѣсто свое, какъ увидѣвши съ нимъ. Когда же получалъ отъ него какъ-бы напутствіе какое для шествованія стезею добродѣтели, уходилъ назадъ.

Такъ проводя тамъ первоначально жизнь, Антоній наблюдалъ за своими помыслами, чтобы не возвращались къ воспоминанію о родительскомъ имуществѣ и о сродникахъ. Все желаніе устремлялъ, все тщаніе прилагалъ къ трудамъ подвижническимъ. Работалъ собственными своими руками, слыша, что праздный *ниже да ястъ* (2 Солун. III, 10), и иное издерживалъ на хлѣбъ себѣ, иное же на нуждающихся. Молился онъ часто, зная, что должно наединѣ *молитъся непрестанно* (1 Солун. V, 17); и столько былъ внимателенъ къ читаемому, что ни одно слово Писанія не падало у него на землю, но все удерживалъ онъ въ себѣ; почему, наконецъ, память замѣнила ему книги. Такъ велъ себя Антоній, и былъ любимъ всѣми.

Ревнителямъ же добродѣтели, къ которымъ ходилъ онъ, искренно подчинялся, и въ каждомъ изучалъ, чѣмъ особенно преимуществовалъ онъ въ тщательности и въ подвигѣ: въ одномъ наблюдалъ его привѣтливость, въ другомъ неутомимость въ молитвахъ; въ иномъ замѣчалъ его безгнѣвіе, въ другомъ челоуѣколюбіе; въ одномъ обращалъ вниманіе

на его неусыпность, въ другомъ на его любовь къ ученію; кому удивлялся за его терпѣніе, а кому за посты и возлежанія на голой землѣ; не оставлялъ безъ наблюденія и кротости одного и великодушія другаго; во всѣхъ же обращалъ вниманіе на благочестивую вѣру во Христа и на любовь другъ къ другу. Такъ, съ обильнымъ пріобрѣтеніемъ возвращался въ мѣсто собственнаго своего подвижничества, самъ въ себѣ сочетавая во едино, что заимствовалъ у каждаго, и стараясь въ себѣ одномъ явить преимущества всѣхъ. А съ равными ему по возрасту не входилъ въ состязаніе, развѣ только чтобы не быть вторымъ послѣ нихъ въ совершенствѣ. И дѣлалъ сіе такъ, что никого не оскорблялъ, но и тѣ, съ кѣмъ состязался, радовались о немъ. Поэтому, всѣ жители селенія и всѣ добротолубцы, съ которыми былъ онъ знакомъ, видя такую жизнь его, называли его боголюбивымъ, и любили его, одни—какъ сына, другіе—какъ брата.

Но ненавистникъ добра завистливый діаволь, видя такое расположеніе въ юномъ Антоніи, не потерпѣлъ сего, но какъ привыкъ дѣйствовать, такъ намѣревается поступить и съ нимъ. Сперва покушается онъ отвлечь Антонія отъ подвижнической жизни, приводя ему на мысль то воспоминаніе объ имуществѣ, то заботливость о сестрѣ, то родственныя связи, то сребролюбіе, славолюбіе, услажденіе разными яствами и другія удобства жизни, и наконецъ жестокой путь добродѣтели и ея многотрудность, пред-

ставляетъ ему мысленно и немощь тѣла, и продолжительность времени, и вообще возбуждаетъ въ умѣ его сильную бурю помысловъ, желая отвратить его отъ праваго произволенія. Когда же врагъ увидѣлъ немощь свою противъ Антоніева намѣренія, паче же увидѣлъ, что самъ поборается твердостію Антонія, то, какъ-бы изъявляя покорность, не нападаетъ уже помыслами, но говоритъ человѣческимъ голосомъ: «многихъ оболъстилъ я, и еще большее число низложилъ, но, въ числѣ многихъ напавъ теперь на тебя и на труды твои, изнемогъ. Многократно смущалъ я и тебя, но всякій разъ былъ низложенъ тобою». Антоній, возблагодаривъ Господа, небоязненно сказалъ врагу: «поэтому и достоинъ ты великаго презрѣнія. Ибо черень ты умомъ и безсиленъ. У меня нѣтъ уже и заботы о тебѣ. *Господь мнѣ помощникъ, и азъ воззрю на враги моя*» (Псал. СХVII, 7).

Но Антоній не пришелъ въ нерадѣніе и небреженіе о себѣ потому, что демонъ уже побѣжденъ. И врагъ не пересталъ разставлятъ ему сѣти, какъ побѣжденный, но снова ходилъ какъ левъ, ища удобнаго случая напасть на подвижника. Антоній же, зная изъ Писанія, что много козней у врага (Ефес. VI, 11), неослабно упражнялся въ подвигахъ, рассуждая, что, если врагъ и не могъ оболъстити сердце его плотскимъ удовольствіемъ, то, безъ сомнѣнія, покусится уловить инымъ способомъ, потому что демонъ грѣхолобивъ. Посему-то Антоній паче и паче умерщвлялъ и порабощалъ тѣло, чтобы, побѣдивъ въ

одномъ, не уступить надъ собою побѣды въ другомъ. Поэтому. пріемлетъ онъ намѣреніе пріобучить себя къ болѣе суровому житію; и многіе приходили въ удивленіе, видя трудъ его, а онъ переносилъ оный легко. Душевная его ревность своею долговременностію производила въ немъ добрый навыкъ, и потому, къ чему хотя малый поводъ подавали ему другіе, въ томъ оказывалъ онъ великую тщательность. Столько неутомимъ былъ во бдѣніи, что часто цѣлую ночь проводилъ безъ сна, и, повторяя это не разъ, но многократно, возбуждалъ тѣмъ удивленіе. Пищу вкушалъ однажды въ день по захожденіи солнца, иногда принималъ ее и черезъ два дня, а нерѣдко и черезъ четыре. Пищею же служили ему хлѣбъ и соль, и питіемъ одна вода. О мясахъ и винѣ не нужно и говорить, потомучто и у другихъ рачительныхъ подвижниковъ едва ли встрѣтишь что-либо подобное. Во время сна Антоній довольствовался рогожею, а большею частію возлегалъ на голой землѣ. Никакъ не соглашался умащать себя елеемъ, говоря, что юнымъ всего приличнѣе быть ревностными къ подвигу и не искать того, что расслабляетъ тѣло, но пріучать оное къ трудамъ, содержа въ мысляхъ Апостольское изреченіе: *егда немощствую, тогда силенъ есмь* (2 Коринѣ. XII, 10). Душевные силы, говаривалъ онъ, тогда бываютъ крѣпки, когда ослабѣваютъ тѣлесныя удовольствія.

Изнуряя себя, Антоній удалился въ бывшія недалеко отъ селенія гробницы и сдѣлалъ порученіе

одному знакомому, чтобы, по прошествіи многихъ дней, приносилъ ему хлѣбъ; самъ же, войдя въ одну изъ гробницъ и заключивъ за собою дверь, остался въ ней одинъ. Тогда врагъ, не стерпя сего, даже боясь, что Антоній въ короткое время наполнить пустыню подвижничествомъ, приходитъ къ нему въ одну ночь со множествомъ демоновъ и наноситъ ему столько ударовъ, что отъ боли остается онъ безгласно лежащимъ на землѣ. Отъ нанесенныхъ ему ударовъ не въ силахъ онъ еще стоять на ногахъ, и молится лежа; по молитвѣ же громко взываетъ: «здѣсь я, Антоній; не бѣгаю отъ вашихъ ударовъ. Если нанесете мнѣ и еще большее число, ничто не отлучитъ меня отъ любви Христовой». Потомъ начинаетъ пѣть: *аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое* (Псал. XXVI, 3).

А діаволь не затрудняется въ способахъ изъяснить свою злобу. Такъ и теперь ночью демоны производятъ такой громъ, что, по-видимому, все то мѣсто пришло въ колебаніе, и какъ-бы разоривъ четыре стѣны Антоніева жилища, вторгаются, преобразившись въ звѣрей и пресмыкающихся. Все мѣсто мгновенно наполнилось призраками львовъ, медвѣдей, леопардовъ, воловъ, змѣй, аспидовъ, скорпіоновъ, волковъ. Каждый изъ сихъ призраковъ дѣйствуетъ соответственно наружному своему виду. Левъ, готовясь напасть, рыкаетъ; волъ хочетъ, по-видимому, бодать; змѣя не перестаетъ извиваться, волкъ напрягаетъ силы броситься. И всѣ сіи привидѣнія производятъ

страшный шумъ, обнаруживаютъ лютую ярость. Антоній, поражаемый и уязвляемый ими, чувствуетъ ужасную тѣлесную боль, но тѣмъ паче, бодрствуя душою, лежитъ безъ трепета, и, хотя стонетъ отъ тѣлесной боли, однакоже, трезвясь умомъ и какъ-бы посмѣваясь, говоритъ: «ежели есть у васъ сколько-нибудь силы, то достаточно было придти и одному изъ васъ. Но поелику Господь отнялъ у васъ силу, то пытаетесь устрашить множествомъ. Но и то служитъ признакомъ вашей немощи, что обращаетесь въ безсловесныхъ».

Господь же не забылъ при семъ Антоніева подвига и пришелъ на помощь къ подвижнику. Возведя взоръ, видитъ Антоній, что кровля надъ нимъ какъ-бы раскрылась, и нисходитъ къ нему лучъ свѣта. Демоны внезапно стали невидимы; тѣлесная боль мгновенно прекратилась; жилище его оказалось ни въ чемъ неповрежденнымъ. Было же ему тогда около тридцати пяти лѣтъ.

Въ слѣдующій день, вышедши изъ гробницы и исполнившись еще большей ревности къ благочестію, приходитъ онъ къ упомянутому выше древнему старцу и проситъ его жить съ нимъ въ пустынь. Поелику же старецъ отказался и по лѣтамъ и по непривычкѣ къ пустынной жизни, то Антоній немедля уходитъ одинъ въ гору. Нашедши по другую сторону рѣки пустое огражденное мѣсто, отъ давняго запустѣнія наполнившееся пресмыкающимися, переселяется туда и начинаетъ тамъ обитать. Пресмыкаю-

щіяся, какъ будто гонимыя кѣмъ, тотчасъ удаляются. Антоній же, заградивъ входъ и запасши на шесть мѣсяцевъ хлѣбовъ (такъ запасають Оивяне, и хлѣбъ у нихъ нерѣдко впродолженіе цѣлаго года сохраняется невредимымъ), воду же имѣя внутри ограды, какъ-бы укрывшись въ какое недоступное мѣсто, пребываетъ тамъ одинъ, и самъ не выходя, и не видя никого изъ приходящихъ. Такъ подвизаясь, провелъ онъ долгое время, два раза только въ годъ принимая хлѣбы черезъ ограду.

Приходящіе къ нему знакомые, поелику не позволялъ имъ входить внутрь ограды, нерѣдко дни и ночи проводили внѣ оной; и слышать они, что въ оградѣ какъ-бы цѣлыя толпы мятутся, стучать, жалобно вопять и взываютъ: «удались изъ нашихъ мѣсть: что тебѣ въ этой пустынѣ? не перенесешь нашихъ козней». Стоящіе внѣ подумали сначала, что съ Антоніемъ препираются какіе-то люди, вошедшіе къ нему по лѣстницамъ; когда же, проникнувъ въ одну скважину, не увидѣли никого, тогда заключивъ, что это демоны, объятые страхомъ, начинаютъ звать Антонія. И онъ скорѣе услышалъ слова послѣднихъ, нежели позаботился о демонскихъ вопляхъ. Подойдя къ двери, умоляетъ пришедшихъ удалиться и не бояться. «Демоны, говоритъ онъ, производятъ мечтанія для устрашенія боязливыхъ. Посему, запечатлѣйте себя крестнымъ знаменіемъ и идите назадъ смѣло, демонамъ же предоставьте дѣлать изъ себя посмѣшище». И пришедшіе, оградившись знаме-

ніемъ креста, удаляются; а Антоній остается, и не терпитъ ни малаго вреда отъ демоновъ, даже не утомляется въ подвигѣ, потомучто учащеніе бывшихъ ему горнихъ видѣній и немощь враговъ доставляютъ ему великое облегченіе въ трудахъ и возбуждаютъ усердіе къ бѣльшимъ трудамъ. Знакомые часто заходили къ нему, думая найти его уже мертвымъ, но заставляли поющимъ: *да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его вси ненавидящійи Его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ: яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія* (Псал. LXVII, 2—3); и еще: *вси языцы обыдоша мя, и именемъ Господнимъ противляхся имъ* (Псал. CXVII, 10). Около двадцати лѣтъ провелъ такъ Антоній, подвизаясь въ уединеніи, никуда не выходя, и во все сіе время никѣмъ невидимый.

Послѣ сего, поелику многіе домогались и желали подражать его подвижнической жизни, нѣкоторые же изъ знакомыхъ пришли и силою разломали и отворили дверь, исходитъ Антоній, какъ таинникъ и богоносецъ изъ нѣкоего святилища, и приходящимъ къ нему въ первый разъ показывается изъ своей ограды. И они, увидѣвъ Антонія, исполняются удивленія, что тѣло его сохранило прежній видъ, не утучнѣло отъ недостатка движенія, не изсохло отъ постовъ и борьбы съ демонами. Антоній былъ таковъ же, какимъ знали его до отшельничества. Въ душѣ его таже была опять чистота нрава; ни скорбію не былъ онъ подавленъ, ни пришелъ въ восхищеніе отъ удовольствія, не пре-

дался ни смѣху, ни грусти, не смутился, увидѣвъ толпу людей, не обрадовался, когда всѣ стали его привѣтствовать, но пребылъ равнодушнымъ, потому что управлялъ имъ разумъ, и ничто не могло вывести его изъ обыкновеннаго естественнаго состоянія. Господь исцѣлилъ чрезъ него многихъ бывшихъ тутъ страждущихъ тѣлесными болѣзнями, иныхъ освободилъ отъ бѣсовъ, даровалъ Антонію и благодать слова; утѣшилъ онъ многихъ скорбящихъ, примирилъ бывшихъ въ ссорѣ, внушая всѣмъ, —ничего въ мірѣ не предпочитать любви ко Христу, и увѣщавая содержать въ памяти будущія блага и человѣколюбіе къ намъ Бога, *Иже Своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* (Римл. VIII, 32); убѣдилъ многихъ избрать иноческую жизнь, и такимъ образомъ, въ горахъ явились наконецъ монастыри; пустыня населена иноками, оставившими свою собственность и вписавшимися въ число жительствующихъ на небесахъ.

Когда настояла нужда переходить водопроводный ровъ въ Арсеноѣ, и именно для посѣщенія братіи, а ровъ полонъ былъ крокодиловъ, — Антоній совершаетъ только молитву, потомъ самъ и всѣ бывшіе съ нимъ входятъ въ ровъ и переходятъ его невредимо. Возвратившись же въ монастырь, упражняется онъ въ прежнихъ строгихъ трудахъ съ юношескою бодростію и часто бесѣдуя, въ монашествующихъ уже увеличиваетъ ревность, въ другихъ же, и весьма многихъ, возбуждаетъ любовь къ подвижничеству. И вскорѣ, по силѣ удивительнаго слова его, возникаютъ много-

численные монастыри, и во всѣхъ нихъ Антоній, какъ отецъ, дѣлается руководителемъ. Въ одинъ день онъ выходитъ, собираются къ нему всѣ монахи и желаютъ слышать отъ него слово; Антоній же Египетскимъ языкомъ говоритъ имъ слѣдующее:

«Къ наученію достаточно и Писаній; однакоже намъ прилично утѣшать другъ друга вѣрою и умащать словомъ. Поэтому и вы, какъ дѣти, говорите отцу, что знаете; и я, какъ старшій васъ возрастомъ, сообщу вамъ, что знаю и что извѣдалъ опытомъ».

«Паче всего да будетъ у васъ всѣхъ общее попеченіе о томъ, чтобы, начавъ, не ослабѣвать въ дѣлѣ, въ трудахъ не унывать, не говорить: давно мы подвижаемся. Лучше, какъ начинающіе только, будемъ съ каждымъ днемъ приумножать свое усердіе, потому что цѣлая жизнь человѣческая весьма коротка въ сравненіи съ будущими вѣками; почему и все время жизни нашей предъ жизнію вѣчною ничто».

«И взирая на міръ, не будемъ думать, что отrekliсь мы отъ чего-либо великаго. Ибо и вся земля эта очень мала предъ цѣлымъ небомъ. Поэтому, если бы мы были господами надъ всею землею и отrekliсь отъ всей земли, то и это не было бы еще равноцѣнно Небесному Царству».

«Поэтому, никто изъ насъ да не питаетъ въ себѣ пожеланія приобрѣтать. Ибо какая выгода приобрѣсти то, чего не возьмемъ съ собою? Не лучше ли приобрѣсти то, что можемъ взять и съ собою, какъ-то: благо-

разуміє, справедливость, цѣломудріє, мужество, рассудительность, любовь, нищелюбіє, вѣру во Христа, безгнѣвіє, страннолюбіє? Сіи пріобрѣтенія уготовяють намъ пристанища въ землѣ кроткихъ прежде, нежели придемъ туда».

«Еллины, чтобы обучиться словеснымъ наукамъ, предпринимають дальнія путешествія, переплывають моря; а намъ нѣтъ нужды ходить далеко ради Царствія Небеснаго, или переплывать море ради добродѣтели. Господь еще прежде сказалъ: *Царствіе Небесное внутри васъ есть* (Лук. XVII, 21). Поэтому, добродѣтель имѣеть потребность въ нашей только волѣ, потому что добродѣтель въ насъ, и изъ насъ образуется. Она образуется въ душѣ, у которой разумныя силы дѣйствуютъ согласно съ ея естествомъ. А сего достигаетъ душа, когда пребываетъ, какою сотворена; сотворена же она доброю и совершенно правою. Если бы добродѣтель была чѣмъ-либо пріобрѣтаемымъ отъ насъ, то, безъ сомнѣнія, трудно было бы стать добродѣтельнымъ. Если же она въ насъ, то будемъ охранять себя отъ нечистыхъ помысловъ, и соблюдемъ Господу душу, какъ пріятый отъ Него залогъ, чтобы призналъ Онъ въ ней твореніе Свое, когда душа точно такова, какою сотворилъ ее Богъ. Будемъ же домогаться, чтобы не властвовала надъ нами раздражительность, и не преобладала нами похоть; ибо написано: *и гнѣвъ мужа правды Божія не содѣловаетъ. Похоть же зачениши раздражаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣланъ раздражаетъ смерть*» (Іак. I, 20, 15).

«А при такомъ образѣ жизни будемъ постоянно трезвиться и, какъ написано, *всяцѣмъ храненіемъ блюсти сердце* (Притч. IV, 23). Ибо имѣемъ у себя страшныхъ и коварныхъ враговъ, лукавыхъ демоновъ; съ ними у насъ брань, какъ сказалъ Апостоль: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 12). Великое ихъ множество въ окружающемъ насъ воздухѣ, и они недалеко отъ насъ».

«Посему, потребны намъ усиленная молитва и подвиги, чтобы, пріавъ отъ Духа дарованіе *разсужденія духовомъ* (1 Коринѣ. XII, 10), можно было чело-вѣку узнать о демонахъ, которые изъ нихъ менѣе худы, и которые хуже другихъ, какой цѣли старается достигнуть каждый изъ нихъ, и какъ можно низложить и изгнать cadaго. Ибо много у нихъ ухищреній и злокозненныхъ устремленій. Блаженному Апостолу и послѣдователямъ его извѣстны были козни сіи, и они говорятъ: *не неразумѣваемъ умысленій его* (2 Коринѣ. II, 11). А мы, сколько опытомъ извѣдали о сихъ козняхъ, столько обязаны предохранять отъ нихъ другъ друга. Приобрѣтя отчасти опытное о нихъ вѣдѣніе, сообщаю это вамъ, какъ дѣтямъ».

«Итакъ, демоны всякому христіанину, наипаче же монаху, какъ-скоро увидятъ, что онъ трудолюбивъ и преуспѣваетъ, прежде всего предприемлютъ и покушаются положить на пути соблазны. Соблазны же ихъ суть лукавые помыслы. Но мы не должны устра-

шаться таковыхъ внушеній. Молитвою, постами и вѣрою въ Господа враги немедленно низлагаются. Впрочемъ и по низложеніи они не успокоиваются, но вскорѣ снова наступаютъ коварно и съ хитростію. И когда не могутъ обольстить сердце явнымъ и нечистымъ сластолюбіемъ, тогда снова нападаютъ инымъ образомъ и стараются уже устрашить мечтательными привидѣніями, претворяясь въ разные виды и принимая на себя подобія женщинъ, звѣрей, пресмыкающихся, великановъ, множества воиновъ. Но и въ такомъ случаѣ не должно приходить въ боязнь отъ сихъ привидѣній, потомучто они суть ничто и скоро исчезаютъ, особливо если кто оградить себя вѣрою и крестнымъ знаменіемъ. Впрочемъ, демоны дерзки и крайне безстыдны. Если и въ этомъ бываютъ они побѣждены, то нападаютъ инымъ еще способомъ: принимаютъ на себя видъ прорицателей, предсказываютъ, что будетъ черезъ нѣсколько времени; представляются или высокорослыми, достающими головою до кровли, или имѣющими чрезмѣрную толстоту, чтобы тѣхъ, кого не могли обольстить помыслами, уловить такими призраками. Если же и въ этомъ случаѣ найдутъ, что душа ограждена сердечною вѣрою и упованіемъ, то приводятъ уже съ собою князя своего».

«Но не должно намъ бояться демоновъ,—хотя, по-видимому, нападаютъ на насъ, даже угрожаютъ намъ смертію,—потомучто они безсильны и не могутъ ничего болѣе сдѣлать, какъ только угрожать».

«Должно бояться только Бога, а демоновъ презирать и нимало не страшиться ихъ. Даже чѣмъ больше страхованій производятъ они, тѣмъ усильнѣе будемъ подвизаться противъ нихъ. Ибо сильное на нихъ орудіе—правая жизнь и вѣра въ Бога. Боятся они подвижническаго поста, бдѣнія, молитвъ, кротости, безмолвія, несребролюбія, нетщеславія, смиренномудрія, нищелюбія, милостынь, безгнѣвія, преимущественно же благочестивой вѣры во Христа. Посему-то и употребляютъ всѣ мѣры, чтобы не было кому поспирать ихъ. Знаютъ они, какую благодать противъ нихъ далъ вѣрующимъ Спаситель, Который сказалъ: *се, даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію*» (Лук. X, 19).

«Поэтому, если выдають они себя за предсказателей, никто да не прилѣпляется къ нимъ. Нерѣдко сказываютъ они за нѣсколько дней, что придутъ братія, и тѣ дѣйствительно приходятъ. Дѣлаютъ же сіе демоны не по заботливости о внимающихъ имъ, но чтобы возбудить въ нихъ вѣру къ себѣ, и потомъ, подчинивъ уже ихъ себѣ, погубить. Посему, не должно слушать демоновъ, а надобно возражать на слова ихъ, что не имѣемъ въ нихъ нужды. Ибо что удивительнаго, если кто, имѣя тѣло тончайшее тѣла человѣческаго и увидѣвъ вступившихъ въ путь, предваряетъ ихъ въ шествіи и извѣщаетъ о нихъ? Тѣ же предсказываетъ и сидящій на конѣ, предваривъ идущаго пѣшкомъ. Посему и въ этомъ не надобно удивляться демонамъ. Они не имѣютъ предвѣдѣнія о томъ, чего

еще нѣтъ. Единый Богъ есть *въдый вся прежде бытія ихъ* (Дан. XIII, 42). Демоны же, какъ тати, забѣжавъ напередъ, что видятъ, о томъ и извѣщаютъ. Такъ, иногда велерѣчиво объявляютъ они о водѣ въ рѣкѣ Нилѣ, увидѣвъ, что много было дождей въ странахъ Египетскихъ и зная, что отъ нихъ бываетъ наводненіе въ рѣкѣ; прежде нежели вода придетъ въ Египетъ, прибѣгають туда и предсказываютъ. Но то же сказали бы и люди, если бы могли такъ скоро переходить съ мѣста на мѣсто, какъ демоны. Такъ произошли языческія прорицалища, такъ издавна люди вводимы были въ заблужденіе демонами. Но обольщеніе сіе наконецъ прекратилось. Ибо пришелъ Господь, и привелъ въ бездѣйствіе демоновъ и коварство ихъ. Они ничего не знаютъ сами собою, но, какъ тати, что видятъ у другихъ, то и разглашаютъ, и болѣе угадываютъ, нежели знаютъ по предвѣдѣнію. Посему, если предсказываютъ и правду, никто да не дивится имъ въ этомъ. Ибо и врачи, опытомъ дознавшіе свойства болѣзней, какъ-скоро видятъ ту же болѣзнь въ другихъ, нерѣдко, угадывая по навыку, предсказываютъ».

«При Божіей помощи, возможно и нетрудно распознавать присутствіе Ангеловъ добрыхъ и злыхъ».

«Видѣніе святыхъ бываетъ невозмутительно. Не будутъ они ни спорить, ни вопіять, *ниже услышитъ кто гласа ихъ* (Исаія XLII, 2). Являются они безмолвно и кротко, почему въ душѣ немедленно раждаются радость, веселіе и дерзновеніе, потому что со

святыми Господь, Который есть наша радость и сила Бога Отца. Душевные помыслы пребывают невозмутимыми и неволненными, и душа, озаряемая видѣніемъ, созерцаетъ явившихся. Въ ней возникаетъ желаніе божественныхъ и будущихъ благъ, и, конечно, возжелаетъ она быть въ соединеніи со святыми и отойти съ ними. Если же иные, какъ люди, приводятся въ страхъ видѣніемъ добрыхъ Ангеловъ, то явившіеся въ то же мгновеніе уничтожаютъ этотъ страхъ своею любовію, какъ поступили Гавріиль съ Захаріею, и Ангель, явившійся женамъ во гробѣ Господнемъ, и еще Ангель, упоминаемый въ Евангеліи и сказавшій пастырямъ: *не бойтеся* (Лук. II, 10). Ощущается же страхъ не отъ душевной боязни, но отъ сознанія присутствія высшихъ силъ. Таково видѣніе святыхъ».

«А нашествіе и видѣніе духовъ злыхъ бываетъ возмутительно, съ шумомъ, гласами и воплями, подобно буйному движенію худо воспитанныхъ молодыхъ людей, или разбойниковъ. Отъ сего въ душѣ немедленно происходятъ боязнь, смятеніе, беспорядокъ помысловъ, грусть, ненависть къ подвижникамъ, уныніе, печаль, воспоминаніе о сродникахъ, страхъ смертный, и наконецъ худое пожеланіе, нерадѣніе о добродѣтели, нравственное разстройство».

«Да служитъ вамъ и то еще признакомъ: когда душа продолжаетъ ощущать боязнь,—явившійся есть врагъ, потому что демоны не уничтожаютъ боязни, какъ въ Маріи и Захаріи—великій Архангель Гаврі-

иль, и въ женахъ явившійся во гробѣ Ангель. На-
противъ того, демоны, когда видятъ людей въ боязни,
тѣмъ паче умножаютъ призраки, чтобы привести ихъ
въ большій ужасъ, и наступая, уже ругаются, говоря:
надше поклонитесь (Матѣ. IV, 9). Такъ обольщали
они язычниковъ, и тѣ лжеименно признавали ихъ
богами».

«Но насъ не оставилъ Господь быть въ обольще-
ніи отъ діавола, когда, запрещаая ему производить
такіе призраки, сказалъ: *иди за Мною, сатано. Писано
бо есть: Господу Богу твоему поклонишия и Тому еди-
ному послужиши* (Матѣ. IV, 10). Посему, паче и паче
да будетъ за сіе презираемъ нами этотъ коварный.
Что сказалъ ему Господь, то сказалъ ради насъ, что-
бы демоны, слыша и отъ насъ подобное сему, обра-
щались въ бѣгство ради Господа, воспретившаго имъ
это».

«Но не должно хвалиться силою изгонять бѣ-
совъ и превозноситься даромъ исцѣленій; не должно
дивиться тому только, кто изгоняетъ бѣсовъ, и уни-
чижать того, кто не изгоняетъ. Пусть каждый по-
учается подвижничеству другаго; пусть или подра-
жаетъ, соревнуетъ ему, или исправляетъ его. Тво-
рить знаменія не отъ насъ зависитъ, но есть дѣло
Спасителя. Онъ сказалъ ученикамъ: *не радуйтеса, яко
дуси вамъ повинуются, но яко имена ваша написана суть
на небесахъ*» (Лук. X, 20).

«Намѣревался-было я смолчать и ничего не го-
ворить отъ себя, удовольствовавшись однимъ сказан-

нымъ; но, чтобы не подумали вы, будто бы говорю сіе просто, а напротивъ того увѣрились, что сказываю вамъ извѣданную по опыту и сущую правду, то скажу еще, что дозналъ я о демонскихъ начинаніяхъ. Много разъ ублажали меня демоны, а я заклиналъ ихъ именемъ Господнимъ. Много разъ предсказывали они мнѣ о разливѣ рѣки, а я спрашивалъ ихъ: вамъ какое до сего дѣло? Иногда приходили съ угрозами и окружали меня, какъ вооруженные воины. Въ иное время наполняли домъ конями, звѣрями и пресмыкающимися; а я воспѣвалъ: *сіи на колесницѣхъ и сіи на конехъ: мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся* (Псал. XIX, 8—9), и по молитвамъ Господь обращалъ ихъ въ бѣгство. Иногда приходили во тьмѣ, имѣя призракъ свѣта, и говорили: мы пришли озарить тебя, Антоній. Но я, смеживъ глаза, молился, и тотчасъ угасалъ свѣтъ нечестивыхъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришли, и будто воспѣвали псалмы и произносили мѣста изъ Писаній: *азъ же яко глухъ не слышахъ* (Псал. XXXVII, 14). Иногда приводили въ колебаніе монастырь; но я молился, пребывая неподвиженъ мыслию. Послѣ сего, еще пришли и стали рукоплескать, свистѣть, плясать; но я молился и лежа пѣлъ самъ въ себѣ псалмы. Вскорѣ начали они плакать и рыдать, какъ изнемогшіе; а я прославлялъ Господа, сокрушившаго и посрамившаго ихъ дерзость и безуміе. Однажды явился съ многочисленнымъ сопровожденіемъ демонъ весьма высокій ростомъ и осмѣлился сказать: я—Божія сила, я—Промысль; чего

хочешь, все дарую тебѣ.—Тогда дунуль я на него, произнеся имя Христово, занесъ руку ударить его, и, какъ показалось, ударилъ, и при имени Христовомъ тотчасъ исчезъ великанъ этотъ со всѣми его демонами. Однажды, когда я постился, пришелъ этотъ коварный въ видѣ монаха, имѣя у себя призракъ хлѣба, и давалъ мнѣ такой совѣтъ: ѣшь и отдохни послѣ многихъ трудовъ; и ты—человѣкъ, можешь занемочь.—Но я, уразумѣвъ козни его, возсталъ на молитву, и демонъ не стерпѣлъ сего, скрылся и, изшедши въ дверь, исчезъ какъ дымъ. Много разъ въ пустынѣ мечтательно показывалъ мнѣ врагъ золото, чтобы только прикоснулся я къ нему и взглянулъ на него; но я отражалъ врага пѣніемъ псалмовъ, и онъ исчезалъ. Часто демоны наносили мнѣ удары, но я говорилъ: ничто не отлучитъ меня отъ любви Христовой.—И послѣ сего начинали они наносить сильнѣйшіе удары другъ другу. Впрочемъ, не я удерживалъ и приводилъ ихъ въ бездѣйствіе, но Господь, Который сказалъ: *видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша* (Лук. X, 18). А я, дѣти, помня изреченіе Апостольское, *преобразихъ то на себе* (1 Коринѣ. IV, 6), да научитесь не унывать въ подвижничествѣ и не страшиться привидѣній діавола и демоновъ его».

«Паче же, будемъ благодушествовать и радоваться всегда, какъ спасаемые; будемъ содержать въ мысли, что съ нами Господь, Который низложилъ и привелъ въ бездѣйствіе демоновъ. Будемъ предста-

влять и помышлять всегда, что, поелику съ нами Господь, то ничего не сдѣлаютъ намъ враги».

Когда бесѣдовалъ такъ Антоній, — всѣ тому радовались; въ одномъ возрастала любовь къ добродѣтели, въ другомъ искоренялось нерадѣніе, въ иныхъ прекращалось самомнѣніе, всѣ же, дивясь данной отъ Господа Антонію благодати къ различенію духовъ, убѣждались въ томъ, что должно презирать демонскіе навѣты.

Монастыри въ горахъ подобны были скиніямъ, наполненнымъ божественными ликами псалмопѣвцевъ, любителей ученія, постниковъ, молитвенниковъ, которыхъ радовало упованіе будущихъ благъ, и которые занимались рукодѣліями для подаенія милостыни, имѣли между собою взаимную любовь и согласіе. Подлинно представлялась тамъ какъ-бы особая нѣкая область богочестія и правды. Не было тамъ ни притѣснителя, ни притѣсненнаго; не было укоризнъ отъ сборщика податей; подвижниковъ было много, но у всѣхъ одна мысль — подвизаться въ добродѣтели. А потому, кто видѣлъ монастыри сіи и такое благочиніе иноковъ, тотъ долженъ былъ снова воскликнуть и сказать: *коль добри дома твои, Іакове, и кущы твоя, Израилю! яко дубравы остняющыя, и яко садъ при рѣцѣ, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедрѣ при водахъ* (Числ. XXIV, 5—6).

А самъ Антоній, по обычаю уединяясь особо въ монастырѣ своемъ, усиливалъ подвиги, и ежедневно воздыхалъ, помышляя о небесныхъ обителяхъ, во-

ждедѣвая оныхъ и обращая взоръ на кратковременность человѣческой жизни. Когда хотѣлъ вкушать пищу, ложился спать, приступалъ къ исполненію другихъ тѣлесныхъ потребностей,—чувствовалъ онъ стыдъ, представляя себѣ разумность души. Нерѣдко, со многими другими иноками приступая ко вкушенію пищи и вспомнивъ о пищѣ духовной, отказывался отъ вкушенія и уходилъ отъ нихъ далеко, почитая для себя за стыдъ, если увидятъ другіе, что онъ ѣсть. По необходимому же требованію тѣла, вкушалъ пищу, но особо, а нерѣдко и вмѣстѣ съ братією, сколько стыдясь ихъ, столько уповая предложить имъ слово на пользу.

Онъ говаривалъ: «все попеченіе прилагать надобно болѣе о душѣ, а не о тѣлѣ, и тѣлу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать наипаче душѣ и искать ея пользы, чтобы не увлекалась она тѣлесными удовольствіями, но паче ей поработалось тѣло. Сіе-то и значитъ сказанное Спасителемъ: *не пецѣтесе душою вашею, что ясте, ни тѣломъ, во что облечетесе*» (Матѳ. VI, 25).

Посемъ постигло Церковь бывшее въ то время Максиминово гоненіе. И когда святые мученики ведены были въ Александрію,—послѣдовалъ за ними и Антоній, оставивъ свой монастырь и говоря: «пойдемъ и мы, чтобы или подвизаться, если будемъ призваны, или видѣть подвизающихся». Было у него желаніе пріять мученичество; но, не хотя предать самъ себя, прислуживалъ онъ исповѣдникамъ въ рудо-

копняхъ и въ темницахъ. Много было у него попеченія—позванныхъ въ судилище подвижниковъ поощрять къ ревности, и принимать участіе въ тѣхъ, которые вступили въ мученическій подвигъ, и сопровождать ихъ до самой кончины. Судія, видя безстрашіе Антонія и бывшихъ съ нимъ и ихъ попечительность, приказалъ, чтобы никто изъ иноковъ не показывался въ судилищѣ, и чтобы вовсе не оставались они въ городѣ. Всѣ прочіе въ этотъ день почли за лучшее скрываться. Антоній же столько озаботился, что даже вымылъ верхнюю свою одежду, и на слѣдующій день, ставъ впереди всѣхъ на высокомъ мѣстѣ, явился предъ игемономъ въ чистой одеждѣ. Когда всѣ дивились сему, даже видѣлъ его и игемонъ, и съ своими воинами проходилъ мимо его,—стоялъ онъ безтрепетный, показывая тѣмъ христіанскую нашу ревность. Ибо, какъ сказалъ уже я, ему желательно было стать мученикомъ. И самъ онъ, казалось, печалился о томъ, что не сподобился мученичества; но Господь хранилъ его на пользу намъ и другимъ, чтобы содѣлаться ему учителемъ многихъ въ подвижнической жизни, какой научился онъ изъ Писаній. Ибо многіе, взирая только на образъ его жизни, потщились стать ревнителями его житія. Итакъ, снова сталъ онъ, по обычаю, прислуживать исповѣдникамъ, и какъ бы связанный вмѣстѣ съ ними, трудился въ служеніи имъ.

А когда гоненіе уже прекратилось, и пріялъ мученичество блаженной памяти епископъ Петръ,

тогда Антоній оставилъ Александрію и уединился снова въ монастырѣ своемъ, гдѣ ежедневно былъ мученикомъ въ совѣсти своей и подвизался въ подвигахъ вѣры. Труды его многочисленны и велики: непрестанно постился онъ; одежду нижнюю—волосяную и верхнюю—кожаную соблюдалъ до самой кончины; не смывалъ водою нечистотъ съ тѣла; никогда не обмывалъ себѣ ногъ, даже и просто не погружалъ ихъ въ воду, кромѣ крайней необходимости. Никто не видѣлъ его раздѣтымъ; никто не могъ видѣть обнаженнаго Антоніева тѣла до того времени, какъ Антоній скончался, и стали предавать его погребенію.

Когда пребывалъ онъ въ уединеніи, и рѣшился проводить время, и самъ не выходя, и къ себѣ никого не принимая,—тогда пришелъ и обезпокоилъ его одинъ военачальникъ Мартиніанъ. У него была дочь, мучимая бѣсомъ. Долгое время продолжалъ онъ стучать въ дверь и просить Антонія, чтобы вышелъ и помолился Богу о дочери его. Антоній не соглашался отворить двери и, выглянувъ сверху, сказалъ: «что воіешь ко мнѣ? И я такой же человѣкъ, какъ и ты. Если вѣруешь во Христа, Которому служу я, то поди, и, какъ вѣруешь, помолись Богу, и прошеніе твое будетъ исполнено». Мартиніанъ немедленно увѣровалъ и, призвавъ имя Христово, удалился съ дочерью, освобожденною уже отъ демона. Много и другихъ знаменій сотворилъ чрезъ Антонія Господь, Который сказалъ: *просите и дастся вамъ* (Лук. XI, 9). Ибо многіе страждущіе отъ демоновъ, поелику Анто-

ній не отворялъ двери своей, посидѣвъ только внѣ монастыря, по вѣрѣ и по искренней молитвѣ, получали исцѣленіе.

Когда же Антоній увидѣлъ, что многіе беспокоятъ его и не даютъ пребывать ему въ избранномъ имъ уединеніи, какъ бы желалось, — тогда, опасаясь, чтобы или самому не превозвестись тѣмъ, что творить чрезъ него Господь, или чтобы другой кто не подумалъ о немъ выше того, что онъ есть, заблагоразсудилъ и рѣшился уйдти въ верхнюю Өиваиду, гдѣ не знали его. И, взявъ у братіи хлѣбовъ, сѣлъ онъ на берегу рѣки, смотря, не поидеть ли какой корабль, чтобы, войдя въ него, удалиться. Когда же дожидался онъ корабля, былъ къ нему свыше голосъ: «куда и за чѣмъ идешь, Антоній?» Онъ не смутился, но какъ привыкъ уже часто слышать такія воззванія, выслушавъ сіе, сказалъ въ отвѣтъ: «поелику народъ не даетъ пребывать мнѣ въ покоѣ, то хочу ийти въ верхнюю Өиваиду, по причинѣ многихъ мнѣ здѣсь безпокойствъ, и особенно потому, что требуютъ у меня того, что свыше силъ моихъ». Голосъ сказалъ ему: «если уйдешь въ Өиваиду и даже, какъ намѣреваешься, къ пасущимъ стада воловъ, то еще большіе и сугубые труды понесешь. Если же дѣйствительно хочешь пребыть на покоѣ, то иди теперь во внутреннюю пустыню». На вопросъ же Антонія: «кто укажетъ мнѣ путь, потому что неизвѣстенъ мнѣ оный?» голосъ немедленно указалъ ему Сарацынъ, которымъ надлежало ийти симъ путемъ.

Антоній, подойдя къ нимъ, сталъ просить позволенія идти съ ними въ пустыню. Сарацены, какъ-бы по велѣнію Промысла, охотно приняли его. Три дня и три noci проведя съ ними въ пути, онъ приходитъ на одну весьма высокую гору. Изъ-подъ горы текла прозрачная, сладкая и довольно холодная вода; вокругъ была равнина и нѣсколько дикихъ пальмъ. Антоній, какъ-бы по внушенію свыше, возлюбилъ мѣсто сіе; оно было то самое, какое указывалъ ему голосъ, вѣщавшій на берегу рѣки. Итакъ, взявъ хлѣбы у спутниковъ, сталъ онъ пребывать на горѣ сперва одинъ, не имѣя при себѣ никого другаго, и мѣсто сіе признавалъ уже какъ-бы собственнымъ своимъ домомъ. Сарацены же, увидѣвъ ревность его, съ намѣреніемъ стали проходить путемъ симъ и съ радостію приносили ему хлѣбы; иногда и отъ пальмъ имѣлъ онъ малое нѣкое и скудное утѣшеніе. Впослѣдствіи же и братія, узнавъ его мѣстопробываніе, какъ дѣти, помня отца, заботились присылать ему потребное.

Но Антоній, видя, что, подъ предлогомъ доставлять ему туда хлѣбъ, иные утомляются и несутъ труды, щадя и въ этомъ монаховъ, придумываетъ самъ съ собою средство, и нѣкоторыхъ изъ пришедшихъ къ нему упрашиваетъ принести ему заступъ, топоръ и нѣсколько пшеницы. Когда же было это принесено, обошедши гору, находитъ одно весьма необширное удобное мѣсто, воздѣлываетъ оное, и, поелику достаточно было воды для орошенія поля, засѣваетъ его.

Дѣлая же это ежегодно, получаетъ себѣ отсюда хлѣбъ, радуясь, что никого не будетъ самъ беспокоить и соблюдетъ себя отъ необходимости чѣмъ-либо быть кому въ тягость. Но послѣ сего, видя опять, что нѣкоторые приходятъ къ нему, разводитъ онъ у себя нѣсколько овощей, чтобы и приходящій къ нему имѣлъ хотя малое утѣшеніе послѣ трудовъ такого тяжкаго пути. Вначалѣ звѣри, обитавшіе въ пустынѣ, приходя пить воду, наносили нерѣдко вредъ его посѣву и земледѣлію. Онъ, съ ласкою поймавъ одного звѣря, сказалъ чрезъ него всѣмъ: «для чего дѣлаете вредъ мнѣ, который не дѣлаю никакого вреда вамъ? Идите прочь и во имя Господа не приближайтесь сюда болѣе». Съ сего времени звѣри, какъ-бы боясь запрещенія, не приближались уже къ тому мѣсту. Такъ Антоній пребывалъ одинъ на внутренней горѣ, проводя время въ молитвахъ и въ подвигахъ. Служившіе ему братія упросили его, чтобы позволилъ имъ приходить черезъ мѣсяць и приносить маслинъ, овощей и елея, потомучто онъ былъ уже старъ.

Сколько же, живя тамъ, выдержалъ онъ браней, по написанному (Ефес. VI, 12), не съ плотію и кровію, но съ сопротивными демонами, о томъ знаемъ отъ приходившихъ къ нему.

Хотя діаволь наблюдалъ за Антоніемъ и, какъ воспѣваетъ Давидъ, скрежеталъ на него *зубы своими* (Псал. XXXIV, 16), но Антоній, утѣшаемый Спасителемъ, пребывалъ невредимымъ отъ коварства и многоразличныхъ козней діавола. Такъ въ одну ночь,

когда Антоній проводилъ время во бдѣніи, врагъ посылаетъ на него звѣрей. Всѣ почти гіены, бывшія въ этой пустынѣ, вышедши изъ норъ, окружаютъ его; Антоній стоялъ посреди ихъ, и каждая зіяла на него и угрожала ему угрызеніемъ. Уразумѣвъ въ этомъ хитрость врага, онъ сказалъ гіенамъ: «если имѣете власть надо мною, то я готовъ быть пожранъ вами. А если посланы вы демонами, то не медлите и удалитесь, потомучто я—рабъ Христовъ». Едва Антоній сказалъ это, гіены бѣжали, какъ-бы гонимыя бичемъ слова.

Однажды, по просьбѣ монаховъ придти къ нимъ и на время посѣтить ихъ и мѣсто ихъ жительства, отправился онъ въ путь вмѣстѣ съ пришедшими къ нему монахами. Верблюды несли для нихъ хлѣбы и воду, потомучто пустыня эта безводна, и воды, годной къ питію, вовсе нѣтъ въ ней нигдѣ, кромѣ той одной горы, на которой былъ монастырь Антоніевъ, гдѣ и запаслись они водою. Когда же на пути вода у нихъ истоцилась, а зной былъ весьма сильный, тогда всѣ были въ опасности лишиться жизни. Обойдя окрестности и не нашедши воды, не въ силахъ уже были продолжать пути, легли на землѣ и, отчаявшись въ жизни своей, пустили верблюда идти, куда хочетъ. Старецъ видя, что всѣ бѣдствуютъ, весьма опечалившись и воздохнувъ, отходить отъ нихъ недалеко и, преклонивъ колѣна и воздѣвъ руки, начинаетъ молиться; и Господь вскорѣ содѣлалъ, что потекла вода на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ на молитвѣ; и та-

кимъ образомъ утолили всѣ жажду и оживились, наполнили мѣхи водою и продолжали путь безбѣдно. Когда же Антоній дошелъ до первыхъ на пути монастырей, — всѣ привѣтствовали его, смотрѣли на него, какъ на отца, а онъ, какъ-бы принесся напутствіе съ горы, угощалъ ихъ словомъ и преподавалъ имъ, что было на пользу. Снова на горахъ были радость, соревнованіе о преспѣяніи и утѣшеніе взаимною другъ друга вѣрою. Радовался и самъ Антоній, увидѣвъ ревность иноковъ, и сестру состарѣвшуюся въ дѣвствѣ и уже настоятельницау другихъ дѣвственницъ.

Черезъ нѣсколько дней опять ушелъ онъ на свою гору. И тогда стали уже приходить къ нему многіе, осмѣливались даже приходить и страждущіе. Всякому приходящему къ нему иноку давалъ онъ постоянно такую заповѣдь: «вѣруй въ Господа и люби Его, храни себя отъ нечистыхъ помысловъ и плотскихъ удовольствій и, какъ написано въ Притчахъ, *не прельщайся насыщеніемъ чрева* (Притч. XXIV, 15), бѣгай тщеславія, молись непрестанно, пой псалмы передъ сномъ и послѣ сна, тверди заповѣди, данныя тебѣ въ Писаніи, содержи въ памяти дѣянія святыхъ, чтобы памятующая заповѣди душа твоя ревность святыхъ имѣла для себя образцемъ». Особливо же совѣтовалъ Антоній непрестанно размышлять объ Апостольскомъ изреченіи: *солнце да не зайдетъ во мѣтвѣ вашемъ* (Ефес. IV, 26), и думать, что сказано сіе вообще относительно ко всякой заповѣди, чтобы не заходило солнце не только въ гнѣвъ, но и въ дру-

гомъ грѣхѣ нашемъ. Пусть каждый ежедневно даетъ себѣ отчетъ въ дневныхъ и ночныхъ своихъ поступкахъ. И если согрѣшилъ, да перестанетъ грѣшить; если не согрѣшилъ, да не хвалится тѣмъ, но да пребываетъ въ добрѣ, и не предаётся нерадѣнію, и ближняго не осуждаетъ, и себя не почитаетъ праведнымъ. *дондеже*, какъ сказалъ блаженный Апостоль Павелъ, *придетъ Господь* (1 Коринѣ. IV, 5), испытующій тайное. Пусть каждый изъ насъ замѣчаетъ и записываетъ свои поступки и душевныя движенія, какъ-бы съ намѣреніемъ сообщать это другъ другу; и будьте увѣрены, что, стыдясь извѣстности, непременно перестанемъ грѣшить и даже содержать въ мысляхъ что-либо худое.

Такія наставленія давалъ Антоній приходящимъ; къ страждущимъ же былъ сострадательнъ и молился вмѣстѣ съ ними. И Господь часто внималъ молитвамъ его о многихъ.

Нѣкто, по имени Фронтонъ, изъ царедворцевъ, страдая жестокою болѣзнію, кусалъ себѣ языкъ и готовъ былъ лишить себя зрѣнія. Пришедши въ гору, просилъ онъ Антонія помолиться о немъ. Антоній, помолившись, сказалъ Фронтому: «иди и исцѣлѣешь». А когда больной упорствовалъ и оставался въ монастырѣ нѣсколько дней,—Антоній стоялъ въ своемъ словѣ, говоря: «не можешь ты исцѣлиться, пока здѣсь; иди и, достигнувъ Египта, увидишь совершившееся на тебѣ знаменіе». Фронтонъ повѣрилъ, ушелъ, и, какъ-скоро увидѣлъ Египетъ, болѣзнь его минова-

лась, и сталъ онъ здоровъ по слову Антонія, какъ во время молитвы открылъ ему Спаситель.

Еще однажды, пребывая въ горѣ и возведя взоръ, видитъ Антоній, что возносится нѣкто по воздуху, къ великой радости встрѣчающихъ его. Потомъ, дивясь и ублажая таковой сонмъ, начинаетъ онъ молиться, чтобы открыто ему было, что сіе значитъ. И вдругъ приходитъ къ нему гласъ: «это душа Амуна, Нитрійскаго инока». Амунъ же до старости пребылъ подвижникомъ. А разстояніе отъ Нитріи до горы, гдѣ жилъ Антоній, было тринадцати дней пути. Поэтому бывшіе съ Антоніемъ, видя дивящагося старца, пожелали знать причину, и услышали, что скончался Амунъ; а онъ былъ извѣстенъ имъ, потому что часто бывалъ тамъ и притомъ много совершенно было имъ знаменій. Монахи, которымъ Антоній сказалъ о смерти Амуна, замѣтили день. И когда, черезъ тридцать дней, пришли братія изъ Нитріи, спрашиваютъ ихъ и узнаютъ, что Амунъ почилъ въ тотъ самый день и часъ, въ который старецъ видѣлъ возносимую душу его. Тѣ и другіе много дивились чистотѣ души у Антонія и тому, какъ онъ совершившееся на разстояніи тринадцатидневнаго пути узналъ въ то же самое мгновеніе и видѣлъ возносимую душу.

Однажды комитъ Архелай, нашедши Антонія на внѣшней горѣ, проситъ его только помолиться о Поликратіи, чудной и христоносной дѣвственницѣ въ Лаодикіи. Страдала же она отъ чрезвычайныхъ

подвиговъ жестокою болью въ чревѣ и боку, и вся изнемогла тѣлесно. Антоній помолился; а комить замѣтилъ день, въ который принесена была молитва, и возвратясь въ Лаодикию, находитъ дѣвственницу здоровою. Спросивъ же, когда и въ какой день освободилась отъ болѣзни, вынимаетъ хартію, на которой записалъ время молитвы, и послѣ отвѣта исцѣленной, самъ въ то же время показываетъ записъ; и всѣ удивились, узнавъ, что тогда Господь избавилъ ее отъ страданій, когда молился о ней и призывалъ на помощь Спасителю благодать Антоній.

Часто и объ идущихъ къ нему, за нѣсколько дней, даже за мѣсяць, предсказывалъ Антоній, по какой причинѣ идутъ они. Ибо одни приходили единственно для того, чтобы видѣть его, другіе по причинѣ болѣзни, а иные потому, что страдали отъ бѣсовъ. И трудность путешествія никто не почиталъ для себя бременемъ и не жалѣлъ о трудахъ, потому что каждый возвращался, чувствуя пользу. Когда же было Антонію подобное видѣніе, и рассказывалъ онъ о семъ, — всегда просилъ, чтобы никто не удивлялся ему въ томъ, дивился же бы паче Господу, Который намъ человѣкамъ даровалъ возможность познавать Его по мѣрѣ силъ нашихъ.

Весьма многіе изъ монаховъ согласно и одинаково рассказывали, что совершенно Антоніемъ много и инаго сему подобнаго. Но это еще не столько чудно, сколько предъ всѣмъ инымъ наиболее чуднымъ кажется слѣдующее. Однажды, предъ вкуше-

ніемъ пищи около девятаго часа вставъ помолиться, Антоній ощущаетъ въ себѣ, что онъ восхищенъ умомъ, а что всего удивительнѣе, видитъ самъ себя, будто бы онъ внѣ себя, и кто-то какъ-бы возводитъ его по воздуху; въ воздухѣ же стоятъ какія-то угрюмыя и страшныя лица, которыя хотятъ преградить ему путь къ восхожденію. Поелику же путеводители Антоніевы сопротивлялись имъ, то требуютъ они отчета, не подлежитъ ли Антоній какой-либо отвѣтственности предъ ними, а поэтому хотятъ вести счетъ съ самаго его рожденія; но путеводители Антоніевы воспрепятствовали тому, говоря: «что было отъ рожденія его, то изгладилъ Господь; ведите счетъ съ того времени, какъ сдѣлался онъ инокомъ и далъ обѣтъ Богу». Тогда, поелику обвинители не могли уличить его, свободенъ и невозбраненъ сдѣлался ему путь. И вдругъ видитъ онъ, что какъ-бы возвращается и входитъ самъ въ себя, и снова дѣлается прежнимъ Антоніемъ. Въ сіе время, забывъ о вкушеніи пищи, остатокъ дня и цѣлую ночь проводитъ онъ въ воздыханіяхъ и молитвѣ; ибо удивлялся, видя, съ сколь многими врагами предстоитъ намъ брань, и съ какими трудами должно человѣку проходить по воздуху. И тогда пришло ему на память, что въ семъ именно смыслѣ сказалъ Апостоль: *по князю власти воздушныя* (Ефес. II, 2). Ибо врагъ имѣетъ въ воздухѣ власть вступать въ борьбу съ проходящими по оному, покушается преграждать имъ путь. Почему наипаче и совѣтовалъ Апостоль: *примите вся оружія*

Божія, да возможете противитися въ день лютъ (Ефес. VI, 13).

Антоній имѣлъ еще и сіе дарованіе. Во время пребыванія своего на горѣ въ уединеніи, если иногда, предложивъ самъ себѣ какой-либо вопросъ, приходилъ въ недоумѣніе,—то, по Божію промышленію, во время молитвы бывало ему о томъ откровеніе. и блаженный, по написанному, *былъ научаемъ Богомъ* (Исаія LIV, 13). Такъ однажды велъ онъ разговоръ съ пришедшими къ нему о состояніи души по смерти и о томъ, гдѣ будетъ ея мѣстопробываніе. Въ слѣдующую ночь зоветъ его нѣкто свыше, говоря: «встань, Антоній, выйди и посмотри». Антоній выходитъ (ибо зналъ, кому должно повиноваться), и возведя взоръ, видитъ, что стоитъ кто-то высокій, безобразный и страшный, и касается главою облаковъ, и что восходятъ еще нѣкіе какъ-бы окрыленные, и первый простираетъ къ послѣднимъ руки, и однимъ преграждаетъ путь, другіе же перелетаютъ чрезъ него, и миновавъ его, безбѣдно уже возносятся вверхъ; на послѣднихъ великанъ сей скрежещетъ зубами, о тѣхъ же, которые падаютъ внизъ, радуется. Вдругъ Антонію говоритъ голосъ: «уразумѣй видимое». Тогда отверзся умъ его, и уразумѣлъ онъ, что это есть прехожденіе душъ, что стоящій великанъ есть врагъ завидующій вѣрнымъ, и онъ подпадшихъ власти его удерживаетъ и возбраняетъ имъ идти далѣе; но не можетъ задержать непокорившихся ему, потому что они проходятъ выше его. Увидѣвъ сіе, и такое видѣніе пріявъ

какъ-бы за напоминаніе себѣ, Антоній сталъ прилагать еще вящшее стараніе, чтобы ежедневно преуспѣвать въ прежнихъ подвигахъ. Объявлялъ же онъ о такихъ видѣніяхъ неохотно. Но поелику бывшіе съ нимъ, когда видѣли, что онъ долѣе обыкновеннаго молится и представляется удивленнымъ, спрашивали его и докучали ему своими вопросами, — то принужденъ бывалъ сказывать имъ, какъ отецъ, который ничего не можетъ скрыть отъ дѣтей; притомъ рассуждалъ онъ, что совѣсть его останется чиста, а имъ рассказъ его послужитъ на пользу, когда узнаютъ, что подвижничество имѣетъ благіе плоды, и видѣнія нерѣдко бываютъ утѣшеніемъ въ трудахъ.

Антоній былъ терпѣливаго нрава и имѣлъ смиренномудрое сердце. При всей духовной чистотѣ своей, чрезвычайно уважалъ церковное правило и всякому церковнослужителю готовъ былъ отдавать предъ собою предпочтеніе. Не стыдился преклонять главу предъ епископами и пресвитерами. Если когда приходилъ къ нему какой діаконъ ради пользы своей, — онъ предлагалъ ему слово на пользу, но совершеніе молитвъ предоставлялъ діакону, не стыдясь учиться и самъ. Нерѣдко предлагалъ вопросы и желалъ слушать пребывающихъ съ нимъ; признавался, что и самъ получаетъ пользу, если кто скажетъ что-либо полезное. И лице его имѣло великую и необычайную пріятность. Пріялъ же Антоній отъ Спасителя и сіе дарованіе: если бывалъ онъ окруженъ множествомъ монаховъ, и кому-нибудь, незнавшему его прежде, же-

лательно было видѣть его, — то желающій, миновавъ другихъ, прямо подходилъ къ Антонію, какъ-бы привлекаемый взоромъ его. Отъ другихъ же отличался Антоній не выотою и врачностію, но благонавіемъ и чистотою души. Поелику душа была безмятежна, то и внѣшнія чувства оставались невозмущаемыми, а потому отъ душевной радости весело было и лице, и по движеніямъ тѣлеснымъ можно было ощущать и уразумѣвать спокойствіе души, согласно съ написаннымъ: *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ, въ печалехъ же сушу, стѣтуетъ* (Притч. XV, 13).

Весьма чуденъ былъ онъ по вѣрѣ и благочестивъ. Никогда не имѣлъ общенія съ отщепенцами мелетіанами, зная давнее ихъ лукавство и отступничество; не бесѣдовалъ дружески съ манихеями, или съ другими еретиками, развѣ только для вразумленія, чтобы обратились къ благочестію. И самъ такъ думалъ, и другимъ внушалъ, что дружба и бесѣда съ еретиками — вредъ и гибель душѣ. Гнушался также и аріанскою ересію, и всякому давалъ заповѣдь не сближаться съ аріанами и не имѣть ихъ зловѣрія. Когда приходили къ нему нѣкоторые изъ аріанъ, то испытывалъ и извѣдавъ, что они нечествуютъ, прогонялъ въ горы, говоря, что рѣчи ихъ хуже змѣинаго яда.

Однажды аріане распустили ложный слухъ, будто и Антоній одинаковыхъ съ ними мыслей, — тогда вознегодовалъ онъ и раздражился противъ нихъ; а потомъ, по просьбѣ епископовъ и всей братіи, прибывъ въ Александрію, осудилъ аріанъ, сказавъ, что аріан-

ство есть послѣдняя ересь и предтеча антихриста. Народъ же училъ, что «Сынъ Божій не тварь и не изъ не-сущихъ, но есть вѣчное Слово и Премудрость Отчей сущности. А посему, нечестиво—говорить о Сынѣ: было, когда Его не было. Ибо Слово всегда соприсуще Отцу. Поэтому, не имѣйте никакого общенія съ нечестивѣйшими аріанами. Ибо нѣтъ никакого общенія *свѣту ко тмѣ* (2 Коринѳ. VI, 14). Какъ вы, благочестиво вѣрующіе, именуетесь христіанами, такъ они, именующіе тварію сущаго отъ Отца Божія Сына и Отчее Слово, ничѣмъ не отличаются отъ язычниковъ, служа твари паче сотворшаго Бога. Вѣрьте же, что даже и вся тварь негодуетъ на нихъ за то, что Творца и Господа вселенной, *Имже вся быша*, сопричисляють къ существамъ сотвореннымъ». Весь народъ радовался, слыша, что такимъ мужемъ анаѳематствуется христорборная ересь. Всѣ жители города сбѣгались видѣть Антонія. Даже язычники и такъ называемые ихъ жрецы приходили въ храмъ Господень, говоря: «желаемъ видѣть челоувѣка Божія». Ибо такъ называли его всѣ. И здѣсь Господь чрезъ него освободилъ многихъ отъ бѣсовъ и исцѣлилъ повредившихся въ умѣ. Многіе даже изъ язычниковъ желали хотя прикоснуться только къ старцу, въ той увѣренности, что получаютъ отъ сего пользу. И дѣйствительно, въ сіи немногіе дни столько обратилось въ христіанство, сколько въ иныя времена обращалось въ продолженіе года. Иные думали, что стеченіе народа беспокоитъ его, и потому отгоняли

отъ него всѣхъ приходящихъ; но невозмущаемый ничѣмъ Антоній сказалъ: «число приходящихъ не больше числа демоновъ, съ которыми ведемъ брань въ горѣ».

Когда же Антоній отходилъ, и мы сопровождали его, — тогда, какъ-скоро дошли до городскихъ воротъ, одна женщина воскликнула позади насъ: «остановись, человекъ Божій! Дочь мою жестоко мучитъ бѣса. Остановись, умоляю тебя, чтобы и мнѣ, бѣжа за тобою, не потерпѣть бѣды». Старець, услышавъ это и упрошенный нами, охотно остановился. И какъ-скоро женщина приблизилась, дочь ея повергнута была на землю; но Антоній помолился и призвалъ имя Христово; тогда отроковица возстала здоровою, потому что вышелъ изъ нея нечистый духъ. Матерь благословляла Бога, и всѣ воздавали Ему благодареніе. Самъ же Антоній радовался, возвращаясь въ гору, какъ въ собственный свой домъ.

Былъ же онъ весьма разуменъ, и что удивительно, не учась грамотѣ, отличался тонкостію и проницательностію ума. Однажды пришли къ нему два языческіе философа, думая, что могутъ искусить Антонія. Былъ же онъ на внѣшней горѣ и, догадавшись по лицу шедшихъ, какіе это люди, вышелъ къ нимъ и сказалъ черезъ переводчика: «почему столько беспокоитесь вы, философы, для человека несмысленнаго?» Когда же отвѣтили они, что Антоній человекъ вовсе не несмысленный, а напротивъ того, весьма умный, тогда продолжалъ онъ: «если шли вы

къ человѣку несмысленному, то напрасенъ трудъ вашъ. А если почитаете меня разумнымъ, то будьте такими же, каковъ я, потому что хорошему должно подражать. Если бы и я пришелъ къ вамъ, то вамъ сталъ бы подражать. Если же вы ко мнѣ пришли, то будьте такими же, каковъ я, а я—христiанинъ». Философы удалились съ удивленіемъ. Они видѣли, что и демоны боятся Антонія. Когда еще встрѣтились съ нимъ на внѣшней горѣ иные подобные симъ философамъ и думали осмѣять его въ томъ, что не учился онъ грамотѣ,—тогда Антоній спрашиваетъ ихъ: «какъ скажете: что первоначальнѣе—умъ, или письменна? И что чему причиною: умъ ли письменамъ, или письменна уму?» Поелику же отвѣтили они: умъ первоначальнѣе, и онъ изобрѣтатель письменъ,—то Антоній сказалъ: «поэтому, въ комъ здравый умъ, тому ненужны письменна». Отвѣтъ сей поразилъ и философовъ и всѣхъ бывшихъ при семъ, и они ушли, дивясь, что въ неученомъ нашли такую пронизательность. Ибо Антоній не грубый имѣлъ нравъ, какъ возросшій и состарѣвшійся на горѣ, а напротивъ того, былъ пріятенъ и обходителенъ. Слово его создано было Божественною солюю, а потому никто не имѣлъ къ нему ненависти, всѣ же приходившіе къ нему паче о немъ радовались.

И дѣйствительно, когда послѣ сего пришло къ нему еще нѣсколько человѣкъ язычниковъ, почитавшихся мудрецами, и потребовали у него слова о вѣрѣ нашей во Христа, имѣли же намѣреніе войти въ

разсужденіе о проповѣди Божественнаго креста, чтобы посмѣяться, — тогда Антоній, помолчавъ немного и сперва пожалѣвъ о ихъ невѣжествѣ, сказалъ имъ чрезъ переводчика, вѣрно передававшего слова его: «что лучше, исповѣдывать ли крестъ, или такъ называемымъ у васъ богамъ приписывать блудодѣянія и дѣторастлѣніе? А если говорить о крестѣ, что признаете лучшимъ: претерпѣть ли крестъ по злоумышленію людей лукавыхъ и не ужасаться какого бы то ни было рода смерти, или слагать басни о странствіяхъ Озириса и Изиды, о козняхъ Тифона, о бѣгствѣ Крона, о поглощеніи дѣтей и объ отцеубійствахъ? Ибо это—ваши мудрованія. Почему же, посмѣваясь кресту, не удивляетесь воскресенію? Ибо сказавшіе одно написали и другое. Или почему, упоминая о крестѣ, умалчиваете о воскресенныхъ мертвецахъ, о прозрѣвшихъ слѣпцахъ, объ исцѣвленныхъ разслабленныхъ, объ очищенныхъ прокаженныхъ, о хожденіи по морю и другихъ знаменіяхъ и чудесахъ, показывающихъ, что Христосъ не человекъ, но Богъ? Мнѣ кажется, что вы весьма несправедливы сами къ себѣ и не читали съ искреннимъ расположеніемъ нашихъ Писаній. Прочтите же, и увидите: дѣла, совершенныя Христомъ, доказываютъ, что Онъ Богъ, пришедшій для спасенія человекъ».

Поелику же они были въ недоумѣніи и обращались туда и сюда, то Антоній, улыбнувшись, сказалъ еще чрезъ переводчика: «хотя съ перваго взгляда видно сіе само собою, однакоже, поелику опираетесь

вы болѣе на доказательство изъ разума и, владѣя симъ искусствомъ, требуете, чтобы и наше богочестіе было не безъ доказательствъ отъ разума, то скажите мнѣ прежде всего: какимъ образомъ приобрѣтается точное познаніе о вещахъ, и преимущественно вѣдѣніе о Богѣ, посредствомъ ли доказательствъ отъ разума, или посредствомъ дѣйственности вѣры? И что первоначальнѣе: дѣйственная ли вѣра, или разумное доказательство?» Когда же отвѣтили они, что дѣйственная вѣра первоначальнѣе и что она есть точное вѣдѣніе, тогда сказалъ Антоній: «хорошо говорите вы. Вѣра происходитъ отъ душевнаго расположенія, а діалектика отъ искусства ея составителей. Поэтому, въ комъ есть дѣйственность вѣры, для того не необходимы, а скорѣе излишни, доказательства отъ разума. Ибо что уразумѣваемъ мы вѣрою, то вы пытаетесь утверждать изъ разума, и часто бываете не въ состояніи выразить то словомъ, что мы разумѣемъ ясно; а посему дѣйственность вѣры лучше и тверже вашихъ великомудрыхъ умозаключеній. Итакъ, у насъ христіанъ таинство боговѣдѣнія не въ мудрости языческихъ умствованій, но въ силѣ вѣры, даруемой намъ отъ Бога Іисусомъ Христомъ. И истинно слово мое; ибо вотъ нынѣ мы, не учившись письменамъ, вѣруемъ въ Бога, изъ твореній познавая Его о всемъ промысленіе. И дѣйствена вѣра наша; ибо вотъ нынѣ мы утверждаемся на вѣрѣ во Христа, а вы на велемудрыхъ словопреніяхъ, и ваши идолы не чудодѣйствуютъ болѣе, а наша вѣра распространяется

повсюду; и вы своими умозаключеніями и своимъ велемудріемъ никого не совращаете изъ христіанства въ язычество, а мы, уча вѣрѣ во Христа, отвращаемъ людей отъ вашего суевѣрія, потомучто всѣ признають Христа Богомъ и Сыномъ Божіимъ; вы своимъ краснорѣчіемъ не можете положить преградъ ученію Христову, а мы именемъ Христа распятаго прогоняемъ всѣхъ демоновъ, которыхъ страшитесь вы, какъ боговъ, и гдѣ знаменіе крестное, тамъ изнемогаетъ чародѣйство, бездѣйственно волшебство. И то еще удивительно, что ваша вѣра никогда не была гонима, но чествуется людьми въ городахъ; исповѣдники же Христовы гонимы, и однакоже наша вѣра паче вашей цвѣтетъ и распространяется. И ваша вѣра, хвалимая и прославляемая, гибнетъ; а вѣра христіанская и ученіе Христово, вами осмѣиваемыя и часто гонимыя царями, наполнили собою вселенную. Ибо когда просіяло такъ Боговѣдѣніе? Или когда появились въ такой силѣ цѣломудріе и добродѣтель дѣвства? И когда люди въ такой мѣрѣ стали презирать смерть? Не со времени ли креста Христова? Никто не усумнится въ томъ, видя мучениковъ, ради Христа презирающихъ смерть, видя дѣвъ церковныхъ, ради Христа сохраняющихъ тѣла свои чистыми и неоскверненными. И сихъ доводовъ достаточно въ доказательство, что вѣра Христова есть единое истинное богочестіе. Донынѣ еще нѣтъ вѣры у васъ, ищущихъ доказательствъ отъ разума. А мы, какъ сказалъ учитель нашъ, *не въ препрѣтelnыхъ языскія*

премудрости словесъхъ (1 Коринѳ. II, 4) ищемъ доказательствъ, но ясно убѣждаемъ вѣрою, предваряющею построенія разума. Вотъ и здѣсь находятся страждущіе отъ демоновъ» (въ числѣ пришедшихъ къ Антонію были и мучимые бѣсами). И Антоній, изведя ихъ на средину, сказалъ: «или вы своими умозаключеніями и какимъ угодно искусствомъ и чародѣйствомъ, призвавъ идоловъ вашихъ, изгоните изъ нихъ бѣсовъ, или, если не можете, перестаньте препираться съ нами, и увидите силу креста Христова». Сказавъ сіе, призвалъ онъ имя Христова, въ другой и въ третій разъ запечатлѣлъ страждущихъ крестнымъ знаменіемъ, и вдругъ они избавились отъ страданій, стали здравы умомъ, и возблагодарили наконецъ Господа. А такъ называемые философы дивились и подлинно изумлялись, видя и благоразуміе Антонія и совершенное имъ чудо. Антоній же сказалъ имъ: «что дивитесь сему? Не мы дѣлаемъ это, творить же сіе Христосъ чрезъ вѣрующихъ въ Него. Посему и вы увѣруйте; тогда увидите, что у насъ не искусство владѣть словомъ, но вѣра, сильная дѣйственною ко Христу любовію. Если бы и вы имѣли вѣру сію, то не стали бы искать доказательствъ отъ разума, но почли бы достаточною для себя вѣрою во Христа». Такъ говорилъ Антоній. Они же съ удивленіемъ удалялись, лобзая Антонія и сознаваясь, что пріобрѣли отъ него пользу.

Слухъ объ Антоніи дошелъ и до царей. Константинъ Августъ и сыновья его Констанцій и Констансъ Августы по слуху сему писали къ нему, какъ отцу,

и желали получить отъ него отвѣтъ. Но для Антонія немного значили и царскія письма, не восхитился онъ сими посланіями, но пребылъ такимъ же, какимъ былъ и прежде, нежели писали къ нему цари. А когда принесли ему сіи посланія, созвалъ онъ монаховъ и сказалъ: «не дивитесь, если пишетъ къ намъ царь, потомучто и онъ человекъ; но дивитесь паче тому, что Богъ написалъ людямъ законъ и глаголаъ къ нимъ чрезъ собственнаго Сына Своего». Поэтому думалъ онъ не принять писемъ, говоря: «не умѣю отвѣчать на подобныя писанія». Но монахи представляли, что цари сіи суть христіане и могутъ соблазниться, если письма будутъ отринуты; посему дозволилъ прочесть и отвѣтствовалъ на сіи посланія, восхваляя царей за то, что покланяются Христу, и далъ имъ спасительные совѣты не высоко цѣнить настоящее, но памятовать паче о будущемъ судѣ и вѣдать, что Христосъ есть единый истинный и вѣчный Царь; просилъ также царей быть человекѣлюбивыми, заботиться о правдѣ и о нищихъ. И они съ радостію приняли отвѣтъ. Такъ былъ онъ возлюбленъ всѣми, такъ всѣ желали имѣть его отцемъ.

Сдѣлавшись уже столько извѣстнымъ, и послѣ того, какъ давалъ такіе отвѣты приходившимъ, снова возвратился онъ во внутреннюю гору и проводилъ время въ обычныхъ своихъ подвигахъ. Нерѣдко, сидя или ходя съ пришедшими къ нему, бывалъ въ ужасѣ, какъ пишется о Даніилѣ (Дан. IV, 16), и, по прошествіи нѣкотораго времени, продолжалъ бесѣду свою

съ бывшими при немъ братіями. И они догадывались, что Антонію было какое-либо видѣніе. Ибо нерѣдко, пребывая въ горѣ, видѣлъ онъ, что дѣлалось въ Египтѣ, и пересказывалъ сіе епископу Серапіону, который тогда былъ при Антоніи и примѣчалъ, что Антонію было видѣніе. Однажды, сидя и занимаясь рукодѣльемъ, Антоній пришелъ какъ-бы въ восхищеніе, и во время видѣнія сильно вздыхалъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени обратясь къ бывшимъ при немъ, воздохнулъ и, трепеща всѣмъ тѣломъ, началъ молиться, преклонивъ колѣна, и долго оставался въ такомъ положеніи. Вставъ же, старецъ сталъ плакать. Поэтому, бывшіе при немъ, приведенные въ трепетъ и великій страхъ, изъявили желаніе узнать его видѣніе и долго утруждали его просьбами, пока не вынудили сказать. И сильно воздохнувъ, произнесъ онъ: «лучше, дѣти, умереть, пока не исполнилось видѣніе». Поелику же они снова стали упрашивать, то, залившись слезами, сказалъ: «гнѣвъ постигнетъ Церковь, будетъ она предана людямъ, которые подобны скотамъ безсловеснымъ. Ибо видѣлъ я трапезу храма Господня и кругомъ ея отвсюду стоящихъ мсковъ, которые бьютъ въ нее ногами, какъ обыкновенно дѣлаютъ безчинно прыгающіе и лежающіеся скоты. Конечно вы примѣтили, продолжалъ онъ, какъ вздыхалъ я; ибо слышалъ голосъ, говорящій: оскверненъ будетъ жертвенникъ Мой». Такое видѣніе было старцу. И чрезъ два года открылось у насъ нынѣшнее нашествіе аріанъ и расхищеніе церквей, когда

аріане, съ насиліемъ похищая церковную утварь, носить ее заставляли язычниковъ, когда язычники принуждаемы были оставлять свои работы и идти въ собранія аріанъ, гдѣ они, въ присутствіи язычниковъ, дѣлали на святыхъ трапезахъ, что хотѣли. Тогда-то всѣ мы поняли, что ляганіемъ мсковъ предуказано было Антонію то именно, что теперь, какъ скоты, неразумно дѣлають аріане. Послѣ же того, какъ было Антонію сіе видѣніе, утѣшалъ онъ бывшихъ при немъ, говоря: «не унывайте, дѣти; какъ прогнѣвался Господь, такъ и исцѣлитъ опять. И Церковь вскорѣ восприметъ снова благолѣпіе свое и обычную ей свѣтозарность. Тогда увидите, что гонимые будутъ возставлены, нечестіе снова удалится въ норы свои, а благочестивая вѣра повсюду возвѣщаема будетъ со всею свободою. Не оскверняйте только себя съ аріанами, потомучто не Апостольское это ученіе, но бѣсовское, ведеть начало отъ отца ихъ діавола и, лучше сказать, такъ же бесплодно, неразумно, лишено праваго смысла, какъ и безсловесные мски».

Таковы-то Антоніевы дѣянія, и не должно повергать насъ въ невѣріе то, что столько чудесъ произведено человѣкомъ. Ибо Спаситель далъ обѣтованіе, говоря: *аще имате вѣру яко зѣрно горушино, речете гортъ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ, и ничтоже невозможно будетъ вамъ* (Матѣ. XVII, 20); и еще: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Просите и приимете* (Іоан. XVI, 23—24). Самъ Господь говоритъ ученикамъ и

всѣмъ вѣрующимъ въ Него: *болящыя изцѣляйте, бѣсы изгоняйте. Туне пріясте, туне дадите* (Матѳ. X, 8).

Антоній исцѣлялъ не повелительнымъ словомъ, но молитвою и призываніемъ имени Христова, желая для всѣхъ содѣлать явственнымъ, что творить сіе не онъ, но Господь чрезъ Антонія являетъ Свое чело-вѣколюбіе и исцѣляетъ страждущихъ; Антонію же принадлежатъ только молитва и подвиги, ради кото-рыхъ, пребывая въ горѣ, утѣшаемъ онъ былъ Божественными видѣніями. Онъ скорбѣлъ, что многіе безпокоятъ и принуждаютъ его оставлять гору.

Однажды, когда сильно побуждали его сойти съ горы имѣющіе въ немъ нужду, и долго просилъ о томъ одинъ военачальникъ, Антоній пришелъ, и кратко побесѣдовавъ о томъ, что служитъ ко спасенію, и о потребностяхъ нуждающихся, спѣшилъ идти назадъ. Поелику же упомянутый военачальникъ сталъ просить, чтобы помедлилъ, — сказалъ онъ, что не можетъ долѣе оставаться съ ними, и убѣдилъ въ этомъ военачальника такимъ остроумнымъ сравненіемъ: «какъ рыбы, оставаясь долго на сухой землѣ, умираютъ, такъ и монахи, замедляя съ вами и проводя время въ вашемъ обществѣ, разслабѣваютъ. Поэтому, какъ рыбѣ должно спѣшить въ море, такъ намъ въ гору, чтобы, промедливъ у васъ, не забыть того, что внутри». Военачальникъ, выслушавъ отъ него это и многое дру-гое, въ удивленіи сказалъ: «подлинно онъ Божій рабъ. Ибо откуда у челоуѣка некнижнаго быть такому великому уму, если бы не былъ онъ возлюбленъ Богомъ?»

Одинъ же военачальникъ, по имени Валакій, немилосердо гналъ насъ христіанъ изъ усердія къ злоименнымъ аріанамъ. Онъ былъ до того жестокъ, что билъ дѣвъ, обнажалъ и наказывалъ бичами монаховъ. Антоній посылаетъ къ нему и пишетъ письмо въ такомъ смыслѣ: «вижу грядущій на тебя гнѣвъ Божій. Перестань гнать христіанъ; иначе, гнѣвъ постигнетъ тебя. Ибо онъ готовъ уже поразить тебя». Валакій, разсмѣявшись, бросилъ письмо на землю и оплевалъ оное, принесшимъ же нанесъ оскорбленіе, и велѣлъ сказать Антонію слѣдующее: «поелику заботишься о монахахъ, то дойду и до тебя». Но не прошло пяти дней, какъ постигъ его гнѣвъ Божій. Валакій съ Несторіемъ, епархомъ Египетскимъ, отправился на первый ночлегъ отъ Александріи, именуемый Хереусъ; оба ѣхали на коняхъ, принадлежавшихъ Валакію, и кони сіи были смиренѣе всѣхъ, какихъ только держалъ онъ у себя. Не успѣли добраться до мѣста, какъ начали кони по обычаю играть между собою, и самый смиренный изъ нихъ, на которомъ ѣхалъ Несторій, вдругъ началъ кусать Валакія, и до того зубами изгрызъ ногу его, что немедленно отнесли его въ городъ, а на третій день онъ умеръ. Тогда всѣ удивились, что такъ скоро исполнилось Антоніево предсказаніе.

Такъ вразумлялъ Антоній людей жестокосердыхъ, другихъ же, приходившихъ къ нему, приводилъ въ такое умиленіе, что немедленно забывали они о дѣлахъ судебныхъ и начинали ублажать отрекшихся

отъ мірской жизни. За обиженныхъ же Антоній предстательствовалъ съ такою силою, что можно было подумать, будто бы терпитъ обиду самъ онъ, а не другой кто. Притомъ, въ такой мѣрѣ умѣлъ онъ говорить на пользу каждому, что многіе изъ людей военныхъ и имѣющихъ большой достатокъ слагали съ себя житейскія тяготы и дѣлались наконецъ монахами. Однимъ словомъ, какъ врачъ, дарованъ онъ былъ Богомъ Египту.

Приходили къ нему и изъ чужихъ земель, и вмѣстѣ со всѣми получивъ пользу, возвращались, какъ-бы разставаясь съ отцемъ. И теперь, по его усненіи, всѣ, ставъ, какъ сироты послѣ отца, утѣшаются однимъ воспоминаніемъ о немъ, храня въ сердцѣ его наставленія и увѣщанія.

А каковъ былъ конецъ жизни его, сіе достойно того, чтобы и мнѣ напомнать, и вамъ выслушать съ любовію, потомучто и въ этомъ должно соревновать ему. Посѣщаль онъ по обычаю монаховъ, живущихъ на внѣшней горѣ, и предувѣдомленный Промысломъ о кончинѣ своей, сказалъ братіи такъ: «последнее это мое посѣщеніе вамъ; и удивительно будетъ, если удивимся еще въ жизни сей. И мнѣ время уже разрѣшиться, потомучто близъ ста пяти лѣтъ имѣю себѣ отъ роду». Братія, слыша сіе, плакали, обнимали и лобызали старца. А онъ, какъ-бы изъ чужаго города возвращаясь въ свой, бесѣдовалъ съ ними весело и заповѣдалъ имъ трудиться нелѣпно и не унывать въ подвигѣ, но жить, какъ-бы ежедневно

умирая, и, по сказанному выше, стараться охранять душу свою отъ нечистыхъ помысловъ, соревновать святымъ, не сближаться съ отщепенцами мелетіанами, зная лукавое и мерзкое ихъ произволеніе, не имѣть никакого общенія съ аріанами, потомучто ихъ нечестіе всякому явно: «и если видите, что имъ покровительствуютъ судіи, не смущайтесь, потомучто лжемудріе ихъ прекратится, оно временно и непродолжительно. Посему, храните себя паче чистыми отъ онаго, соблюдайте преданіе отцевъ, предпочтительно же всему благочестную вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа, какой научились вы изъ Писанія и о какой часто напоминалъ я вамъ».

Когда же братія неотступно стали просить, чтобы у нихъ остался и скончался, онъ не согласился на сіе, какъ по многимъ причинамъ, какія, даже умалчивая о нихъ, давалъ однакоже выразумѣть, такъ особенно по слѣдующей. Египтяне имѣють обычай, хотя совершать чинъ погребенія надъ тѣлами скончавшихся уважаемыхъ ими людей и особенно святыхъ мучениковъ, и обвивать ихъ целенами, но не предавать ихъ землѣ, а возлагать на ложахъ и хоронить у себя въ домахъ, думая, что симъ воздаютъ чествованіе отшедшимъ. Антоній многократно просилъ епископовъ запретить сіе мірянамъ, также и самъ убѣждалъ мірянъ и дѣлалъ выговоры женщинамъ, говоря: «незаконно сіе и вовсе неблагочестно. Ибо тѣла патріарховъ и пророковъ донынѣ хранятся въ гробницахъ, и самое тѣло Господне положено было

во гробъ, и приваленный камень скрывалъ оное, пока не воскресло въ третій день». Говоря же сіе, показывалъ онъ, что незаконно поступаетъ, кто тѣла скончавшихся, даже и святыя, не предаеть по смерти землѣ. Ибо что досточестнѣе и святѣе Господня тѣла? Посему многіе, выслушавъ это, стали потомъ тѣла умершихъ предавать землѣ, и научившись у Антонія, благодарили за сіе Господа.

Антоній же, зная сей обычай и опасаясь, чтобы не поступили такъ и съ его тѣломъ, простившись съ монахами, пребывавшими на внѣшней горѣ, поспѣшилъ отшествіемъ, и пришедши во внутреннюю гору, гдѣ обыкновенно пребывалъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ впалъ въ болѣзнь. Тогда, призвавъ бывшихъ при немъ (было же ихъ двое: они жили съ нимъ на внутренней горѣ, подвизаясь уже пятнадцать лѣтъ и прислуживая Антонію по причинѣ старости его), сказалъ имъ: «*азъ, какъ написано, отхожду въ путь отцевъ* (Ис. Навин. XXIII, 14). Ибо вижу, что зоветъ меня Господь. А вы трезвитесь и не погубите многолѣтнихъ вашихъ подвиговъ, но какъ начали теперь, такъ и старайтесь соблюсти свое усердіе. Знаете злокозненность демоновъ, знаете, какъ они жестоки, но немощны въ силахъ. Поэтому не бойтесь ихъ, но паче укрѣпляйтесь всегда о Христѣ и вѣруйте въ Него; живите, какъ-бы ежедневно умирая; будьте внимательны къ себѣ самимъ; помните наставленія, какія слышали отъ меня. И если имѣете попеченіе о мнѣ и помните, какъ объ отцѣ, то пре-

дайте тѣло мое погребенію и скройте подъ землею. Да соблюдено будетъ вами сіе мое слово, чтобы никто не зналъ мѣста погребенія тѣла моего, кромѣ васъ однихъ, потомучто въ воскресеніе мертвыхъ прииму оное отъ Спасителя нетлѣннымъ. Раздѣлите одежды мои: епископу Аѳанасію отдайте одну милоть и подостланную подо мною одежду, — она имъ мнѣ дана новая и у меня обветшала; а епископу Серапіону отдайте другую милоть; власяницу возьмите себѣ. Прощайте, чада; Антоній преселяется, и не будетъ его болѣе съ вами!» Сказавъ это, когда облобызали его бывшіе при немъ, Антоній протянулъ ноги, и какъ-бы видя пришедшихъ къ нему друзей и обрадованный прибытіемъ ихъ (ибо возлежалъ съ веселымъ лицемъ), скончался и приложился къ отцамъ. Они же, какъ далъ имъ заповѣдь, совершивъ чинъ погребенія, обвивъ тѣло, предали оное землѣ, и кромѣ ихъ двоихъ, донынѣ никто не знаетъ, гдѣ оно погребено.

Таковъ былъ конецъ Антоніевой жизни въ тѣлѣ и таково начало его подвижничества. И хотя повѣствованіе сіе малозначительно въ сравненіи съ Антоніевыми добродѣтелями, однакоже и изъ сего заключайте, каковъ былъ Божій человѣкъ Антоній. Съ юныхъ лѣтъ и до такого возраста соблюдавшій равное усердіе къ подвижничеству, ни по старости не обольщавшійся дорогими снѣдьями, ни по немощи тѣла своего не измѣнявшій вида своей одежды, или даже не обмывавшій ногъ водою, ни въ чемъ однакоже не потерпѣлъ онъ вреда. Глаза у него были

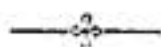
здоровы и невредимы, и видѣлъ онъ хорошо. Не выпало у него ни одного зуба, а только ослабли они въ деснахъ отъ преклонныхъ лѣтъ старца. Здоровъ онъ былъ руками и ногами. Однимъ словомъ, казался бодрѣе и крѣпче всякаго, пользующагося разнообразными снѣдями, омовеніями и различными одеждами. А что всюду говорили о немъ, всѣ удивлялись ему, даже не видавшіе любили его, это служить доказательствомъ его добродѣтели и боголюбивой души. Ибо не сочиненіями и внѣшнею мудростію, не искусствомъ какимъ, но единымъ богочестіемъ сталъ извѣстенъ Антоній. И никто не станетъ отрицать, что это былъ Божій даръ. Ибо какъ въ Испанію, въ Галлію, въ Римъ и въ Африку дошелъ бы слухъ о челоуѣкѣ, который скрывался и жилъ въ горѣ, если бы не Богъ содѣлывалъ повсюду извѣстными рабовъ Своихъ, что и Антонію обѣщаль Онъ еще вначалѣ? Хотя сами они дѣлаютъ все тайно и желаютъ быть сокрытыми, но Господь дѣлаетъ ихъ видимыми для всѣхъ, подобно свѣтильникамъ, чтобы, слыша о нихъ, знали, какъ могутъ заповѣди приводить къ преспѣянію, и возревновали идти путемъ добродѣтели.

Поэтому прочтите сіе жизнеописаніе и другимъ братіямъ; пусть узнаютъ, какова должна быть жизнь иноческая, и пусть убѣдятся, что Господь и Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ прославляетъ прославляющихъ Его, и служащихъ Ему до конца не только вводитъ въ Небесное Царствіе, но и здѣсь, сколько бы ни утаивались и ни старались пребывать въ уеди-

неніи, содѣлываетъ повсюду извѣстными и славными, ради добродѣтели ихъ и ради пользы другихъ. Если же потребуетъ нужда, прочтите сіе и язычникамъ: пусть и они такимъ образомъ познають, что не только Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Богъ и Сынъ Божій, но и искренне служащіе Ему и благочестиво вѣрующіе въ Него христіане, тѣхъ самыхъ бѣсовъ, которыхъ язычники почитаютъ богами, не только изобличаютъ, что они не боги, но, какъ обольстителей и растлителей чловѣка, попираютъ и прогоняютъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	3
Жизнь святаго Аѳанасія.	
Дѣтство и юность	7
Участіе св. Аѳанасія на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ	15
Первые годы архіепископства св. Аѳанасія и его изгнанія	19
Послѣдніе дни жизни св. Аѳанасія	36
Значеніе личности св. Аѳанасія и его дѣятельности	41
О твореніяхъ св. Аѳанасія Великаго.	
Обстоятельства происхожденія твореній св. Аѳанасія и величіе ихъ	48
Изложеніе твореній св. Аѳанасія, ихъ внутренній характеръ, направленіе и главный предметъ	50
Значеніе твореній св. Аѳанасія Великаго	52
Изданія твореній св. Аѳанасія	54
Избранныя творенія св. Аѳанасія Великаго.	
Слово на язычниковъ	59
Изъ слова о воплощеніи Бога-Слова и о пришествіи Его къ намъ во плоти	103
О явленіи во плоти Бога-Слова и противъ аріанъ	108
На аріанъ слово третіе	138
Изъ бесѣды «о слѣспорожденномъ»	241
Слово на слова: «вся Мнѣ предана суть...»	247
Отрывокъ изъ 39-го праздничнаго посланія	257
Сказаніе объ аввахъ Θεодорѣ и Паммонѣ блаженнаго Аѳанасія, епископа Александрійскаго, Аммону, епископу Елеархіи, и Ермону, епископу Вумастикъ	260
Житіе преподобнаго отца нашего Антонія, описанное св. Аѳанасіемъ въ посланіи къ инокамъ, пребывающимъ въ чужихъ странахъ	261

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА.

въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- 1) Акаѳистъ святому ангелу, неусыпаемому хранителю человѣческой жизни. Съ изображ. св. ангела. Гражд. печ. Роскошн. изд., отпеч. на вел. бум., двумя красками, крупной печати. Спб. Ц. 30 коп., въ коленк. перепл. 75 к.
- 2) Акаѳистъ Пресвятѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Церк. печ. Спб., ц. 20 к., гражд. печ., ц. 20 к.
- 3) Акаѳистъ Пр. Богородицѣ явленія ради чудотворныя иконы Ея, Казанскія. Церк. печ., Спб. Ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.
- 4) Акаѳистъ ко Пр. Госп. Владычицѣ, Дѣвѣ Богородицѣ, преславнаго ради явленія чудотворныя иконы Ея, именуемая Тихвинскія. Церк. печ. Спб., ц. 20 к. Гражд. печ., ц. 20 к.
- 5) Акаѳистъ святому пророку Божію Іліи. Церк. печ. Ц. 30 к. Гражд. печ. Ц. 30 к.
- 6) Акаѳистъ св. чудотворцу Іоанну Воину. Гражд. печ., Спб. Ц. 20 к. Церк. печ., въ 4 листа, ц. 50 к.
- 7) Акаѳистъ св. мучен. Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви и матери ихъ Софіи. Съ изображеніемъ. Спб., 1894 г. Церк. печати, ц. 30 к., то же гражд. печ., ц. 30.
- 8) Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности. Іером. *Антонія*. Изд. 2-е. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
- 9) Объ истинномъ христіанствѣ. Съ при- совокупленіемъ райскаго вертограда, испол- неннаго христіанскихъ добродѣтелей, или собранія поучительныхъ и утѣшительныхъ мо- литвъ. Сочиненіе *Іоанна Ардта*. Два тома въ 5-ти частяхъ. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученич. библ. средн. учебн. завед. и нач. школь. 1240 стр. Спб., 1875 г. Ц. 4 р.
- 10) Поученія къ простому народу. *Іоанна Архангельскаго*, священника Саратовской Срѣтенской церкви. Изд. 6-е. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ коленк. пер. 2 р. 25 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобр. для ученич. библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед.
- 11) Нравоучительныя повѣсти для дѣтей. Протопр. *В. Б. Бажанова*. Спб., 1889 г. Ц. 25 к.
- 12) Пища для ума и сердца, или собраніе христіанск. размышл. Перев. съ иностран. Прот. *В. Б. Бажанова*. Спб., 1889 г. Ц. 1 р.
- 13) Примѣры благочестія изъ житій свя- тыхъ. Пр. *В. Б. Бажанова*. Спб., 1889 г. Ц. 25 к.
- 14) Притчи, избранныя изъ Круммахера Пр. *В. Б. Бажановымъ*. Спб., 1889 г. Ц. 25 к.
- 15) Сокровище духовное отъ міра собирае- мое. Изъ твореній св. отца нашего Тихона, еп. Воронежскаго. Протопр. *В. Б. Бажанова*. Спб., 1889 г. Ц. 20 к.
- 16) О вѣрѣ и жизни христіанской. Протопр. *В. Б. Бажанова*. Изд. 7-е. Спб., 1891 г. Ц. 10 к.
- 17) О религіи. Протопр. *В. Б. Бажанова*. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.
- 18) Правила святой жизни. Изложены Ав- вою *Бернардомъ*. Спб., 1882 г. Ц. 50 к., въ роскошн. коленк. переплетѣ 1 р.
- 19) Бесѣды Евг. Берсье. Томы 1, 2 и 3. Спб., 1890—93 г. Ц. 2 р. 60 к.
- 20) Голосъ сельскаго пастыря. Поученія, рѣчи и виѣбогослужебныя чтенія. Священ. *Θ. Богородскаго*. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1893 г. ц. 1 р. 50 к.
- 21) Бесѣды на символъ вѣры, говорен. свящ. *П. Богоявленскимъ*. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- 22) Бесѣды о молитвѣ Господней, говорен. къ сельск. прих. свящ. *П. Богоявленскимъ*. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 30 к.
- 23) День святой жизни, или отвѣтъ на во- просъ: какъ мнѣ жить свято? Изд. 2-е, Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- 24) Борисъ, архим. Рект. Спб. Дух. Акад. Въ какихъ отношеніяхъ особенно важно для пастыря Церкви обладать научнымъ зна- ніемъ Богословія? Спб., 1893 г. Ц. 10 к.
- 25) — Въ чемъ искать счастья въ жизни? Спб., 1893 г. Ц. 10 к.
- 26) — Къ учащимся. О значеніи и поль- зѣ образованія. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.
- 27) — О побужденіяхъ къ усерднымъ за- нятіямъ науками, по ученію Слова Божія. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.
- 28) — Опытъ объясненія XLIX главы книги Бытія. Спб., 1893 г. Ц. 20 к.
- 29) Знаменіе Божіей Матери. Съ изобра- женіемъ иконы. Соч. свящ. *Д. Булаковска- го*. Спб., 1893 г. Ц. 5 к.
- 30) Молитва царица добродѣтелей. Свящ. *Д. Булаковскаго*. Изд. 4-е. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.
- 31) Память о покойникахъ. Свящ. *Д. Булаковскаго*. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 5 к.
- 32) Такъ ли мы живемъ какъ Богъ велитъ? Свящ. *Д. Булаковскаго*. Спб. 1893 г. Ц. 3 к.

33) Храмъ Божій и его священная важность для христіанъ. Изд. 4-е Свящ. Д. Булаковскаго. Сиб. 1893 г. Ц. 10 к.

34) Жизнь Господа нашего Исуса Христа. Опытъ историко-критическаго изложенія Евангельской исторіи. Съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйш. врем. Свящ. Т. Буткевича. Изд. 2-е, исправл. и дополи. Сиб., 1887 г. Ц. 4 р., въ изящн. коленк. перепл. 5 р.

35) Иннокентій Борисовъ, бывшій архіеп. Херсонскій. Свящ. Т. Буткевича. Сиб., 1887 г. Ц. 2 р.

36) Кругъ Поученій (110) на всѣ воскресныя и праздничныя дни въ году и на седмицы: Пасхальную, Первую поста и Страстную. Прот. Алексѣя Вильоцкова. Изд. 4-е, дополи. Св. Синодъ, опредѣленіемъ отъ 1—20 мая 1881 г., одобрилъ для приобр. въ церковн. библ. (Церк. Вѣст., № 31, 1881 г.). Сиб., 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ изящн. коленк. перепл. 2 р. 25 к.

37) Св. Іоаннъ Дамаскинъ. Три защитительныхъ слова противъ порицающихъ святыхъ иконы или изображенія. Съ греческаго перевелъ А. Бронзовъ. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р.

38) Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній на всѣ дни года. Графа П. А. Валуева. Сиб., 1885 г., ц. 4 р., въ переплетѣ 5 р.

39) Новая скрижаль, или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ. Веніаминъ, архіеп. Нижегород. 1-я 4-хъ част., съ рисун., гравиров. на деревѣ В. Сѣряковымъ. Изд. 15-е. Сиб., 1891 г. Ц. 2 р.

40) Опытъ изученія Евангелія св. Іоанна Богослова. Георгія Властова. Въ 2-хъ томахъ. Сиб., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к., въ изящномъ коленк. пер. 4 р. 50 к.

41) Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ. Георгія Властова. Въ 3-хъ томахъ. Изд. второе, исправл. Всѣ три тома „Священ. лѣтопись“ опредѣлен. Св. Синода одобрены для приобрѣт. въ фундаментальныя и ученич. библ. духовныхъ семин. Мин. Нар. Просв. реком. для фундаментальн. библ. средн. учебн. заведен. Реком. для всѣхъ церк. Сиб., 1878 г. Ц. 8 р. 50 к.

42) Практическія задачи дѣятельности сельскаго православнаго священника А. Громаческаго. Сиб., 1890 г. Ц. 1 р.

43) Дни Богослуженія православной католической восточной Церкви. Протоіерея Г. С. Дебольскаго 2 большихъ тома въ 6 частяхъ. Изд. 8-е. Сиб., 1887 г. Ц. 3 р., въ

роскошн. коленк. пер. 4 р. Ученымъ Комит. Мин. Народ. Просв. одобрены для ученич. библ. средн. и низш. учеб. заведеній.

44) Попеченіе Православной Церкви о спасеніи міра, выраженное въ ея Богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ, таинствъ и Богослуженія православной Церкви. Прот. Г. С. Дебольскаго. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е. Одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для ученич. библ. средн. и низш. учебн. завед. Сиб., 1885 Ц. 2 р., въ изящ. коленк. пер. 3 р.

45) Необходимость и важность христіанск. повед. и послуш. православ. Церкви. Прот. Г. С. Дебольскаго. Изд. 2-е. Сиб., 1885 г. Ц. 50 к.

46) Краткое обзореніе Богослуженія православной Церкви. Прот. Г. С. Дебольскаго. Съ рис. въ текстѣ. Изд. 4-е. Сиб., 1886 г. Ц. 50 к.

47) О говѣніи по уставу православной Церкви. Прот. Г. С. Дебольскаго. Изд. 3-е. Сиб., 1892 г. Ц. 50 к.

48) Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія. Прот. Г. С. Дебольскаго. Изд. 3-е. Сиб., 1892 г. Ц. 20 к.

49) О любви къ отечеству и трудѣ по слову Божию. Сиб., 1890 г. Ц. 25 к.

50) Житія Святыхъ. Составлено по Четвериниамъ и другимъ книгамъ Софією Дестуниной. Съ изображеніями святыхъ и праздниковъ академика Ѳ. Г. Солицева. 12 книгъ. Сиб., 1892 г. Ц. 6 р. Одобрено Учен. Комит. при Св. Синодѣ для учен. библ. духовн. семинарій и учил. въ качествѣ назидательн. Чтенія для учащихся (27 іюля 1886 г., № 428). Одобрено Учен. Комитет. Минист. Нар. Просв. для учен. библ. учебн. зав. Минист. Нар. Просвѣщ. (20 мая 1887 г., № 7623). Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей циркулярно рекомендов. мѣстнымъ начальствамъ учебн. и восп. зав. г. Импер. Маріи для библиот. вѣренннхъ имъ зав. (24 февраля 1887 г., № 2995).

51) Житія Святыхъ, ежедневное чтеніе для народа и для церковно-приходскихъ школъ. Со включеніемъ: 1) Мѣсяцеслова, 2) Объясненія праздниковъ и 3) Указанія дней особеннаго чествованія Божіей Матери. Соч. С. Дестуниной. Съ 120 изображеніями святыхъ. 12 кн. Сиб., Ц. 1 р. 80 к.

52) Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи. Основано на священномъ писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніяхъ св.отцовъ Церкви. Сост. Иваномъ

Дмитревскимъ. Вновь пересмотрѣнное и испр. изд., съ рис. акад. *Θ. Г. Солнцева*. Спб., 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., въ изящн. пер. 3 р. 50 к.

53) Нагорная бесѣда Господа нашего Иисуса Христа. Съ толкованіемъ, общепонятно изложеннымъ. Инспект. Черниговск. Дух. Сем. *Θ. Дмитревскаго*. Спб., 1893 г. Ц. 20 к.

54) Руководство къ изъяснительному чтенію Апостольскихъ посланій и Апокалипсиса. Сост. *А. Ивановъ*. Изд. 4-е, исправл. Одобрено Учебн. Комитет. при Св. Синодѣ для употр. въ семин. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

55) Сочиненія епископа Игнатія Брянчаннинова. Съ прил. портр. автора. Изд. 2-е, испр. и дополи. 6 т. Спб., 1886—1891 г. Ц. 13 р., въ коленк. перепл. 19 р.

56) Отечникъ. Избранныя изреченія святыхъ отцовъ и повѣсти изъ жизни ихъ, собранныя епископ. *Игнатіемъ* (Брянчанниновымъ). Спб., 1891 г. Ц. 3 р. Въ коленк. перепл. съ золот. тиснен. 4 р.

57) Слово о смерти. Епископа *Игнатія* (Брянчаннинова). Спб., 1886 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ коленк. переплетѣ 2 р.

58) О терпѣнн скорбей. Ученіе свв. отцовъ, собранное епископомъ *Игнатіемъ* (Брянчанниновымъ). Изд. 3-е. Спб., 1883 г. Ц. 50 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для учен. библиотекъ и низш. учебныхъ заведеній.

59) Благочестивыя размышленія правосл. христ. о своей душѣ. На каждый день мѣс. Съ изреч., заимствован. изъ св. пис., св. отцевъ и свят. Церкви и древнихъ философ. Сост. *П. Игнатіевъ*. Спб., 1890 г. Ц. 30 к., въ изящн. перепл. 75 к.

60) Избранныя изъ житій святыхъ чудеса и видѣнія, какъ доказательства различн. истинъ христіанской православи. вѣры. Матеріалъ для пастырей при составл. поученій, и назидательное чтеніе для всѣхъ правосл. христ. Сост. прот. *Θ. Л.* Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ изящн. коленк. перепл. 1 р. 75 к.

61) Православно-Церковный календарь на 1894 г. съ изложен. кратк. свѣд. о жизни и подвигахъ святыхъ, ежедн. воспом. Прав. Церк., исторіи праздниковъ, и указаніемъ особенностей Богослуженія въ нѣкоторые праздничные и великопостные дни. Съ приложеніемъ стѣннаго календаря. Спб. Ц. 30 к.

62) Св. Іоанна Златоустаго о дѣвствѣ. Перев. *Маріи В-вой*. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

63) Поученія на великія праздники православної Церкви и на 1-ю недѣлю Вели. поста. Сост. арх. *Іосифомъ*. Спб., 1881 г. Ц. 1 р.

64) Мессіада. Божественная поэма, соч. *Клотштока*. Перев. стихами *С. П. Писаревъ*. Въ 3-хъ частяхъ, съ біографическ. очеркомъ и портр. автора. 2 тома. Спб., 1868 г. Ц. 4 р.

65) Ковальницкій прот. Сочиненія и переводы: а) Взглядъ на ученіе социалистовъ объ общеніи имущества. Слово. Ц. 5 к.

б) Голосъ природы о величій Божіемъ и слабости человѣка. Изд. 3-е. Ц. 5 к.

в) Евангельская женщина, обличенная въ грѣхѣ людьми и помилов. Спасителемъ. Ц. 5 к.

г) Жена—христіанка. Слово. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

д) Исповѣдь предъ духовникомъ не лишнее ли дѣло? Ц. 25 к.

е) Іерусалимъ вечеромъ и священникъ на Голгоѣѣ у креста Господня. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

ж) Материнская любовь у животныхъ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

з) Много ли знаетъ человѣкъ о вселенной. Перев. съ нѣм. Ц. 20 к.

и) Обращеніе изъ невѣрія въ христіанство философа Августина. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

і) О величій Божіемъ на небѣ. Слово. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

к) О постѣ на основаніи вѣры и науки. Слово. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

л) О таинствѣ причащенія Тѣла и Крови Спасителя. Ц. 5 к.

м) Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ. Философско-богословское размышленіе. Съ нѣм. Ц. 10 к.

н) Послѣдніе дни жизни преступника, осужденнаго на смертную казнь. Ц. 20 к.

о) Послѣдніе дни жизни Пилата. Съ нѣм. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

п) Прен. Марія Египетская, какъ образецъ борьбы самой съ собой. Изд. 3-е. Ц. 5 к.

р) Проповѣдь Иисуса Христа, какъ доказательство Его божественности. Ц. 10 к.

с) Примѣры святости христіанъ, бывшихъ ремесленниками. Изд. 3-е. Ц. 20 к.

т) Примѣры святости христіанъ бывшихъ врачами. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

у) Причины невѣрія въ наше время. Слово. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

ф) Рождество Иисуса Христа, какъ доказательство Его божественности. Ц. 10 к.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по 20 к. на каждый руб. МАГАЗИНЪ СНАБЖЕНЪ ВЫБОРОМЪ КНИГЪ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХЪ. ТРЕБОВАНИЯ Гр. ИНОГОРОДНИХЪ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ПОЧТОЮ.

